

АЛЕКСАНДРЪ

ISSN 2542-0135

литературно-исторический журнал № 7 (58)

июль, 2021

*Здесь проводистница Тавриды
На брата руку занесла;
На сия развалинах свершилось
Святое дружбы торжество,
И дух великий бодрство
Своим созданием водворилось.*

Александр Пушкин

Содержание журнала для лиц
старше 18 лет
18+

В память Александра Македонского

S. Nikas

ДОРОГИЕ ДРУЗЬЯ!

Вашему вниманию представлен июльский, севастопольский номер литературно-исторического журнала «Александръ». С помощью представленных произведений севастопольских авторов в летнем «Александре» редакция попыталась раскрыть насыщенную палитру современной таврической литературы. И этого во многом удалось достичь благодаря руководителю Севастопольского отделения Союза писателей России Татьяне Ворониной, которая является объединяющим началом для литераторов и хранительницей традиций русской литературы в Причерноморье.

Севастополь всегда привлекал внимание своей красотой и экзотикой, его моря и горы были темами многих стихотворений. Испокон веков великие поэты, писатели, знаменитые путешественники и государственные деятели приезжали в Севастополь за вдохновением, сочиняли стихи, писали прозу, прославляли русскую землю.

Именно в Севастополе, в районе Херсонеса, киевский князь Владимир принял крещение. Из Севастополя православие начало распространяться по всей Руси. Севастополь связан с самыми величественными и героическими страницами русской истории.

Всё это находит отражение на страницах летнего «Александра».

Анатолий ТРУБА,
директор – главный редактор

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ!

После присоединения Крыма и г. Севастополя к России в 2014 году, после вхождения Севастополя в Крымский, а затем Южный федеральный округ в городе федерального значения Севастополе официально образовано и зарегистрировано Севастопольское региональное отделение Союза писателей России.

Где сокрыты корни этого события и причины, способствующие возникновению данного факта? На эти вопросы можно ответить, изучив историю Крыма.

В 1783 году Екатерина II издала манифест о принятии Крыма в состав Российской империи. На полуостров вошли русские войска под предводительством Александра Суворова. Вблизи Херсонеса заложен город, позднее получивший имя Севастополь. Датой его основания считается 3 июня 1783 года. К середине XIX века в Севастополе была создана главная база Черноморского флота, откуда в 1853 году вышла русская эскадра адмирала Павла Нахимова, разгромившая турецкий флот в Синопском сражении.

В 1874 году в Крыму была построена железная дорога, соединившая его с материковой Россией. Отныне полуостров начал развиваться как курортный регион империи.

В 1941 году началась Великая Отечественная война. До июля 1942 года советские войска героически обороняли Крым и Севастополь. В апреле 1944-го войска 4-го Украинского фронта начали бои по освобождению Крыма от немецко-фашистских захватчиков. К 13 апреля были освобождены Симферополь и Феодосия. 9 мая – Севастополь. В 1945 году приказом Верховного главнокомандующего Севастополю и Керчи были присвоены звания городов-героев.

19 февраля 1954 года Президиум Верховного Совета СССР издал Указ «О передаче Крымской области из состава РСФСР в состав УССР». В состав Украины вошёл почему-то и Севастополь, хотя о его передаче не было ни слова в постановлении 1954 года! Последствия этой политической ошибки начали сказываться спустя полвека. Крым и Севастополь вновь стали российскими регионами после проведённого в марте 2014 года референдума, на котором большинство крымчан высказались за вхождение региона в состав России. Со дня принятия в Российскую Федерацию Республики Крым в составе Российской Федерации образуются новые субъекты – Республика Крым и город федерального значения Севастополь.

27 февраля 2015 года Государственный совет Крыма внёс изменения в Закон «О праздниках и памятных датах Республики Крым», утвердив 18 марта официальным праздником, выходным

днём, который ежегодно будет отмечаться как День воссоединения Крыма с Россией. Ранней весной 2014 года жители Крымского полуострова выбрали свою судьбу. Каждый из них в те дни решил для себя вопрос будущего – не только своего, но и детей, внуков и правнуков.

Сокращённое название Севастопольского отделения – СРО СПР. Организация насчитывает более 50 человек. Среди них лауреаты литературных премий, обладатели всероссийских и межрегиональных, православных наград и званий. Некоторые из них награждены медалями Союза писателей России «Василий Шукшин», «Николай Рубцов». Многие получили за свою патриотическую деятельность медали «За возвращение Крыма».

В 2018 году к 175-летию со дня рождения (18/30 марта 1843 г., Севастополь) писателя Константина Станюковича была разработана и изготовлена медаль Севастопольского регионального отделения Союза писателей России «Константин Михайлович Станюкович». Её вручение происходит как в Севастополе, так и за его пределами. СРО СПР имеет свой литературно-исторический альманах «Севастополь» с более чем 20-летней историей со дня основания в 1996 году. Одним из его учредителей была член Союза писателей СССР, России Валентина Фролова (1930–2018). С 2018 года издание приобретает всероссийский статус и осуществляется при содействии Союза писателей России. Главный редактор – член Союза писателей России, лауреат литературной премии им. Л. Н. Толстого Людмила Михайловна Пивень. Осуществляется и регулярный выпуск республиканского средства массовой информации – газеты «Литературная газета + Курьер культуры: Крым – Севастополь», которая стала лауреатом XIX фестиваля Союза журналистов России в

Дагомысе «Вся Россия – 2015» среди краевых, областных, республиканских и окружных газет. Главный редактор – лауреат премии города федерального значения в области журналистики 2018 года Татьяна Воронина. Также мы тесно взаимодействуем с Центральной библиотекой имени Л.Н.Толстого. С 2016 года проводится ежемесячно Литературно-художественный салон «Херсонесская лира» на базе национального музея-заповедника «Херсонес Таврический» (совместный проект). Также имеется договор о сотрудничестве с другим музеем-заповедником – «Героической обороны и освобождения Севастополя», где проводятся литературные встречи «Песнь Малахова кургана». Отлично налажена связь и с президентским Нахимовским кадетским училищем и Черноморским высшим военно-морским училищем им. П. С. Нахимова.

С момента образования СРО СПР свою деятельность осуществляет совместно с КРО СПР – Крымским региональным отделением Союза писателей России. Председатель – Владимир Иванович Сорокин. Сопредседатель – Андрей Венедиктович Воронцов. Тесное взаимодействие и связь позволяют вести общие проекты, такие как выпуск альманаха «Чайка», альманаха для молодёжи «Золотой пегас», осуществлять организацию литературных конкурсов и фестивалей. Также общими для двух организаций являются сайт – «Дом писателей: Крым – Севастополь» – и газета «Литературная газета + Курьер культуры: Крым – Севастополь», где размещены презентации и работы писателей, прозаиков и поэтов.

Татьяна ВОРОНИНА,
председатель правления
Севастопольского регионального
отделения Союза писателей России

В НОМЕРЕ:

ГОСТЬ НОМЕРА

- 7** Татьяна Воронина.
Потомок, преклони колена

ПОЭЗИЯ

- 11** Валентин Сорокин-Таврин
13 Татьяна Шорохова

ЛИТЕРАТУРНОЕ РАССЛЕДОВАНИЕ

- 16** Анжелика Фесенко.
Кто вы, поручик Лев Толстой?

ПОЭТИЧЕСКИЙ БЛОКНОТ

- 24** Татьяна Корниенко
29 Ольга Старушко.
Баллада о парусах

ЖИТЕЙСКОЕ

- 35** Михаил Колесов.
Возвращение
40 Валерий Воронин.
Груша

СТИХОТВОРНОЙ СТРОКОЙ

- 44** Татьяна Халаева.
Мой путь
46 Людмила Гусельникова

КЛАССИКИ

- 48** Вячеслав Беспалов (Бакулин)
И. А. Бунин, Крым и Анна

ДУШЕВНОЕ

- 59** Людмила Пивень.
Победа

ЛИРИКА

- 62** Николай Ярко

СЛУЖУ ОТЕЧЕСТВУ

- 65** Владимир Стефановский.
Протест фельдмаршала

СЕМЕЙНЫЕ ИСТОРИИ

- 70** Виктор Лановенко.
Соучастник

МИР ПУТЕШЕСТВИЙ

- 77** Сергей Крупняков.
По следам листригонов

ДУХОВНЫЕ ЗЁРНА

- 82** Татьяна Никитина.
Тихвинская икона Божией Матери

ПАМЯТЬ

- 87** Анатолий Труба.
Маменькин сынок на целину
не ездок

ШАГИ «АЛЕКСАНДРА»

- 94** Александр Сергеев.
«Александръ» на «Золотом Витязе»

СЛАВЯНСКИЙ ФОРУМ ИСКУССТВ
ЗОЛОТОЙ ВЕК

Журнал издан за счёт грантов, выделенных из бюджета Тамбовской области, предоставляемых в целях финансового обеспечения затрат на реализацию лучших социально значимых проектов в средствах массовой информации

Литературно-исторический журнал «Александръ» включён в список изданий, выходящих при содействии Союза писателей России.

Главный редактор – Анатолий Сергеевич ТРУБА,

секретарь Союза писателей России, доктор экономических наук, профессор.

Шеф-редактор – А. Н. СЁМИН (Екатеринбург), член Союза писателей России, академик РАН, заслуженный деятель науки РФ.

Редколлегия:

В. С. Аршанский (Мичуринск), почётный гражданин Тамбовской области, член СПР, заслуженный работник культуры;

Н. Ф. ИВАНОВ (Москва), председатель правления Союза писателей России;

Г. В. ИВАНОВ (Москва), поэт, первый секретарь Союза писателей России;

Т. Н. ВОРОНИНА (Екатеринбург), народная артистка России, артистка Свердловской государственной филармонии, создатель и руководитель «Театра Слова», член Союза писателей России;

В. И. ГАЗЕТОВ (Москва), член Союза журналистов России, декан факультета рекламы и связей с общественностью Института экономики и культуры, кандидат исторических наук, профессор, почётный работник высшего профессионального образования РФ;

В. Т. ДОРОЖКИНА (Тамбов), член Союза писателей России, почётный гражданин города Тамбова, заслуженный работник культуры РФ;

В. А. КАЗМИН (Луганск), председатель Луганской писательской организации им. В. И. Даля Союза писателей России;

Л. В. КОЛПАКОВ (Москва), секретарь Союза журналистов России, первый заместитель главного редактора «Литературной газеты», шеф-редактор отдела «Искусство»;

В. Г. КОРЗУН (Москва), лётчик-космонавт, Герой России, генерал-майор;

С. И. КОТЬКАЛО (Москва), сопредседатель Союза писателей России, главный редактор интернет-обозрения «Русское Воскресение», журнала «Новая книга России»;

И. М. КУЛИКОВ (Москва), доктор экономических наук, академик РАН, директор ВСТИСП;

Р. С. ЛЕОНОВ (Мичуринск), член Союза журналистов России, председатель информационно-издательского отдела Мичуринской епархии;

Ю. М. ПОЛЯКОВ (Москва), председатель редакционного совета «Литературной газеты», писатель, публицист, общественный деятель;

Г. Н. ПОПОВА (Мичуринск), член Гильдии театральных менеджеров России, директор Мичуринского драматического театра, заслуженный работник культуры РФ;

Никас САФРОНОВ (Москва), заслуженный художник РФ, академик Российской академии художеств, профессор, член Союза писателей России;

С. А. ТРАХИМЁНОК (Минск), доктор юридических наук, профессор, член Союза писателей России, член Союза писателей Беларуси;

В. И. ЧИСТЯКОВ (Тамбов), член Союза журналистов России;

А. Н. ЧУМИКОВ (Москва), генеральный директор агентства «Международный пресс-клуб», гл. н. с. ФНИСЦ РАН, доктор политических наук, профессор.

Редакция вступает в переписку только с авторами, материалы которых приняты к публикации. Рукописи не рецензируются и не возвращаются. За достоверность фактов несут ответственность авторы статей. Их мнения могут не совпадать с точкой зрения редакции. Авторы присылаемых материалов обязаны сообщить редакции: домашний адрес с почтовым индексом; день, месяц, год своего рождения; паспортные данные (серия, номер, кем и когда выдан). Редакция убедительно просит авторов присылать электронную версию своих произведений с обязательной распечаткой текста. Рукописи без распечатки не принимаются. Параметры набора: 14-й кегль через 1,5 интервала, отчётливо читаемый.

ЖУРНАЛ «Александръ» № 7 (58), июль 2021 г.

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-66728 от 8 августа 2016 г.

Учредитель и издатель, директор, главный редактор – А. С. Труба.

Дизайн, вёрстка – Елена Ермохина (Путятина).

Дата выхода – 1.07.2021 г.

Тираж 1000 экз.

Распространяется бесплатно. Безгонорарное издание.

Адрес редакции, адрес издателя: 119146, Москва, Комсомольский проспект, 13, Союз писателей России.

Телефон: 8-915-879-14-14 – директор, главный редактор.

Электронная почта: truby.anatoly@yandex.ru

Адрес сайта: www.alexlib.ru

Информация предназначена для лиц старше 16 лет.

Бумага мелованная. Гарнитура PF Agora Slab Pro.

Формат 60х90 1/8. Усл. печ. л. 12.

Изготовлено в полном соответствии с предоставленным макетом в АО «Издательский дом «Мичуринск», 393760, Тамбовская обл., г. Мичуринск, ул. Советская, 305. Тел.: 8 (47545) 5-21-15.

E-mail: izdomich@inbox.ru

ISSN 2542-0135

ПОТОМОК, ПРЕКЛОНИ КОЛЕНА

В конце 90-х годов мне довелось побывать и поработать в народном музее «Героика Балаклавы». Хранителем музея долгие годы, около 30 лет, была энтузиаст своего дела Фаина Ивановна Канева. Затем, в 2005 году, фонды расформированного Народного музея истории Балаклавы стали частью музейного собрания Государственного музея героической обороны и освобождения Севастополя. Народный музей истории Балаклавы был создан в 1967 году. До 1982 года он функционировал в Доме культуры Балаклавского рудоуправления им. А. М. Горького, в 1982–1994 годах был закрыт, с 1994 по 2005 год музей работал в помещении Балаклавского дома детского творчества. За период работы музея его директорами В. А. Китровой, Л. В. Кожевниковой, Ф. И. Каневой была сформирована коллекция в количестве более

чем 1,5 тыс. музейных предметов, которые характеризовали историю Балаклавы (ныне район г. Севастополя, находящийся в 14 км на юго-восток от центра города) с древности до 2000-х годов. Музей играл важную роль в культурной жизни Балаклавы, знакомил её жителей и гостей с важнейшими событиями в её истории, в нём собирались на праздники ветераны Великой Отечественной войны, при музее работали советы следопытов – в 1970-е годы, кружок краеведов – в 1990-е. В 2001 году балаклавскому музею было присвоено звание «Народный». Нет теперь своего музея в Балаклаве. Не нашлось помещения для экспозиции...

Среди многих раритетов, представленных в витринах народного музея, мне попались на глаза письма с фронта. Своеобразная Севастопольская хроника мая 1944 года.

Молодые солдаты, матросы. Молодые офицеры. Кто они? Можно представить себе: в лицах – запал победы. В глазах – сияние.

Ныне они уже или глубокие седые старики, или ушли из жизни.

Давайте признаемся: за последнее десятилетие мы преуспели в искусстве забывать сделанное ими. Словно бы даже гордимся короткой памятью. Но у всех ли она коротка?

Не у всех!

Молодые немцы – как правило, очень далёкие от политики – верят, что фашизм был побеждён Америкой... Ну ещё Англией... Ну чуть-чуть Францией... Молодые японцы тоже считают: победила Америка. Но чтобы молодые думали так, как они думают, кто-то должен им внушать такие мысли.

И внушают.

Искусно и последовательно.

Идёт поток исторических трудов, телеинформации, газетных публикаций, передёргивающих факты, подтасовывающих сводки военных лет.

Наша победа оказалась ненужной и идеологам Запада, и идеологам Востока.

Почему же она оказалась ненужной нам?

В Польше, Чехии, Венгрии, Эстонии, на Украине (!) – вот уж никогда бы не подумали – срываются звёзды с могил наших солдат. Втаптываются в грязь, в гранитное крошево разрушенных постаментов, в землю, из которой сочится кровь молодых, не доживших своё. И двойным, усиленным ложью, наглым блеском горят звёзды присвоенных побед на флаге Америки – его уважает мир. Нет, мы чтим память американцев и англичан, водивших конвои с оружием в порты Белого моря. Мы чтим память погибших в Арденнах. Слезы вдов Америки были так же горьки, как слёзы наших вдов. Но зачем же оспаривать истину: решающий вклад в победу над фашизмом был наш?

Если оспаривают – значит, корыстны.

Значит, знают, что делают.

Знают.

Если мы будем так транжирить свою память, как транжирим сейчас, нам никогда не

вылезти из той разрухи, которая творится в наших головах.

Хотим учиться у Америки? Давайте учиться не только тому, как американец «умеет делать деньги», но и тому, как он бережёт кладбище солдат, как чтит ветеранов.

Народ, не уважающий своё прошлое, не будет иметь достойного будущего.

Преклоним колени перед погибшими. Почтим святые седины живых.

ЖИТЬ ХОЧЕТСЯ!!!

Письмо домой краснофлотца Юрия Москаленко, бойца 255-й бригады морской пехоты.

«Здравствуйте, дорогие родители. Мамаша, братец и сестрица. Племянники Володя, Рая и маленькая Валечка. Шлю вам тёплый фронтовой привет и пожелаю я вам счастья и здоровья в вашей дальнейшей жизни. Дорогая мамаша, братец и сестричка, сегодня 20-е 12-43 г. Я получил ваше письмо и в нем мамино фото. Я низко поклонился ей. Ровно три года, как я сражаюсь с немецкими захватчиками, я не виделся с вами и вспоминаю вас, дорогая мамаша, каждый день. В завтрашний я вступаю опять в сражение и, если останусь жив, вернусь и увидимся. Но если я погибну, значит, это последнее мое письмо, когда я прочитал ваше письмо и увидел, мамаша, вас на фото, опустились мои ленточки с бескозырки и слезы полились из глаз. Я вспоминаю все. Но сегодня я иду громить немцев. Вот сейчас снова бомбы, снаряды, мины.

Дорогая мамаша, братец и сестрица, пока, до свидания. Целую вас всех крепко-крепко. Дорогой братец, маму не обижай. Может, я погибну, потому что мое сердце что-то предчувствует. Мама, если Нина вам пишет письма, передайте ей привет. Ваш сын и брат Юрий».

Уцелел Юрий! Предчувствия обманули. Вот и верь им! Шёл, верно, парень по родным полям и степям, грезил Севастополем. Напевал: «А помирать нам рановато...» Бои-то за Севастополь впереди. Кому брать его, если не моряку?

Письмо второе, перед штурмом Сапун-го-ры в мае 1944 года. До победы – рукой подать.

Всего год! Три года пуля стороной обходила. Три года краснофлотец, комендор заговорён был и от осколка бомбы, и от снаряда, и даже от штыка, когда врукопашную схватывался с немцем. Видно, заговорён! Видно, ведёт его путеводная звезда – всем смертям назло! – к жизни послевоенной, такой желанной, такой сладкой!

«1 мая 1944 год.

Здравствуй, дорогие родители, мамаша, братец, сестрица и племянники Володя, Рая и маленькая Валечка. Примите мой тёплый фронтовой привет и пожелаю вам массу наилучших успехов в вашей жизни. Теперь сообщаю, что я ещё жив и здоров, с первых же дней все время на фронте дерусь с озверелым врагом не покладая рук и самой жизни. Правда, родная мамаша, тяжело все пережить, что встречается на нашем пути, но мы знаем, что нас призвала Родина и наш народ на защиту любимой Родины. Дорогая мамаша, братец, сестрица, вы, наверное, слышали из последних известий, что мы, моряки, освободили г. Керчь, г. Ялту и г. Феодосию и прошли этот широкий путь в боях с озверелым врагом, где враг дерется за каждый метр земли.

Дорогая мамаша! Правда, вам, может, обидно, что так долго мое молчание к вам, но сами должны знать, что в жарких боях даже в гору глянуть нет минуты у нас. Уже пятые сутки глаз не прикрыв.

Но, родные, пока. Иду в наступление. До свидания.

Целую всех крепко-крепко – ваш сын Юрий. Жду ответ».

Ответ не нашёл адресата в живых...

Блеск путеводной звезды оказался обманчивым. Красная, фанерная поднялась над могилой Юрия в Балаклаве...

Жизнь на фронте – жизнь на ниточке, жизнь на волоске. Ты жив, ты здоров, ты занят своими повседневными делами. Но как знать, не вгоняется ли в ствол тяжёлого орудия по ту сторону фронта снаряд, в котором твоя гибель?

Но пока... но пока... но пока...

«Здравствуй, милая Леночка, – пишет воин 1382-го сводного стрелкового полка 87-й дивизии 51-й армии Михаил Букатин. – Крепкий привет с Крыма. Я пока жив, здоров. Здоровье пока хорошее. Я уже писал за наши подвиги. Но ты, конечно, сама знаешь, я уже прошел почти весь Крым. Успехи неплохие. Но так много работы! Сегодня выбрал время написать тебе письмо. В эти последние дни угрожала большая опасность, и я не мог даже почитать твое письмо в окопе. И в эти дни не было время написать письмо на ходу в траншее. Мне даже не приходится спать, лишь слышен гул и свист и в траншеях осыпается глыбами земля. Но ничего, понемногу освободим и весь Крым. Обо мне не беспокойся, надеюсь, увидимся. Да, весна пришла. Сердце рвется к встрече, так что надеюсь повидаться хотя бы один денек. Письма от тебя часто получаю. Благодарю за твое беспокойство ко мне.

Затем – до свидания. Целую крепко – Миша.

Привет твоим приятельницам, счастливо вам работать, а нам воевать, где подходит часто ко мне опасность».

Штурм Севастополя. Три дня боёв. И немцы сброшены в море. На Фиоленте оно не Чёрное. Оно не «самое синее в мире». Оно – красное. Пехота, артиллерия избавлялись от лошадей, расстреливали их, загнав в воду. Эсэсовцы – даже от собак. А собака эсэсовцу – друг, брат, «товарищ по оружию». Но оккупанты припёрты к урезу воды. Плавсредств мало. У очевидцев, видевших Чёрное море красным от крови, по их свидетельствам, волосы дыбом вставали.

Наши наступают.

Кто-то шёл первым.

Кто-то вслед.

Среди них, первых, Михаил Букатин. Он жив. И потому переписка продолжается:

«Здравствуй, Ленуся! После освобождения Крыма я жив, здоров. Находился на отдыхе. Я получил уже третью награду – Орден Славы. За наши успехи благодарят нас в нашей газете, мы первые ворвались, группа 10 человек, в Севастополь. В общем, успехи имею.

Лена, у меня есть шанс побывать дома, на этих днях я должен выехать в Сталинград в командировку. Так что я в ожидании нашей встречи. Война так надоела. Пришлось пережить море огня. Ничего. Чему быть, того не миновать.

До свидания. Целую крепко – Миша».

Заметка из фронтовой газеты называлась: «Родина награждает севастопольцев».

«Освобождением Севастополя закончился полный разгром врага в Крыму. В этой кампании сталинградцы умножили свою славу, повысили свое боевое мастерство. Родина благодарит героев штурма Севастополя, украшает их грудь орденами.

Вот они, сталинградцы, герои боев за Севастополь, награжденные орденом Славы III степени».

И среди прочих Михаил Петрович Букатин.

Порадуемся за него: и победил, и уцелел.

Ещё письмо. Солдатский треугольничек. Адресат – Воробьёв Григорий Михайлович. Гриша. Ему всего-то двадцать. Ему везёт. Горя много – а и счастьем парень не обделён. Женат. Сам балаклавский, да и воюет рядом, а вот жена в Мелитополе. Вот и пишет он своей эвакуированной родне:

«Здравствуйте дорогая тетя Леля и дядя Ваня!!

В первых строках своего письма я Вам сообщаю, что я жив и здоров, чего и вам желаю в вашей дальнейшей жизни. Тетя Леля, как я рад, что услышал, что вы живы и здоровы! Тетя Леля, в этот момент писания этого письма я нахожусь на фронте и пишу вам письмо, перед тем как идти на задание! За хорошее выполнение меня приняли бы в ряды ВЛКСМ.

Тетя Леля, я уже был ранен под Никополем и пролежал в госпитале 4 месяца, ранен был в спину. Рана была 20 см длина и 7 см ширина.

Был на форсировании Сиваша – ворота Крыма.

Дом наш сгорел. Вещи забрать не успел, тоже сгорели. Город Севастополь не узнать, и панораму, и все сады, и парки. После ранения я езжал домой и, конечно, к своей жене Вале!!

Тетя Леля, в общем вы не можете себе представить, как у меня у меня горит сердце, и какая радость, что я услышал, что Вы живы! Тетя Леля, в общем, я уже пережил то, что никогда не ожидал. Как мы за вас беспокоились. Думали, что вы уже не вернетесь. Я с мамой и Валею имею переписку. О вас я узнал от мамы. Ну, кончаю писать. Пока. До свидания. Целую Вас крепко – Ваш племянник Гриша! (Чергуныские живы) Продолжаю воевать».

И всё ещё воюет... И будет и век, и два, и пять веков воевать пропавший без вести гвардии рядовой красноармеец Воробьёв, тот самый, у которого «сердце горит»...

Письма к публикации подготовила Татьяна ВОРОНИНА

Татьяна Андреевна Воронина, председатель Севастопольского регионального отделения Союза писателей России, секретарь Правления СПР, прозаик, публицист, журналист, учредитель и редактор республиканского издания «Литературная газета + Курьер Культуры: Крым – Севастополь» с 2007 года. Лауреат премии города федерального значения Севастополя в области журналистики за 2018 год. Руководитель Балаклавского творческого литературного объединения «Поэтическая гавань Сямболон» с 1996 года. Руководитель Севастопольского творческого объединения литераторов (СТОЛ) с 2001 года. Автор прозаических произведений для взрослых и юношества.

Произведения публиковались в периодических изданиях Крыма, Украины, России, таких как: «Роман-газета», «Вестник российской литературы», «Работница», «Радуга», «Москва», «Крым», «Чайка»; литературно-историческом альманахе «Севастополь», лондонском журнале «Что есть истина» и др.

Лауреат Всероссийской литературной премии им. Н. Гумилёва, обладатель золотой медали «Василий Шукшин», лауреат XIX фестиваля Союза журналистов России «Вся Россия – 2015». Лауреат Первого форума «Общественное признание». Награждена медалью Года литературы (2015), медалью «За возвращение Крыма». Награждена медалью М. Н. Шолохова.

Валентин СОРОКИН-ТАВРИН

Родился в 1947 году в Севастополе. Окончил исторический факультет Симферопольского государственного университета. Работал экскурсоводом и научным сотрудником в Музее героической обороны и освобождения Севастополя.

Впервые напечатался в 1970 году. Автор сборников стихов «Территория судьбы», «Город», «Поколение», книги лирики «Гераклевское время».

В 2017 году в московском издательстве вышел в свет роман «Болельщик».

Член Союза писателей России с 2002 года. В 2005–2007 годах Валентин Сорокин-Таврин руководил Севастопольским городским литобъединением имени А. Н. Озерова.

Атланту нелегко держать небесный свод...

Будь смельчаком, поэт! Подставь плечо титану!

ВЫХОДЯТ МАТРОСЫ ИЗ БОЯ

Памяти Н. Ехлакова – комиссара
7-й бригады морской пехоты

Выходят матросы из боя –
Войны отгремевшей герои, –
Уходят они в высоту.

А музыка – выше и дальше.
Нет в этой мелодии фальши,
Но горькие маки цветут.

Мы выбежим ранней весной
На это суровое поле,
Где камни и вдоволь свинца.

Шершавы на ощупь и колки,
Возьму я шальные осколки,
Что метили в сердце отца...

Где нынче широкие травы,
Там помнит
про «чёрную лаву»

Окопов оплывшая горсть...
Как в съёмке,
замедленной съёмке,
С отчаянным криком,
с винтовкой

В пространство ворвётся матрос.

И следом – решительно роты
Сквозь доты
уйдут на высоты,
И нам их уже не догнать...

И самым последним
из храбрых –
Цветы им положит и лавры
Скорбящая Родина-мать.

СЕВАСТОПОЛЬ

Мой город – память русских адмиралов,
Прославленных в баталиях имперских...
Судьба мне городов не выбирала,
Лишь к одному привязан я по-детски.

А вместе с городом моим живёт и Слово,
Родной язык мой как частица плоти.
Он мне, как Родина, не кажется суровым,
Как море Чёрное – в работе.

ПРЕДГОРЬЕ

*Кто на исходе лета не богат,
весь век прождёт того,
что было летом.*

Райнер Мария Рильке

Приятно честному поэту
Мечтать зимой, что будет летом...
Вот, вдохновением влеком,
Он в путь-дорогу отбывает...
Кукушка дни свои считает...
Поэту дышится легко.

Как сердцу дороги пролески,
И щебет птиц, уже не детский,
И поле, спелое почти.

А если встретит у дороги
Он скромный памятник – в тревоге
Замрёт, как будто на пороге...

Что в рюкзаке? Краюха хлеба,
Вода и в чём ещё потреба...
Щедры колхозные поля!
Тогда берись живей за дело!
Уже коса своё отпела...
А что на грядках докраснело,
Поспело – в ящики клади.

Часы у летамышь ворует...
Поэт, по дому не тоскуя,
Живёт на деревенский лад.
Жара, скупые разговоры
И объявления на заборах...
Но путнику сельчанин – брат.

В предгорье жизни ритм неспешный...
– Совсем упыхался, сердешный,
Тебе бы баньку – в самый раз!
– Столовка есть, но слабо с пивом...

– Нет спичек? Вот, бери огниво!
– А деньги держим про запас...

Кизил краснеет... День блистает.
Поэт, усталости не зная,
В пути неделями подряд.
Небритый, загорелый прочно,
С улыбкой щедрой, непорочной, –
Блажен?! Но кто ему не рад?

Паук, dokonчив паутину,
Замрёт в углу...

Поэт, теперь без бороды,
Сменив костюм,
Встречает осень
В приморском городе своём.

Кто в жизни лёгок на подъём,
Тот славы для себя не просит –
Идёт он в класс, где у доски
Себя ведёт как тавро-скиф...

Полезно всё в подлунном мире...

Старик в холодный тир бредёт
По парку, а потом – аллеей.
Дверь открывает он, жалея,
Что скоро выйдет Новый год.

А где поэт? В своей квартире
Стихи он правит и четыре
Кусочка сахара кладёт
в стакан горячий...

Тает лёд на подоконнике поэта...

– Зима? Ну что ж, «пройдёт и это».
Быт как заученный урок...
Но мир – просторен и высок.

Татьяна ШОРОХОВА (Чичкина)

Поэт, историк, публицист. Первая публикация вышла в 1988 году. Автор нескольких поэтических книг, биографических, искусствоведческих, краеведческих исследований, прозаических и поэтических книг для детей, пьес, путевых заметок.

Лауреат Всероссийской премии им. Святого благоверного князя Александра Невского, Государственной премии АР Крым, литературной премии им. Л. Н. Толстого, Пушкинской премии (Симферополь). Награждена медалью «Николай Рубцов», церковными орденами. Всероссийская премия им. Николая Гумилёва (2019). Является руководителем секции поэзии Севастопольского отделения Союза писателей России, организатором и руководителем Творческой мастерской поэзии им. Ю. Кузнецова Союза писателей России.

Член Союза писателей России. С 2013 года живёт в Севастополе.

ГРАД СВЯЩЕННЫЙ

Севастополь – город знаменитый.
Град священный – греки говорят.
Ангелы – в сражениях убитых
Воинов – над бухтами парят.

И лежат с нательными крестами
Офицер, и мичман, и матрос
В скальном грунте. А под небесами
Памятники стали в полный рост.

Преклонюсь у воинской святыни,
К адмиральским плитам припаду
И о каждом здесь России сыне
Надписи заветные найду.

В сердце нужных слов теснится много,
Мысли обретают голоса,
Ангелы их слушают и к Богу
В светлые уносят небеса.

Севастополь, в парусах, и мачтах,
И в мемориалах вековых
Ты стоишь столпом животворящим –
Для погибших и для всех живых.

Потому в подразделениях флота
Никогда не прекратятся тут
Памяти духовная работа,
Почитания духовный труд.

НА ПИРСЕ

Стоим у оконечности земли,
И женщины печали не скрывают.
На юг уходят наши корабли,
А журавли на север пролетают.

И оставляет нам щемящий звук
В Россию улетающая стая,
Где, с флотом уходящая на юг,
Россия расставаньем прирастает.

Белеет возле мола равелин,
Разлукой напряжённой сердце сжато...
Перелетевший море птичий клин
Проследовал за пенистый фарватер.

Как трогателен этот грустный час
Тревогами, событий совпаденьем!
Судьба опять обогатила нас
Волнением пронзительных мгновений.

ШКИПЕР МАЛАХОВ

Поражая всех рельефом аховым,
С главной высоты немногочудной
На ладони шкипера Малахова
Помещался Севастополь юный.

В просолённой блузе парусиновой,
С трубкой, от горения щербатой,
Восседал Малахов над заливами,
Им даря восторженные взгляды.

Шкипер на кургане не изнежил
В домике из буттового камня.
Сад растил, а значит, очень бережно
Обходился с дождевою каплей.

Сад на круче – корни в складках шифера...
Волк морской – он камни осчастливил.
И курган сроднился с этим шкипером
И себе его присвоил имя.

...Затерялись косточки Малахова,
Опустевший домик пал в сраженьях,
Холм над морем становился плахою,
Но осталось имя – в уваженье.

Ветерок горчит полынной пряностью...
Мне курган помог понять однажды,
Что сравнится долговечной памятью
Капитан Малахов – нет, не с каждым.

НА 35-Й БАТАРЕЕ В СЕВАСТОПОЛЕ

...Здесь не окончен давний спор
Предательства и героизма.
Здесь подвиг жертвенности втиснут
В слова и цифры, в птичий хор...

Здесь воли не дают чужому.
До пули боль уплотнена.
Здесь тишина подобна грому.
Здесь не закончилась война.

И между жизнью и бессмертьем
Здесь никаких препятствий нет:

Тот свет в осколочных отверстиях
И пулевых оставил след.

Здесь так же ярость благородна,
Как много-много лет назад:
Не забывают скорбь утрат
В России – стойкой и свободной.

ЗАРНИЦЫ

Недавно странное сиянье
Металось ночью в облаках.
...Зарницы как воспоминанье
О проходивших здесь боях.

Накатами от горизонта
Свет, походивший на огонь,
Достиг меня, как письма с фронта,
Что мне принёс небесный конь.

В необъяснимое смятенье
Душа под всполохов разгул
Вошла. Звучал предупрежденьем
Над миром отдалённый гул.

МОЙ СЕВАСТОПОЛЬ

Форпост Андреевского флага
С моим гнездом в пятиэтажке
Я обхожу неспешным шагом
И говорю не по бумажке.

Мифичной птицей из разрухи
Не раз вставал ты – не с коленцев!
И переполнил стойким духом
Моё волнительное сердце.

Куда ни гляну – всё родное!
Все виды просятся в картины.
И даже камень у прибоя
Средь битой, обожжённой глины.

Вот кипарис с отливом медным
Застыл у ветхого раскопа
Древесным символом победным,
Мой несравненный Севастополь!

КТО ВЫ, ПОРУЧИК ЛЕВ ТОЛСТОЙ?

ЛИТЕРАТУРНОЕ РАССЛЕДОВАНИЕ

22 апреля 2021 года Центральной городской библиотеке им. Л. Н. Толстого исполнилось 120 лет. Она берёт своё начало с маленькой Общедоступной библиотеки, которая была открыта в 1901 году. С 1 сентября 1953 года носит имя великого русского писателя Льва Николаевича Толстого. С этого времени сотрудники уделяют ему особое внимание. С 1995 года проводятся Толстовские чтения, посвящённые жизни и творческой деятельности Льва Николаевича, книжные фонды пополняются его произведениями. 7 октября 2010 года книга Л. Н. Толстого «Севастопольские рассказы» побывала в космосе, на Международной космической станции «Мир». Каждый год проводится «Толстовский сентябрь», это цикл мероприятий, посвящённый Л. Н. Толстому. Сотрудники ведут научно-исследовательскую работу.

Предметом моего исследования является почётное гражданство городов. По архивным документам было установлено девять дореволюционных почётных граждан Севастополя. Наиболее спорным является имя Льва Николаевича Толстого, которое неразрывно связано с Севастополем.

Подпоручик артиллерии Л. Н. Толстой прибыл в осаждённый Севастополь 7 ноября 1854 года.

Приезд Толстого совпал с периодом относительного затишья, наступившего после серьёзного испытания стойкости его защитников. Город поразила Толстого своей красотой, хотя большая часть домов, особенно ближайшая к

неприятелю, была похожа на решето. В Севастополе Лев Николаевич прожил девять дней, успел осмотреть город, побродить в лабиринтах батарей, пообщаться со многими солдатами и офицерами [1].

Лев Николаевич Толстой был прикомандирован к лёгкой 3-й батарее 11-й артиллерийской бригады, стоявшей на реке Бельбек. В Севастопольском гарнизоне состоял с ноября 1854-го по конец августа 1855 года, находился на Северной стороне, неоднократно приезжал в Севастополь в качестве квартирмейстера по поручениям.

Добровольцем принял участие в вылазке с 10 на 11 марта 1855 года с Камчатского лю-

нета на вражеские позиции под руководством генерала С. А. Хрулёва. 1 апреля 1855 года батарею ввели в город, так как 4-й бастион был сильно повреждён, в его тылу на Язоновском редуте были поставлены на дежурство полевые орудия. Подпоручик Толстой дежурил на редуте с 1 апреля по 14 мая, меняясь через четыре дня с другими офицерами батареи. За участие в боевых действиях в Севастополе он был награждён орденом Св. Анны 4-й степени с надписью: «За храбрость» [2]. 15 мая Л. Н. Толстой был назначен командиром отдельного горного взвода на реке Бельбек.

В романе «Война и мир» Л. Н. Толстой так описал небольшую артиллерийскую батарею: впереди располагались орудия, которые охранял артиллерийский часовой, «сзади орудий стояли передки, ещё сзади коновязь и костры артиллеристов. Налево, недалеко от крайнего орудия, был новый плетёный шалашик» для офицеров. «Красотища какая», – говорил Толстой о пейзажах Бельбекской долины.

Лев Николаевич своими глазами мог оценить укрепления, сделанные защитниками города, и позиции неприятеля, встречался и разговаривал с ранеными. «Дух в войсках свыше всякого описания», – сообщал он в письме к брату.

А вот какое любопытное наблюдение сделал Толстой в своём дневнике: «Из начальников порядочными людьми оказываются здесь Нахимов, Тотлебен, Истомин».

Его поразило то, что вместе с солдатами, пренебрегая опасностью, стойко защищали свой город все жители – и взрослые, и дети. Они восстанавливали разрушенные укрепления, готовили боеприпасы, оказывали помощь раненым и храбро сражались на бастионах. Увиденное вдохновило Толстого на написание «Севастопольских рассказов». В рассказе «Севастополь в декабре месяце» писатель создал обобщающий образ народа-героя. «Надолго оставит в России великие следы эта эпопея Севастополя, которой героем был народ русский...» – такими словами завершает писатель этот рассказ [3].

Редактор журнала «Современник» Н. А. Некрасов дал «простор... вкусу» и таланту

Анжелика ФЕСЕНКО

Кандидат исторических наук, историк-архивист, учёный секретарь ГБУК г. Севастополя «Региональная информационно-библиотечная система». Автор 130 научно-популярных и более чем 60 научных статей в журналах и сборниках. Один из авторов книг «Севастополь: взгляд в прошлое», «Память о прошлом», «Прошлое в архивных документах», «История Севастополя в лицах: военные и гражданские руководители города и флотов». Научный редактор – составитель книги «Севастополь: страницы истории и взгляд в будущее». Автор книги «Первые почётные граждане Севастополя». Автор-составитель фотоальбомов к 75-летию освобождения Севастополя от немецко-фашистских захватчиков и к 75-летию Великой Победы: «Севастополь. Освобождение. Возрождение. 1944–1954», «Севастополь в бою и труде. 1941–1965».

Автор телепрограмм по истории города Севастополя и историко-краеведческих документальных фильмов о первых почётных гражданах города и адмиралах ЧФ: об адмирале М. П. Лазареве, А. С. Грейге, П. А. Перелешине, И. К. Григоровиче, П. И. Кислинском. Фильм «Честь и верность. Адмирал Павел Перелешин» стал победителем в номинации «Лучший документальный телефильм» на кинофестивале «Мы из Подплава» (г. Санкт-Петербург) в 2015 году.

Лауреат Севастопольского общегородского форума «Общественное признание». За фильм об адмирале М. П. Лазареве награждена серебряной медалью имени адмирала М. П. Лазарева Санкт-Петербургского морского собрания.

Здание Панорамы Севастопольской
обороны, Начало XX века

Музей Севастопольской обороны,
открытка, Начало XX века

Л. Н. Толстого и напечатал его в своём издании. Опубликованный рассказ был восторженно встречен читателями, критиками и даже императором.

Однако после участия в отражении штурма с 10 на 11 мая 1855 года взгляды Толстого на происходящее меняются. В рассказе «Севастополь в мае» писатель смело и открыто размышляет о храбрости и героизме защитников города, о жизни и смерти, о человеческой сущности, о добре и зле. И в то же время обличает пороки современного общества и срывает маски с офицеров-аристократов, со злой иронией отражая их неуёмное тщеславие, трусость и эгоизм. Героем его повествования стала Правда. Толстой как очевидец и непосредственный участник событий видит жизнь, борьбу, страшную смерть и рассуждает о том, что бесчеловечность войны сталкивается с вечным стремлением человека и природы к миру и гармонии. Как актуальна

эта мысль и в наше время! Очерк заканчивается доказательством бессмысленности войны [4].

Поручик Толстой участвовал в сражении на реке Чёрной. Проигранное сражение закончилось гибелью тысяч людей. Лев Николаевич писал своей тётке Т. А. Ергольской: «Ужасный день: лучшие генералы и офицеры почти все ранены или убиты» [5].

Так появилась сатирическая песня на манер солдатских по поводу несчастного дела 4 августа 1855 года, когда генерал Ред, неправильно поняв приказ главнокомандующего, неблагоприятно атаковал Федюхинские высоты.

*Как четвёртого числа
Нас нелёгкая несла
Горы отбирать...*

Песня, задевшая целый ряд важных генералов, имела большой успех и, конечно, навредила автору. Сатирические песни были запрещены цензурой, однако их передавали из уст в уста, переписывали в дневники. Студент педагогического института, будущий писатель Н. А. Добролюбов в своём дневнике заметил: «В Петербурге эти песни имеют большой успех... Мне случалось встречать офицеров, которые знают их наизусть» [6].

Впервые они были опубликованы А. И. Герценом в 1857 году в журнале «Полярная звезда». Этими песнями Толстой навлёк на себя гнев самодержавия. В письме к брату он писал: «Оказывается, я под присмотром тайной полиции» [7].

Окружённый блеском известности, Л. Н. Толстой, пользуясь репутацией храброго офицера, мог сделать блестящую карьеру, но сам себе «испортил» её. Именно сатира, имевшая огромный успех в народе, навредила автору.

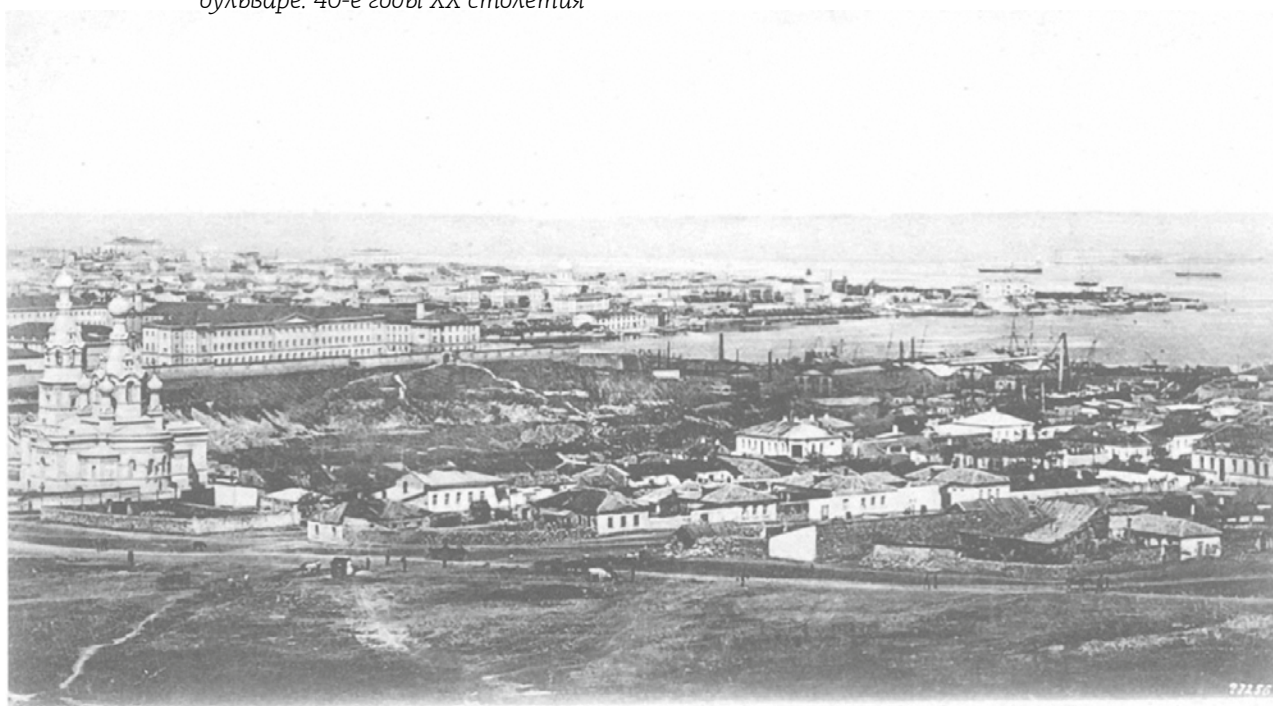
24 августа, когда союзники начали шестую бомбардировку города, Толстой находился на Бельбеке. Здесь, «за двадцать вёрст» от Севастополя, был слышен непрерывный грохот, а тёмное небо, казалось, пронизывали огненные полосы. 27 августа писатель прибыл в пылающий город. Вечером того же дня по приказу М. Д. Горчакова русские войска стали переходить

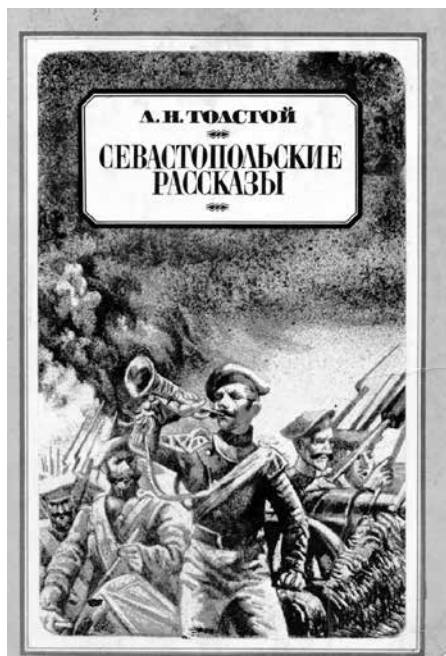
Памятник воинам 4-го бастиона.
На переднем плане – мемориальная
плита Л. Н. Толстому на Историческом
бульваре. 40-е годы XX столетия

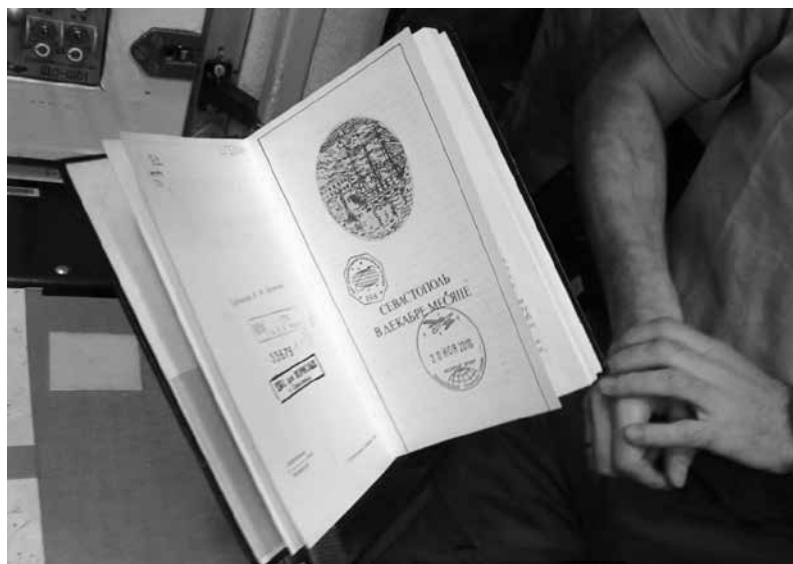
Памятник на Язовновском редуте,
где заступал на дежурство Лев
Толстой. Фото 1995 года

Севастополь, который видел Лев Толстой, вид с Малахова кургана. XX век

Книга из фондов библиотеки
«Севастопольские рассказы»

«Севастопольские рассказы» Л. Толстого, книга со штампом
Международной космической станции «Мир». 2010 год

дять на Северную сторону. Понтонный мост едва выдерживал проходившие по нему войска. Часть людей переправлялась на кораблях, которые потом были затоплены. Взрывались пороховые склады, погреба, батареи. На следующий день в городе наступила непривычная тишина, только изредка нарушаемая взрывами батарей. Севастополь горел. В этот памятный и печальный день Толстому исполнилось 27 лет, и он стал свидетелем сдачи города. В письме к Т. А. Ергольской он писал: «Я плакал, когда увидел город, объятый пламенем, и французские знамёна на наших бастионах» [8].

6 ноября 1855 года Толстой в качестве военного курьера был послан в Петербург, где через год ушёл в отставку. В конце 1855 года он был награждён медалью «За защиту Севастополя». По окончании Крымской кампании получил бронзовую медаль «В память войны 1853–1856 гг.» [9].

Так закончилось первое пребывание Толстого в Крыму, которое сыграло в его жизни чрезвычайно большую роль. Год, проведённый в Крыму, значительно обогатил личный опыт Толстого, познакомил его с новыми жизненными ситуациями, в которых ярко раскрылись

обычно скрытые черты человеческих взаимоотношений, обострил его внимание к социальным порокам общества, дал новые направления ряду его произведений.

В Севастополе Толстой бывал неоднократно: в 1885, 1901 и 1902 годах. Толстой приехал в Севастополь уже как известный писатель, автор романов «Война и мир» (1863–1869), «Анна Каренина» (1873–1877), «Воскресение» (1889–1899). [10].

В 1908 году вся прогрессивная общественность России готовилась отметить восьмидесятилетие Л. Н. Толстого. В Севастополе на страницах городской газеты «Крымский вестник» печатались статьи, посвящённые великому русскому писателю. Через газету городской голова Н. Ф. Ергопуло сообщал о том, что 27 августа состоится экстренное заседание городской Думы по поводу подготовки в городе торжеств, связанных с восьмидесятилетием русского писателя, участника севастопольской обороны 1854–1855 годов Л. Н. Толстого. Действительно, заседание состоялось, и на повестке дня стоял один вопрос: «Избрать Льва Николаевича Толстого почётным гражданином г. Севастополя» [11].

На заседании выступили представители общественности города и городской управы. Архивные документы свидетельствуют, что гласные единогласно проголосовали за избрание Толстого почётным гражданином города и приняли решение направить ходатайство на рассмотрение императору.

В тот же день Льву Николаевичу была отправлена телеграмма, в которой сообщалось: «Гласные севастопольской городской думы, собравшиеся на экстренное заседание, единогласно избрали Вас, стоявшего в рядах защитников Севастополя в 1855 году, почётным гражданином Севастополя. Этим городская дума желала воздать дань безграничного почтения и уважения великому писателю-художнику и гуманисту в день его 80-летней годовщины... городской голова Ергопуло» [12].

Современники Толстого в своих воспоминаниях писали о том, что Лев Николаевич не ожидал такого внимания, телеграмма растрогала писателя, и он весь день рассказывал про севастопольскую эпопею.

Толстой часто вспоминал оборону города в письмах к друзьям и родным, писал об удивительной отваге, храбрости, стойкости и массовом героизме защитников Севастополя.

Из рассказа «Севастополь в декабре месяце»: «Итак, вы видели защитников Севастополя на самом месте защиты и идёте назад, почему-то не обращая никакого внимания на ядра и пули, продолжающие свистать по всей дороге до разрушенного театра, – идёте с спокойным, возвысившимся духом. Главное, отрадное убеждение, которое вы вынесли, – это убеждение в невозможности взять Севастополь, и не только взять Севастополь, но поколебать где бы то ни было силу русского народа, – и эту невозможность видели вы не в этом множестве траверсов, брустверов, хитро сплетённых траншей, мин и орудий, одних на других, из которых вы ничего не поняли, но видели её в глазах, речах, приёмах, в том, что называется духом защитников Севастополя...

Вы ясно поймёте, вообразите себе тех людей, которых вы сейчас видели, теми героями, которые в те тяжёлые времена не упали, а воз-

высились духом и с наслаждением готовились к смерти, не за город, а за родину...» [13]

Однако официальным почётным гражданином Толстой так и не стал. Ему не была вручена папка на «муаровом подкладе, тиснённая золотом», с приветственным адресом.

Почему так произошло? Исследователи и краеведы спорят. У каждого своя правда. Я также выскажу своё субъективное мнение. К моменту подачи ходатайства Лев Николаевич Толстой отошёл от многих дел. Стараясь следовать своим убеждениям и тяготясь барским укладом жизни, Толстой часто уходил из дома, бродяжничал. Правительство Николая II вынесло постановление, по которому Святейший Синод отлучил писателя от церкви. Всё это вызвало волну возмущения в обществе и могло наложить отпечаток на его дальнейшую судьбу. Хотя многие считали его мыслителем, чьё авторитетное мнение послужило причиной возникновения нового религиозно-нравственного течения – толстовства. Ещё одна причина – это правда, достоверность в описании увиденного писателем в Севастополе, критика самодержавия в «Севастопольских рассказах».

Можно ещё вспомнить и знаменитую статью Толстого «Не могу молчать», где он страстно выступил против смертной казни, обличал самодержавие, беспощадно критиковал помещичье-полицейское государство, церковь. Эта статья была опубликована одновременно многими газетами Англии, Франции, Германии, Италии. В России её не пропустила цензура. Лишь некоторые газеты напечатали отрывки из неё и были оштрафованы. В Севастополе не только удалось опубликовать статью полностью, но и распространить среди населения, матросов и солдат. Она была напечатана 9 июля 1908 года в «Южном вестнике». Газета со статьёй Толстого была расклеена на афишных тумбах, стенах домов, киосков, её раздавали жителям Севастополя. Часть тиража была отправлена в Ялту для бесплатной раздачи. За напечатание и распространение статьи «Не могу молчать» редактор С. А. Кострюков был арестован и посажен в тюрьму, газета «Южный вестник» закрыта.

Вероятно, все эти факторы и могли послужить причиной того, что решение городской

Думы от 27 августа 1908 года в связи с 80-летием писателя о присвоении участнику героической обороны Севастополя 1854–1855 годов Л. Н. Толстому звания почётного гражданина города было отклонено императором Николаем II.

Не было никаких заметок по поводу почётного гражданства в газете «Крымский вестник» за 1908 год. Исследователи указывают, что только через полгода в «Биржевых ведомостях» за 9 марта 1909 года среди телеграмм от собственных корреспондентов появилось короткое сообщение под заголовком «Звание почётного гражданина Севастополя Л. Н. Толстому не дано министром внутренних дел». Эта фраза вызвала у меня недоверие, т. к., исследуя практику присвоения почётного гражданства, можно заключить, что министр внутренних дел не обладал такими полномочиями. Он лишь готовил доклад императору, по которому «испрашивалось» разрешение на утверждение этого звания. Перепроверка биржевых ведомостей не подтвердила наличие такой заметки. Следовательно, авторы, указывающие на биржевые ведомости, просто переписали друг у друга недостоверную информацию. А их оказалось достаточно много: севастопольские журналисты Михаил Лезинский, Ольга Сигачёва, исследователь Наталья Максимова и другие.

В результате расследования был сделан запрос в Российскую государственную библиотеку (г. Москва). Получен ответ:

«Сообщаем, что в газете “Биржевые ведомости” за 9 марта 1909 года отсутствует отказ

Памятная плита Л. Н. Толстому
на Историческом бульваре

Л. Н. Толстому в получении звания почётного гражданина Севастополя.

Однако в газете “Крымский вестник” от 7 марта (№ 62), стр. 3, за 1909 год имеется сообщение о том, что “ходатайство о присвоении звания почётного гражданина Севастополя графу Л. Н. Толстому <...> оставлено без движения”.

Как мы говорим, “положено под сукно”» [14].

В 1910 году Л. Н. Толстой умер. Утром 31 октября он отправился в путешествие. Однако по дороге заболел воспалением лёгких и вынужден был в тот же день выйти из поезда на первой большой станции рядом с населённым пунктом. Этой станцией оказалось Астапово (ныне Лев Толстой, Липецкая область), где 7 ноября Л. Н. Толстой умер в доме начальника станции И. И. Озолина. 10 ноября 1910 года был похоронен в Ясной Поляне [15].

В Севастополе всегда любили и почитали Льва Николаевича Толстого – в 1922 году состоялось торжественное открытие музея, который в конце 1924 года по непонятным причинам, и, видимо, не из-за неоднозначного отношения к писателю, был расформирован. Большую часть экспонатов отправили в Толстовский музей в Москве, а меньшую – ту, что относилась к Крымской войне, – внесли в состав коллекции Музея обороны [16].

К 100-летию со дня рождения писателя на Историческом бульваре у памятника воинам 4-го бастиона была установлена мемориальная плита с текстом: «В память годовщины со дня рождения Л. Н. Толстого, пребывавшего здесь в

Центральная городская библиотека
им. Л. Н. Толстого. 90-е годы XX столетия

Крымскую кампанию 1854–1855 гг. Поставлено Севастопольским горсоветом РК и КД 10 сентября 1928 г.». Многие исследователи считают, что плита была утрачена в годы Великой Отечественной войны. Однако старожилы утверждают, что плита была на своём месте ещё в 1956 году.

1 сентября 1953 года решением Севастопольского исполнительного комитета городского совета Центральная городская библиотека была названа именем Л. Н. Толстого. На фасаде здания библиотеки написаны слова: «Не может быть, чтобы при мысли, что вы в Севастополе, не проникло в душу вашу чувство какого-то мужества, гордости и чтоб кровь не стала быстрее обращаться в ваших жилах...» [17].

В Севастополе именем Толстого названа улица в Ленинском районе, на горе Матюшенко, между площадью Пирогова и Гидрографической улицей [18].

В 1959 году на Историческом бульваре среди цветов и тенистых деревьев была установлена стела из серого полированного гранита с барельефным портретом Л. Н. Толстого из белого мрамора. Авторы – Г. Н. Денисов и И. И. Степанов [19].

С тех пор произошли большие изменения в жизни нашей страны, нашего народа. Но как бы там ни было, имя Льва Николаевича Толстого навечно вписано в историю нашего города. И хотя звание «Почётный гражданин города Севастополя» не было утверждено монархом (а оно присваивалось только при жизни кандидата), мнение самих севастопольцев, их общественное признание его заслуг могут служить основанием для того, чтобы считать Льва Николаевича удостоенным этого высокого звания.

ЛИТЕРАТУРА

1. История Севастополя в лицах: военные и гражданские руководители города и флотов / Куликов И. И., Кот В. П., Крестьянников В. В. и др. – Севастополь, 2008. – 496 с. – С. 83.
2. Севастополь: энциклопедический справочник / 2-е изд., доп. и испр. – Севастополь: Нац. музей героической обороны и освобождения Севастополя – Симферополь: ООО «Фирма "Салта" ЛТД», 2008. – 1120 с. – С. 122–123.

3. Толстой Л. Н. Севастополь в декабре месяце // Толстой Л. Н. Севастопольские рассказы. – Симферополь: Таврия, 1982. – 183 с. – С. 26.

4. Толстой Л. Н. Севастополь в мае // Толстой Л. Н. Севастопольские рассказы. – Севастополь: Таврия, 1982. – 183 с. – С. 28–92.

5. Толстой Л. Н. – Ергольской Т. А. 1855 г. Севастополь // Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений: в 91 т. – Репринт. Воспроизведение изд. 1928–1958 гг. – М.: Терра, 1992. – Т. 59: Письма. – 387 с. – С. 325–326.

6. Толстой Л. Н. – Толстому С. Н. 1856 г., ноябрь, 10-е. Петербург // Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений: в 91 т. – Репринт. Воспроизведение изд. 1928–1958 гг. – М.: Терра, 1992. – Т. 60: Письма. – 558 с. – С. 107.

7. Севастополь: взгляд в прошлое: Сборник научных статей сотрудников Государственного архива г. Севастополя / Сост. В. В. Крестьянников. – Севастополь: ЧП Арефьев, 2006. – 356 с. – С. 103.

8. Толстой Л. Н. – Ергольской Т. А. 1855 г., сентябрь, 4-е. Севастополь // Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений: в 91 т. – Репринт. Воспроизведение изд. 1928–1958 гг. – М.: Терра, 1992. – Т. 59: Письма. – 387 с. – С. 334–335.

9. Лаврин Я. Лев Толстой, сам свидетельствующий о себе и своей жизни: перевод с нем. – Челябинск: Урал LTD, 1999. – 461 с. – С. 30–45.

10. Крымский вестник. – 1885. – 14 марта.

11. Крымский вестник. – 1908. – 28 августа.

12. Крымский вестник. – 1908. – 28 августа.

13. Толстой Л. Н. Севастополь в декабре месяце // Толстой Л. Н. Севастопольские рассказы. – Симферополь: Таврия, 1982. – 183 с. – С. 24.

14. Крымский вестник. – 1909. – 7 марта.

15. История Севастополя в лицах: военные и гражданские руководители города и флотов / Куликов И. И., Кот В. П., Крестьянников В. В. и др. – Севастополь, 2008. – 496 с. – С. 83.

16. Максимова Н. Севастополь в судьбе великого писателя. К 180-летию со дня рождения Л. Н. Толстого // СЕВА-2009 (Севастопольский альманах). – Севастополь: Изд. «Вебер», 2009. – 717 с. – С. 411.

17. История Севастополя в лицах: военные и гражданские руководители города и флотов / Куликов И. И., Кот В. П., Крестьянников В. В. и др. – Севастополь, 2008. – 496 с. – С. 83.

18. У карты Севастополя: справочник / Ляхович А. А., Шорин Л. А., Веникеев Е. В., Шавшин В. Г. – Симферополь: Таврия, 1982. – 224 с. – С. 200, 204.

19. История Севастополя в лицах: военные и гражданские руководители города и флотов / Куликов И. И., Кот В. П., Крестьянников В. В. и др. – Севастополь, 2008. – 496 с. – С. 83.

Татьяна КОРНИЕНКО

Прозаик, поэт. Член Союза писателей России. Член Содружества детских писателей (Екатеринбург). Автор 18 книг прозы и поэзии. Имеет многочисленные публикации в альманахах «Истоки» (Москва), «Севастополь».

Автор сценария документального фильма «Книги и судьбы», составитель и редактор книг «Удивительные встречи» и «Они приближали Победу» серии «Севастопольские писатели – детям». Вторая премия IV Международного конкурса имени Сергея Михалкова на лучшее произведение для подростков (2014) за повесть «Херсонеситы». Лауреат III Международного конкурса имени Сергея Михалкова на лучшее художественное произведение для подростков (2012). Обладатель специального диплома Международной детской литературной премии имени В. Крапивина (2011). Финалист Всероссийского конкурса на лучшее художественное произведение для детей и юношества «Книгуру» (2012). Обладатель Гран-при Международного литературного фестиваля «Альгамбра-2001». Лауреат литературной премии имени Л. Н. Толстого. Лауреат «Корнейчуковской премии» (Одесса, 2013) в номинации «Проза для детей младшего возраста» – 1-е место.

СПИЧКИ

Возможность горенья хранили спички.
Но... не горели.

Одни – по удобной привычке,
другие – ещё почему-то.

В означенных рамках уюта
ценилось весомое кредо
соседа,

на почве обыденной лени
взрастившего впечатленья.

Когда в глубину коробка
проникла рука,
спокойствие кануло в Лету.
И это

сочли проявлением Судьбы,
отдав без малейшей борьбы
одну из несчастных подруг.
Но жизнь удивительна!

Вдруг,
изранив бока
о наждак коробка,
она обрела силу, смелость
и... загорелась!

Пылая, она увидала
так нескончаемо мало,
но так ограниченно много!
Огарком, в момент эпилога,
она наконец поняла,
что в ЭТУ секунду жила.

* * *

Временем обглоданный фасад
В наслоеннях копоти и пыли...
Исподволь притягивает взгляд
Дом, в котором мы когда-то жили.
Милый жест растерянных ворот,
В оспинах отбитой штукатурки
Каменный забор, облезлый кот,
Может быть, потомок нашей Мурки.
Шевельнулось тщетное «вернись».
Дворик, клумба, лестница... Похоже,
Превратило время нашу жизнь
В жуткую «шагреновую кожу».
Как всегда, споткнулась о крыльцо.

Надо же, привычки неизменны!
Замыкая в памяти кольцо,
Вдруг заныло правое колено.
Тёмным жерлом гулкий коридор.
Там, внутри, мои родные двери.
Странно, почему крадусь, как вор?
Что ищу здесь? И в какой же мере
Детство может через толщу лет
Звать дыханьем каждого момента?!
Вот он, незатейливый секрет –
Камушек, глядящий из цемента.
Тополь у крыльца, он тоже цел.
– Видишь ли, мой друг, какое дело,
Дом-то наш нещадно постарел.
Ну а я? Я, скажем... повзрослела.
Вон моё окно – пустой провал...

И в ответ залиvisto и звонко
На весь двор оттуда зазвучал
Дивный смех малюсенькой девчонки!
Я ловила миг, взахлёб дыша:
Сверху, из оконного проёма,
Хохотала юная душа
Самого родного
в мире
дома!

* * *

Двор
захлебнулся холодным дождём.
Вечер.
Ветер
забытое треплет бельё –
флаги расцвечивания.
Дождь
истязает морзянкой карниз
зло, торопливо: «SOS!»
Небо
по капле стекает вниз,
в мутный, кипящий соус.
Хаос!

Грань –
и под пальцами млеет ноктюрн.
Припоминая что-то,

старый оранжевый абажур
смотрит в ноты.
Книги, лирические стихи,
корочки апельсина...

Переплетение разных стихий,
собранных воедино.

* * *

Трепещет на ветру последний лист,
Не понимая: он теперь не нужен.
Он – жизнь. А мир с утра стерильно чист,
И тоненький ледок не тает в лужах.

И, как в больнице, мягкий свежий снег
Уже забинтовал земное тело.
Уже зима из-под набухших век
Глядит на то, что за год наболело.

Но ярок, непокорен, золотист,
Сегодня точно так, как и намедни,
Трепещет с сердцем в такт последний лист,
Не соглашаясь с тем, что он – последний.

* * *

Рыжая хризантема...
Харизмы – тьма!
Тема
хокку и танков.
Жаркая растрёпанная путана?
Тайна?!

Огонь?!

Святая?!

Ах, как лживо,
как лживо тает,
едва касаясь живого тела,
снег,

такой «безопасно» белый,
гипнотизируя шёпотом:
– Не важно, что было и что потом...
А и действительно, к чему раздумья?
Для тех, кто «загодя»,
ты – безумие.

Их много –
с кривыми сучьями
в краю сугробов
(гробам созвучие).
В инферно снежном
ты – воин Истины,
такая хрупкая,
с простыми листьями.

Рыжая хризантема...
Харизмы – тьма!
Пусть не мастью,
я рыжая и сама.
Мне тоже свойственно
идти сквозь стылое.
Нас много, воинов.
Прорвёмся, милая!

* * *

Пегас стремился полетать, увидеть свет,
Но для полётов слишком был тяжёл поэт.
Конфуз. Бывает, что поэт взлететь не может,
Но, вот беда, такой летать желает тоже.

Тогда – а что, он хуже всех? – холёной массой,
Взнуздав, поэт в земную твердь вдавил Пегаса,
Пришпорил, крылья общипал
(мешают взгляду).
Вздохнул Пегас и поволок... куда не надо.

* * *

Кто-то ловкий и меткий,
У кого-то есть слух.
Мой талант самый редкий –
Рисование мух!

Вот вам муха в полёте,
Вот она на окне,
Притомилась в компоте
И грустит на стене.

Моей лапки, чистюля,
Посмотрите, ещё
Изучает кастрюлю
Со вчерашним борщом.

Разве это не чудо?
И осанка, и статья...
Я, конечно же, буду
Мух всю жизнь рисовать.

Пусть взорвётся планета
От нахлынувших чувств...
Мухотворчество – это
Пик изящных искусств!

* * *

Я пленных не беру.
Ко мне приходят сами,
Как росы поутру,
Как зимы, как шторма.
Не чувствуя себя
Фемидой с весами,
Я пленных не беру,
Но... пленена сама!

Где жалкие щиты
Из шуток и бравады?
Не выдержал «металл»
Бесхитростную ложь,
И я тебе сдалась
В тот самый миг, когда ты,
Лукавя, прошептал,
Что пленных не берёшь!

* * *

Неровное дыхание октября.
То дождь, то снег с претензией на стужу.
То судорогой за ночь сводит лужи,
А утром отпускает...

Говорят
О чём-то, расставаясь, журавли,
Быть может, наконец дойдя до сути.
И в реках тоже нет весенней мути,
И меньше притяжение Земли.

* * *

Вьюжный невесомый снег
На мою любовь ложится.
Ты всего лишь человек –
Я сегодня стала птицей!

Между небом и землёй
Только боль да саван белый.
Сшила «мёртвою петлёй»
Я стихии неумело.

И любовь, как в тяжком сне,
Компромисса не приемля,
То стремилась вверх, ко мне,
То к тебе рвалась, на землю.
Мой бескрылый человек,
День наш холоден, но светел!
Может, лучше белый снег,
Чем остывший белый пепел?

* * *

У Тома – симптомы весны.
Тому преследуют странные сны.
Взгляд – то с чёртиком, то тоскливый.
Глаза – две огромные влажные сливы
с загадочной поволокой.
Томе особенно одиноко
янтарными вечерами,
когда по растресканной раме
царапает веточка вербы.
«Это погода и нервы», –
думает Тома.
В отзвуках дальнего грома
слышатся перемены.
Кровь распирает вены.
Трепещут ресницы и губы-чайки.
В клетке отчаянно
мечется сердце.
Но Тома живёт всё ещё по инерции
в радужном детстве. И ей не ясны
симптомы уже наступившей весны.

* * *

Перекрестие рамы
разделило пейзаж на квадраты.
Выше – зябкий простор
в незатейливых галочках птиц.
Ниже – двор:
на асфальте косые заплаты
и фигуры без лиц.

Как, казалось бы, просто
из тяжёлого топкого клея
вертикальным лучом
пронестись по оси ординат,
ни о чём
из того, что ушло, не жалея,
не желая назад.

Почему же упрямо
мы скользим и скользим по абсциссе?
Принагнулся – дурак,
распрямился – пророк или псих.
Как пятак,
мы меняем заветные выси
на баллады о них.

* * *

Ах, если б кто-то ТАМ предусмотрел
Такую незаметненькую дверцу
Для тех, кто день встречает с ночью в сердце,
Кто обнаружил собственный предел.

Прикроешь робко или пнёшь ногой,
Покуришь, может, просто повздыхаешь.
Ну... и вернёшься, если пожелаешь,
Всё тот же, но уже чуть-чуть другой.

Чтоб дальше жить влюблённым в целый свет.
Вот только дверцы, к сожаленью, нет.

* * *

– Ты полетать не хочешь ли со мной?
Зажмурься, встань на цыпочки и – ввысь!
– Но у меня нет крыльев за спиной.
– Какое заблужденье. Обернись!
Смотри, как в предвкушение высоты
Дрожат два совершеннейших крыла.
Опробуй. И поверь, крылата ты.
Кры-ла-та! И всегда такой была.

ФЕВРАЛЬ В СЕВАСТОПОЛЕ

Зима.
Друг к другу жмутся дома
стенами – боками и спинами.
Крыши сосульками длинными
грозят прохожим.
И рвётся из кожи вон
рассерженный хлебный фургон,
скользя на раскатанном льду.
Гудит на подъёме троллейбус: «Иду-у-у!» –
На радость замёрзшим ногам,
носам и носикам.
Старуха в шубе жалеет матросиков,
шагающих в патруле:
– У нас, как всегда, вся зима в феврале!
– И верно, мамаша,
нынче зима наша
другим не в пример, –
рокошет подвыпивший пенсионер,
запахивая воротник. –
А он вон не мёрзнет, привык, –
тычет в Нахимова на постаменте.
Смеёмся.
И тут, как в замедленной кинопленке,
из белого белая выплывает маршрутка.
Минутка –
и мы с тобой,
уютно прижавшись,
едем домой.
А мимо, как пароходы,
с парком у лица,
плывут прохожие
и севастопольская улица.

* * *

Ты прости меня, Бог,
Не сумел оправдать ожидания.
Впрочем, ты и не ждал...
Я всегда жил как мог,
Исполняя свои же желанья, –
Не велик и не мал.

Можешь строго судить,
Лишь бы только судом не последним –
Не готов, не хочу.
Удержи мою нить.
За себя, помнишь, в храме намердн
Я затеплил свечу.

Пусть ещё погорит.
Много света у нас не бывает.
Здесь пока больше тьмы...
Жизнь такое творит!
Даже старый миндаль зацветает
На излёте зимы...

Ты прости меня, Бог.
Говорят, за любовь всё прощают.
Не кори за слова!
Не подводят итог
Тёплый вечер и поле без края,
И по пояс трава...

Баллада о парусах

...Добычу с побеждённого берёт британский
флот:

И ядрами, и порохом, и пушками берёт.
Им эта гавань узкая была как в горле кость,
Но парусники русские своим топить пришлось,
Снимая с них орудия. Изрыты берега,
Причалы обезлюдели. Малахов пал курган,
И не на что надеяться. И пушки замолчат.
Прострелен флаг Андреевский картечью
англичан.

Везут французы колокол туманный
в Нотр-Дам.
А кровь из раны колотой впитает без следа
Земля под бастионами. Мелькают средь
колонн

Британские знамёна и французский триколор.
Пусть их надменность временна, но горше
нет вины.

А в море мачты с реями из-под воды видны.
Последнее движение штурвальным колесом.
Закончены сражения эпохи парусов.

Ещё повсюду всполохи, и боем опалён
Матрос над бочкой пороха с зажжённым
фитилём,
Чтоб в ночь, в дыму пожарища, при свете
фонарей
Ушли его товарищи по доскам через рейд
И, обернувшись, видели как будто наяву:
Икона «Трёх святителей» всё держит на плаву.
Шинель пробита выстрелом. В пыли мундир.
Постой:
В строю с артиллеристами поручик
Лев Толстой.

А ветер сеет брызгами, свистит над головой.
Проиграна не Крымская – предтеча мировой.

Ольга СТАРУШКО

Родилась и выросла в Севастополе – городе-герое, воителе, городе русской славы на все времена.

По образованию журналист, окончила МГУ имени М. В. Ломоносова.

Член Союза писателей России.

Издала две книги стихов: «Корабельная сторона» и «Родительская тетрадь».

просто флот затоплен, а окончен долгий спор:

Не взять Константинополя, не покорить Босфор...

Очнётся бухта Южная, и станет мир другим.
Недавние союзники и давние враги,
Запомните – осман или британец и француз –
Мы кораблей названия учили наизусть.
И город вновь отстроили у белых берегов,
Который русской Троею назвал Виктор Гюго,
Где крест над Братским кладбищем

и где дозор несёт

И порт незамерзающий, и Черноморский флот –
Под паром, а не парусом, и на бортах брони, –
Но в памяти останутся до нынешнего дня
И тот пропахший порохов отчаянный матрос,
И корабли, которые тут затопить пришлось.

Пусть горн поёт над бухтою, и в праздничные дни

Горят в ночи салютные цветастые огни,
И в море отражаются. А стены батарей

Не

Сквозь годы и пожарища ещё глядят на рейд,
Где монумент затопленным поставлен
кораблям,

Где сердце Севастополя навек.

А в море глянь –

Парадный строй равняется, когда сейчас
и здесь

Играет ветер парусом фрегата «Херсонес».

СПАСИТЕЛЯМ СЕВАСТОПОЛЬСКОЙ ПАНОРАМЫ

Обернись на вершине кургана: пальба и дым.
Оборона Малахова. Стоны и крики – рядом.
Долгий свист. Под обстрелом на склоны
несут воды,

И залиты, шипят, не посеяв погибель, ядра.

Камень башни-донжона от копоты стал седым.

Панорама сражения. Подвиг давнишний. Но,
Окружая, затягивает огромное полотно,
И детален предметный план, будто битва –
в яви.

Просто помнить о той обороне, матрос, одно,
А вторую держать самому. Ты теперь не вправе
Допустить, чтобы память о предках взялась
огнём.

Отбомбили прицельно, и чёрной открытой
раной

Между рёбер каркаса зияет осевшая панорама,
И горит её холст! Севастополь горит на нём,
Как пылал тем июньским минувшим днём.

Дед сказал бы тогда, что не в брёвнах,
а в рёбрах храм.

Белоснежный шатёр служил словно купол
храма

В честь защитников города. Стоек был дед
и храбр.

Век ещё не истёк: новый штурм, и опять –
октябрь.

До июня зенитки хранили нетронутой
панораму,

А сейчас вслед за дедом настанет и твой черёд.

так и будет служить.
На флоте
от Петра повелось: с почётом
возрождаются имена.
Две недели на всю работу
севастопольскому заводу:
стала в списке седьмой по счёту
батарея «Не тронь меня!».
Клич её – не угроза в битве,
а из Библии.
Звук молитвы.
Так, воскреснув, сказал Спаситель
причитающим: да, не тронь,
не коснись,
от Отца до Сына
дух пребудет неопалимым,
не рыдай мене, Магдалина,
ухожу в небеса.

«Ого-о-о-о-о-о-онь!»

Бьётся сердце стальное, бьётся.
Раздобыли вам краснофлотцы
якорь царского броненосца –
всё, что славно, в цехах хранят –
от «Марии-императрицы»:
принимай, «квадрат».
Пригодится,
чтобы в шторм по волне не рыскать,
чтоб сражалась «Не тронь меня!».
Пропоют: «Ба-та-ре-ю к бо-ю!»
По сигналу в поход готовят,
и буксир отдаёт швартовы –
и к Бельбеку, за бонный строй.
Тут, на точке, на старый якорь
в отведённом тебе квадрате
встань и стой, не сдаваясь, насмерть,
принимая неравный бой.
По люфтваффе летят снаряды,
а к подлодкам они ныряют.
Дни и ночи одна команда:
не жалея для врагов огня!
«Штук» подбитых пылают трупы,
смят волной парашютный купол.
Огрызается, стиснув зубы,
батарея: «Не тр-р-р-р-р-ронь меня!»
Немцы, что ваш хваленый «Бисмарк»?

Никакой из его зениток
ни один самолёт не сбить, и
толку, что их у вас полста?
Наших – семь. Да три пулемёта.
Но наводим жуть на пилотов.
Нас заносят в книгу рекордов:
мы – невзятая высота!
Вспоминал штурмовик Ефимов,
как ему прикрывали спину:
«Сзади “мессеры”, значит, ринусь
к батарее, штурвал клоня
от себя». В небе визг и вопль
и винтов, и горящих сопел –
кровью сплёвывал Севастополь
исступлённо: «Не тронь меня!»
С Херсонесским аэродромом
до последнего в обороне.
А убитых в воде хоронят.
Корпус цвета морской волны
потемнеет от близких взрывов.
Дым клубами, и море – дыбом.
Батарея неуязвима:
меткий
чёрный
квадрат
войны.

...Мир настанет.
У стенки Минной
ждут матросы и командиры.
Раздаётся команда: «Смирно!
Головные уборы снять!»
Бескозырки в руках, фуражки –
в память о канонирах павших.
На буксирах, последним маршем,
в бухту входит «Не тронь меня!».
Нас обнимут родные ветры.
Мы могли бы сказать и рэпом,
разумеется.
Но об этом –
слог чеканя, как нерв звеня –
можно
только
стальным
квадратом.
Так мы молимся: брат за брата,
внук за деда, чьё имя свято,

Никас Сафронов. Лето в Крыму. 2013. Х. м. 120 x 90

Михаил КОЛЕСОВ

Доктор философских наук, публицист и прозаик, член Союза писателей России. С 1993 года им опубликовано около 60 статей, очерков и интервью в крымской периодической печати. Как прозаик печатается в литературных журналах и сборниках, а также на литературных интернет-сайтах. Как публицист внесён в альманах ЖЗЛК «Дух личности вечен. 500 личностей Крыма» (Симферополь, 2000) и в справочник «Кто есть кто в Крыму» (Симферополь, 2001). Автор книг: «Россия и Крым на рубеже двух эпох. Публицистика» (2006), «Меньшиковский дворец. Повести и рассказы» (2008), «Никарагуа. Нога сего. Роман-хроника» (2011), «Крымский излом 1994. Записки свидетеля» (2015), «Прощание с мечтой. Путевые очерки» (2018), «Севастопольский гамбит. Хроника 2014 года» (2020), «RETRO». Сборник рассказов, очерков и эссе (2021). Лауреат литературной премии им. Л. Н. Толстого.

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Кольцов вернулся на родину после трёх лет работы за границей. За это время в стране сменились три руководителя государства. В советском посольстве он имел возможность наблюдать, как в кривом зеркале, в противостоянии дипломатов-профессионалов, кагэбешников и цекистов отражение смены власти в Москве. «С того берега» (А.И. Герцен) оказалось виднее. Но вернулся он всё-таки в другую страну. Буквально сошёл с корабля (самолёта) на бал, то есть попал на карнавал перестройки.

Годы работы за границей, когда человек попадает на время в определённый информационный вакуум, значительно ограничивают его ориентацию в отечественном социальном пространстве. Это состояние, литературно воссозданное известным русским дипломатом и драматургом А. С. Грибоедовым, наверняка испытывали многие дипломаты и разведчики, проработавшие долго за границей и по возвращении оказавшиеся «чужими среди своих».

Кольцов однажды испытал это состояние после двухлетнего пребывания на Кубе. В то время ему с большим трудом пришлось возвращаться в «нормальную» жизнь. Но теперь это повторилось в других, более сложных обстоятельствах. И понял он для себя значение столь быстро изменившейся в стране социально-психологической ситуации не сразу.

Он, как и «весь советский народ», воспринимал происходившие в стране события и процессы как неизбежное, относясь к сопровождавшей их идеологической демагогии как к должному камуфляжу. Однако, переживший хрущёвскую оттепель, он был не настолько наивен, чтобы «кашпировать» себя иллюзиями каких-либо реформаторских перемен в этом «железобетонном» государстве. Поэтому горбачёвскую перестройку Кольцов уже воспринимал как политический спектакль, который пытался поставить провинциальный режиссёр самодеятельного «народного театра».

Но оказалось, что народ думал иначе. И, видя по телевизору восторженные толпы на съездах и площадях вокруг нового вождя, он вновь вспоминал пророческие слова французского мыслителя Жозефа де Местра: «Каждый народ имеет то правительство, которое заслуживает...»

На кафедре возвращение Кольцова восприняли индифферентно. На этой кафедре до загранкомандировки он проработал всего четыре года, и взаимоотношения с коллегами определялись преимущественно рабочими интересами. Коллектив кафедры был небольшой, и большинство составляли однокурсники или «младшекурсники» Кольцова по Ленинградскому университету. Так что ему не нужно было вживаться в новый коллектив. Руководство университета его давно знало по прежней работе.

Однако партийное руководство города и республики за время его отсутствия полностью поменялось. И это для него имело, как оказалось, существенное значение.

Коллектив университета, как и всё советское общество, был вовлечён в запущенную «сверху» пропагандистскую кампанию «демократии» и «гласности». Все возжаждали демократических перемен, и у всех вдруг появился собственный голос. Теперь это было разрешено! Ну и, конечно, возглавить этот перестроечный энтузиазм вознамерились прежде всего те, чьё положение эти перемены могли поставить под угрозу.

Так, университетское «общество трезвости» возглавил доцент Олег Ливанов (анонимный алкоголик). Олегу было под пятьдесят. Мужик он был заурядный, неумный и занудный. Авторитетом в университете не пользовался. Он завершал свой второй срок заведования кафедрой и, по университетскому Уставу, должен был уступить место новому претенденту. Но это рутинное дело неожиданно приобрело драматически-фарсовый характер.

Обычно процедура смены заведующего кафедрой осуществлялась ректоратом (Учёным советом) с формальным согласием преподавательского коллектива. Но в преддверии демократической эпохи «гласности» руководство решило посоветоваться с народом. И открыло ящик Пандоры!

До отъезда за границу у Кольцова были нормальные отношения с Ливановым, несмотря на то, что тот его иногда раздражал своим менторством. Но вскоре он почувствовал, что за время его отсутствия отношения в коллективе

изменились. Но, погружённый в свои серьёзные личные проблемы, не обращал на это должного внимания.

Тектонический удар произошёл неожиданно на очередном заседании кафедры, на котором Ливанов сообщил о новом порядке переизбрания заведующего. И после этого дня коллектив «забродил».

Первоначально Кольцов отнёсся к этой буре в стакане воды незаинтересованно. Но процесс начал приобретать не понравившийся ему оборот. Он заметил, что отношение к нему Ливанова и некоторых его союзников приобрело агрессивно-провокативный оттенок. При разговоре с секретарём парткома он узнал, что руководство «не возражало бы», если бы он сменил Ливанова, но вмешиваться не собирается.

– Понимаете, – сказал Кольцову его давний знакомый секретарь, – ещё год назад мы решили бы этот вопрос, как обычно, без проблем. Но сегодня – перестройка, и мы обязаны соблюдать принципы демократии.

И Кольцов попал в двусмысленную ситуацию. С одной стороны, ему никто официально предложения не сделал, потому что отказываться ему было не от чего. С другой – противостояние на кафедре обострялось, и, если не появится альтернативная кандидатура, «демократический бунт» «уйдёт в свисток». Некоторые коллеги уже дали ему понять, что поддержат его кандидатуру. И он решил «войти в игру», хорошо осознавая, что в случае поражения ему спокойно работать на кафедре не дадут.

Наконец выборное заседание кафедры состоялось в присутствии представителя ректората. Оно было бурным и нелицеприятным для Ливанова. Фактически его союзники поддержались от открытой его поддержки. Но открытое голосование дало незначительный перевес Кольцову. Представитель ректората покинул заседание молча. И это не понравилось Кольцову, не разделившему энтузиазм своих соратников.

Прошло некоторое время. И вот на очередном заседании кафедры появившийся тот же представитель ректората объявил, что Учёный совет университета утвердил доцента О. И. Ли-

ванова на должность заведующего кафедрой на новый срок. По университетскому Уставу этот вопрос действительно решает Учёный совет. Но тогда зачем надо было устраивать этот «демократический» фарс?!

И на кафедре всё пошло по-прежнему. «Бунтари» были утихомирены, «победители» торжествовали. Ливанов вёл себя, как всегда, самоуверенно и бесцеремонно. Но для Кольцова, как он и предвидел, началась новая жизнь. Он узнал, что Ливанов на заседании Учёного совета объяснил произошедшее на кафедре как протест против перестроечных перемен, инспирированный личными интригами Кольцова.

Vae victis! (лат. – «горе побеждённым»).

Несмотря на психологический дискомфорт, Кольцов не придавал бы этому серьёзного значения, если бы не одно обстоятельство. Дело в том, что он приехал из заграничной командировки с уже практически готовой докторской диссертацией. Но для её представления на защиту необходимо было предварительное издание соответствующей монографии. И такая возможность была в издательстве Ленинградского университета. Но для включения в план издательства нужно было рекомендующее решение его университета (то есть кафедры). И вот здесь у Ливанова появилась возможность взять реванш. На кафедре не было ни докторов наук, ни специалистов по теме диссертации. И Ливанов бойкотировал принятие решения о рекомендации монографии под предлогом... её несоответствия новым требованиям перестройки. При этом он не утруждал себя объяснениями, какое отношение латиноамериканская культура имеет к советской перестройке.

Кольцову стало ясно, что его научная перспектива перекрыта надолго.

Однако последним рубежом его толерантности стал беспрецедентный случай административного произвола.

В университет пришла официальная заявка от Министерства ВССО на участие Кольцова в международной научной конференции на Кубе. Это приглашение было инициировано одним из знакомых ему кубинских коллег и поддержано советским консулом в кубинском городе Сан-

та-Клара (где должна была проходить конференция). Письмо было подписано самим министром Г. А. Ягодиным, и ректорат дал указания отделу кадров готовить документы на выезд.

Узнав об этом, Ливанов предпринял свой иезуитский ход.

Было начало учебного года. И по советской традиции студентов отправляли «на картошку». Университет был аграрно-технический, поэтому отправляли и студентов старших курсов. Студенческие отряды разбрасывали по всей территории республики, и надолго. Во главе их ставили обычно молодых преподавателей соответствующих профильных кафедр. Преподаватели общественных кафедр «на картошку» не ездили.

И вдруг Ливанов сообщает Кольцову, что по разнарядке ректората (?) он отправляется со студенческой группой в отдалённый район республики. В других обстоятельствах он мог бы отказаться, но создавать прецедент накануне поездки за границу было неумно. По времени он успевал вернуться к отъезду.

В республике не было колхозов, а так называемые совхозы представляли собой несколько разбросанных друг от друга небольших деревень (отделений). В одну из таких заброшенных в лесной глуши деревень и прибыл студенческий отряд.

Встретивший студентов заведующий отделением разместил их в старом пустовавшем клубе на окраине деревни. Здесь в двух больших комнатах были расставлены армейские двухъярусные железные кровати. Кольцов разместился в третьей маленькой комнате. Во дворе под навесом стояли грубо сколоченные деревянные стол и скамьи. В доме было электричество, но, разумеется, ни телевизора, ни радио не было. Но ребята привезли с собой транзисторные приёмники и магнитофон.

Теперь по утрам Кольцов отправлялся к дому конторы, где у крыльца получал вместе с местными бригадами разнарядки на день. На очередное поле студенты отправлялись пешком, иногда за несколько километров от деревни. Парни шли на картошку, девушки – на капусту. Поля, разбросанные по окраине леса, были большие и пустынные. По дороге

на работу студенты наблюдали, как деревенские усиленно трудятся на уборке урожая со своих немаленьких личных участков, используя совхозные картофелекопалки и другую технику.

Между тем на полях этой техники не было, и студенты вручную выкапывали картофель из мокрой вязкой земли и собирали в мешки, которые тащили потом к краю поля, где их вечером забирали приезжавшие на подводах деревенские. Работать часто приходилось под моросившим холодным дождём.

Никаких сушилок в доме не было, поэтому ребята сушили одежду у костра, вокруг которого собирались по вечерам. Это не была его студенческая группа, и Кольцов, чтобы не стесняться, редко присоединялся к их компании, оставаясь в своей комнате с книгой в руке. Здесь он впервые услышал «полного» Андрея Макаревича. Он не был фанатом «Машины времени», так же как и не был битломаном. Но теперь он имел возможность вслушаться в тексты песен Макаревича, и некоторые из них ему понравились.

Вообще, общаясь со студенческой молодёжью в течение почти двух десятков лет, Кольцов, к своему удивлению, сейчас заметил, что она значительно изменилась в новом поколении. Например, когда во время многочасовой поездки в автобусе он предложил ребятам попеть (дело обычное в его студенческие годы), то почувствовал неуместность своего предложения. Сначала он попробовал начать несколько популярных советских и студенческих песен. Кое-кто попытался поддержать его, но вскоре стало ясно, что никто не знает текстов.

Теперь, слушая Макаревича, он понял, что произошло. Магнитофоны приучили молодёжь слушать музыку, но отучили петь. А ведь действительно, несмотря на огромную магнитофонную популярность Владимира Высоцкого и Александра Розенбаума, никто не поёт их песни хором (в компании).

В связи с этим он вспомнил о том, что, по его наблюдениям, в студенческой аудитории новая молодёжь уже не читает советских писателей и редко смотрит советское кино. В то же время она неплохо знает современную иностранную литературу, интересуется новин-

ками зарубежного кино и легко ориентируется в западной поп-музыке. Как-то в его поколении в 60–70-е годы легко сочеталось и то и другое. Модный интерес к западной культуре не оттолкнул от новинок советского экрана, поэзии и музыки. А спрашивать сегодня у своих студентов, кто такие Александр Галич, Евгений Клячкин или Юрий Визбор, – бесполезно. Кто-то из них вспомнит имя Булата Окуджавы, но вряд ли сможет напеть какую-либо из его песен.

«Плохо это или хорошо?» – думал Кольцов. Вероятно, у каждого поколения свои песни. Но что-то ему подсказывало, что здесь имеет место нечто более серьёзное. Когда между сменяющимися друг друга поколениями теряется связь времён, происходит раскол общей парадигмы ценностей. Так, например, происходило во времена революций. Распаду государства всегда предшествовал разлом культуры. Невозможно разрушить государство, не подорвав предварительно его культурный фундамент...

А между тем пребывание трудового отряда в этой забытой богом деревне заканчивалось.

Была вторая половина 80-х годов – время хозрасчёта. И теперь студенты не работали, как раньше, безвозмездно. За их каторжный труд им полагалась определённая денежная компенсация. Правда, совхоз снабжал отряд некоторыми продуктами своего производства, но хлеб и бакалею студенты покупали сами в деревенской лавке. Тем не менее, закрывая каждый вечер наряды, Кольцов видел по ведомостям, что ребята всё-таки что-то заработали. И на поле они старались выполнить бригадный подряд. Об отряде даже написал приезжавший корреспондент районной газеты.

Но Кольцов был поражён, когда увидел расчётную ведомость, в которой в строчке «ито-го» были обозначены какие-то копейки.

– Всё, что вы заработали, вы проели, – заявил заведующий. – Хорошо, что уезжаете без долгов.

Кольцов не имел бухгалтерского образования, но всё-таки не был настолько глуп, чтобы не разобраться в этой финансовой афере. В нарядных ведомостях выполненных работ были проставлены отнюдь не низкие расценки, а вот

в ведомостях предоставленных продуктов и других услуг цены были вписаны магазинные. То есть баланс был точно подогнан между заработком и затратами. И проверить его было невозможно в принципе.

Но это было ещё не всё. Кольцов вспомнил, как некоторые деревенские с улыбочками провожали студентов, идущих на поле. Теперь нетрудно было догадаться, что после их отъезда безымянная ведомость выполненных работ пойдёт в зачет работникам отделения, а расходная ведомость будет просто списана. Всё это было настолько нагло сварганено, настолько недоказуемо!.. Если раньше студенты использовались как бесплатная рабочая сила (хотя бесплатной рабочей силы не бывает), то теперь, при перестроечном хозрасчёте, студенческая рабочая сила становилась платной, но деньги за неё получали другие.

Кольцова поразила реакция ребят, когда он им сообщил об окончательном расчёте. Все молча восприняли эту очевидную подлость. Ночь прошла спокойно. Утром в ожидании автобуса Кольцов ушёл в контору за формальным благодарственным письмом в адрес университета. Когда он вернулся, то понял, что означало «молчание ягнят». Клуб был разгромлен настолько, насколько это можно было сделать. Описать это побоище было невозможно.

Кажется, Кольцов наконец догадался, в чём было главное отличие нового поколения от его предшественников. Его поколение слишком много болтало, это поколение молча разнесёт всё, что ему не понравится...

Вскоре подошёл автобус, и университетский отряд отбыл домой. Студенты в салоне вели себя как ни в чём не бывало. В наступивших сумерках наткнулись на огромного лося, стоявшего спокойно на пустынной лесной дороге в лучах автомобильных фар. Посмотрев друг на друга через лобовое стекло автобуса, каждый проследовал своей дорогой.

В университете Кольцова ждал неприятный сюрприз, о котором он узнал случайно. Неожиданно заболела и была госпитализирована с перспективой дальнейшей операции начальник отдела кадров, которая лично занималась оформлением документов на его выезд за гра-

ницу. И конечно, никто не знал, где находятся эти документы. Кольцов даже не был уверен в том, были ли они вообще подготовлены. Времени до предполагаемого отъезда практически уже не оставалось. Этот вопрос мог решиться только на уровне ректора, но теперь у Кольцова не было прямого доступа в его кабинет. Обращаться к секретарю парткома, который его подставил с выборами, он не хотел.

И вообще Кольцов уже ничего не хотел. Он понял, что в университете ему оставаться нельзя. К тому же его семейная жизнь в конце концов зашла в тупик, чему тоже способствовала его заграникомандировка.

И к началу следующего учебного года Кольцов без сожаления покинул университет и город и вернулся (через почти тридцать лет) на свою малую родину – в Крым.

А перестроечный балаган в стране продолжался ещё три года...

P. S.

Через несколько лет, уже после развала Советского Союза, Кольцов узнал, что Олег Ливанов погиб при невыясненных обстоятельствах. Выяснилось, что он, оказывается, был штатным сексотом местного КГБ и любителем молодых студенток. Тогда Кольцову стало понятно, какой козырь был в рукаве Ливанова при его шулерской игре.

ГРУША

РАССКАЗ-БЫЛЬ

– Паша, немцы, немцы! Быстрее беги!

Паша, шустрая худенькая девчушка, тут же бросилась вон из хаты. Тётя Оныся только в последний момент заметила возле тына остановившуюся телегу, запряжённую парой понурых коней. А чуть поодаль – несколько человек в форме. Не к добру...

В тот же миг дверь с грохотом распахнулась, и в хату ввалились сразу несколько человек. Это были не немцы – полицаи. Значит, облава... Паша не успела выскочить во двор. Дуло винтовки упёрлось ей в лоб. Схватили, связали, бросили в телегу. Резкий запах навоза и конского пота ударил в нос. Это всё, что запомнила в тот момент.

* * *

Пашу пытались угнать в Германию три раза. Впервые это случилось вскоре после того, как немцы заняли Кривой Рог. В их рабочем посёлке на окраине рудника Фрунзе на постой встала какая-то тыловая часть. Семью Паши тут же выгнали из хаты – живите где хотите. В

хату заселились немцы, а отец Паши, Федосей, вырыл в саду, неподалёку от груши, землянку. Там они и ютились всей семьёй.

Груша росла уже десять лет. Федосей посадил её в год, когда начал строить из саманных кирпичей хату. Глины и соломы было вдоволь, так что хата получилась тёплой. А груша росла быстро и каждый год радовала урожаем. И хоть была она дичкой, но плоды казались такими сочными и пахучими, что сравниться с ними не могла любая другая, самая распрекрасная груша.

Однажды полицаи согнали всю молодёжь в летний клуб, заставив взять с собой вещи и еду. Все знали – погонят на работу в Германию. Паша шла в клуб, ничего не соображая. Ноги были ватными...

А опомнилась лишь через два дня, уже в «пересыльном» пункте, куда их переправляли из клуба. Опомнившись, тут же решила: «Надо бежать. Во что бы то ни стало – бежать!» Подговорила подружку, и под покровом ночи девочки перелезли через забор и юркнули в темноту. Рядом располагался лагерь для военнопленных красноармейцев. Точнее – краснофлотцев. Их

пригнали сюда из Севастополя, после того как город пал. Паша ходила сюда раньше несколько раз, когда можно было. Из их посёлка один парень – Николай – был призван в Севастополь, служил на флоте. Это была её первая симпатия. Паша ходила в надежде: а вдруг жив?

Когда началась война, от него пришло одно-единственное письмо, пока была ещё такая возможность. Николай написал: «Если не вернусь домой, значит, остался навсегда в Севастополе. А найти то место будет просто. Весной на той земле маки цветут. Вот где будет самое обильное место с маками...»

...Лагерь для военнопленных охранники стерегли зорко. Всё время слышались какие-то окрики. Прожектор ощупывал колючую проволоку, словно пытался найти в ней изъяны. Чем дальше от прожектора уходила в ночь Паша, тем становилось всё спокойней... Никто не спохватился, никто не бросился вдогонку. Домой вернулись уже следующей ночью, когда немцы в их хате крепко спали. Отец Федосей, человек уже немалых лет, только-только вернулся с работы. Немцы всех трудоспособных рекрутировали. Но на ночь отпускали... Отец Федосей и мать Женя обрадовались дочери так, что слова не могли выговорить. Хотя у Федосея сильно защемило под ложечкой: лучше бы не возвращалась! В его слесарке, где он теперь работал, ночью прятались беглые пленные. Подпольщики наладили контакт с краснофлотцами, томящимися в лагере. И время от времени удавалось оттуда вытащить то одного, то другого... Их вывозили под трупами умерших в лагере. Затем – на несколько дней в слесарку к Федосею, где требовалось их подкормить. А дальше – партизанам. Федосей не считал себя никаким подпольщиком, обычный человек... Но если бы немцы вышли на след подполья, расстреляли бы не только его, но и всю семью. Об этом знали все. Вот у Федосея и заныло сердце...

А вскоре пришли полицаи. Злые, как собаки. Вытащили Пашу из землянки и поволокли со двора. Она вначале изворачивалась, но тем только усиливала злость полицаев. Стали бить, матерились так, что было слышно на весь посёлок. Позже Паша узнала, что они получи-

ли взбучку от немцев за то, что сбежали две девушки. По спискам проверили. Немцы народ пунктуальный – адреса всех угоняемых в Германию в списках значились...

Паша не сдалась. Она вновь твердо решила бежать. Но ни со сборного пункта, не с железнодорожной станции сделать это не удалось. Стерегли и берегли. Живая дармовая сила! Едет работать на благо Германии.

А на первом же перегоне, когда теплушку на короткое время открыли, – шмыгнула под вагон, прижалась к колесу. Не заметили. Дальше – на другую сторону. А там ещё один эшелон. С немецкой техникой. Вот-вот тронется. Паровоз пыхтел так, что казалось, сейчас взорвётся. Паша юркнула под состав и оказалась на другой стороне. Дальше – поле. Чистое поле. Идти нельзя. Увидят – поймают. Эшелон с техникой тихо покатился вперёд. Паша сползла с насыпи в траву, посмотрела ему вслед. И вдруг – охранник! Он смотрел на неё и смеялся. Молодой веснушчатый немец держал в руках губную гармошку. Видимо, собирался так скоротать время. Он сидел на открытой платформе уходящего состава. Рядом – пулемёт, второй немец... Охранник не поднял тревоги, хотя, конечно же, понял всё. Наверное, пожалел. А вскоре тронулся и её эшелон. Только без Пашы.

Она знала, что её хватятся, не сегодня, так завтра. Будут искать. Обязательно будут. Поэтому домой нельзя, никак нельзя. Пошла полями. Добрела до тётки Оныси, это их родня. Жила та на уединённом хуторе № 64. Такое чудное, ещё с царских времен название.

...На этом хуторе потом жила долго. К тому времени много что изменилось. Теперь уже немцы отступали. Наши Кривой Рог брали три раза, но не в силах удержаться в нём, откатывали. Но ясно было – возьмут. Обязательно возьмут. Наверное, и немцы это знали. Они устраивали облаву за облавой, подчищая всё, что можно успеть вывезти в Германию. В такую вот облаву попала и Паша. Тётя Оныся не успела её спасти.

...И снова хата, набитая теми, кого завтра погрузят в эшелон. Паша всё знала, всё понимала. Был февраль, холодно, в хате натопили.

Одни девочки снимали верхнюю одежду, другие прямо спали на ней, подмяв под бока.

Паша дождалась глухой ночи и пошла к двери. За ней сидит полицаи, охраняет. Попросилась в уборную. Знала: обязан сопровождать и вернуть в хату. Но сонный же и ночь глухая и холодная! А она – без чулок (заранее сняла), сапоги на босу ногу, в одной кофте (пальто оставила в хате). Сонно глянул вверх: «Иди, только быстро!» Куда такая убежит? Через час замёрзнет, если что... Она выскочила на мороз. И сразу мимо уборной – в поле. Ещё с вечера изучала все подступы к хате. Где дорога, где полицаи остановились, где станция...

Не бежала – неслась по полю, не чувствуя холода. Падала, вскакивала и снова бежала, пока хватало сил. Несколько раз переводила дух и слушала, как громко стучит сердце.

И вдруг – еле слышимый топот копыт. Кто это? Она напряжённо вгляделась в темноту. Где-то вдалеке мелькнула искорка. Явно свет факела. Что это?

Конь, факел... Так это же по её душу! Хватились. Да как быстро хватились! А куда деться? Вокруг поле. Недалеко спасительные деревья. За ними можно спрятаться. Нет, там же и искать будут. В первую очередь. А конский топот всё ближе и ближе. Хотя бы ямка была, ну совсем небольшая. Заползти, затаиться и слиться с промозглой землёй. Но поле чистое, гладкое. Только в нескольких местах пожухлый бурьян. А в одном месте – совсем крошечный холмик кукурузных стеблей. Деваться некуда. Постаралась зачихнуться под него. Благо худенькая.

А конь совсем рядом. Кажется, стучит копытами прямо над головой. Теперь послышался топот и второго коня. Ищут её, ищут... Паша не знала, заметно ли, что под кукурузой лежит человек, и сможет ли полицаи высмотреть её при свете факела. Она не дрожала от холода и страха. Она просто не дышала.

И вдруг конь ринулся прямо на неё. Это было так отчётливо ясно. Но в последний момент он перепрыгнул через «кукурузный холмик» и понёсся дальше.

Лишь когда топот копыт стал почти неслышимым, девушка выбралась из своего укрытия. Теперь надо двигаться дальше. Вскоре февральское ночное небо с одной стороны стало светлеть, она пошла навстречу солнцу на восток. Там наши, там её дом.

Но сколько она ни шла, даже захудалый домишко не встретился на её пути. Холод пронимал до костей так, как будто сами кости были изо льда. Она ничего не чувствовала. Несколько раз мысленно обращалась к небу за помощью. Подумать только, она, комсомолка, советский человек, а ищет поддержку на небе...

Вскоре удалось выбраться на просёлочную дорогу. И вдруг... впереди что-то замаячило. Телега? Точно, телега! Вокруг – две или три воронки. Оглобли торчат вверх. Разбросано шмотьё, пласть цветастые, как у цыган. И на оглоблях висят чулки! Тёплые.

Валерий ВОРОНИН

Член Союза писателей России. Автор популярных книг прозы. Пишет целыми сериями. В различных издательствах России в свет вышло более 70 книг. Новые книги приглашают читателей в удивительный мир писателя Валерия Воронина, который как-то сказал о своём творчестве: «Однажды я открыл другую дверь...»

Наряду с прозой, он многие годы пишет стихи. В разное время они были представлены любителям поэзии в авторских поэтических сборниках «Жёлтый лист на чёрном фоне – золотой», «Крымский круг», «Каштановый мёд». Стихи и проза лауреата литературной премии им. Л. Н. Толстого В. Воронина публиковались также в периодических изданиях Украины и России, коллективных сборниках, альманахах и журналах. В. Воронин – лауреат почётного звания «Крымский прозаик – 2013». Награждён за выдающиеся достижения в литературном творчестве.

Не раздумывая, Паша сбросила сапоги и натянула чулки. Какое блаженство! Укуталась как могла всем, что осталось в телеге. Поблагодарила цыган, которые пусть и невольно, но спасли ей жизнь. И только чуть позже, уже согрившись от ходьбы, подумала о чулках. Она с такой жалостью, дрожа от холода, вспоминала чулки, которые сняла там, в хате. И вдруг ей даны новые...

К вечеру Паша добралась до какой-то хаты, где жила старая женщина. Сказала на всякий случай, что заблудилась. А старуха лишь кивала головой в знак согласия, хотя ясно видела совсем другое. К утру девушка заболела, и целый месяц старуха её выхаживала. Немцы наведывались сюда дважды. Каждый раз старуха сообщала, что это её внучка, которая тяжело больна. Как-то ранним утром в окошко осторожно постучали. Старуха, чутко спавшая всегда, тут же подскочила.

– Кто там?

– Мамаша, открой, свои...

Паша тоже проснулась и с тревогой посмотрела в окно.

– Говорят, свои... – вздохнула старуха, зажигая коптилку, – а пойми кто...

Но не открывать дверь – тоже нельзя. Она кряхтя пошла в сени и отодвинула засов двери. Паша успела одеться, не зная, чего можно ожидать от незваного гостя. Через мгновение в комнату ввалился военный. Свет от коптилки позволял это понять. Но на нём было обмундирование явно не немецкое и не то, что носят полицаи.

– Немцы у вас есть? – спросил он.

– Нет, здесь нигде их нет, – ответила старуха и тут же спросила: – А ты-то сам кто будешь?

– Разведка, мать. Наш я, наш. Не волнуйся.

– Так откуда же ты взялся, сынок?! – старуха всплеснула руками.

– Откуда? – он даже рассмеялся. – Кривой Рог взяли, скоро Красная армия и вас освободит.

– Держись, сестрёнка!

Разведчик посмотрел на Пашу, у которой от счастья по щекам текли слёзы, и с чувством поцеловал её.

Домой Паша вернулась спустя полтора месяца. Весна набирала силу. Девушка вошла в свой родной двор. Хата была пуста. Немцев

здесь уже, конечно, давно не было. Пошла к землянке и вдруг увидела, как на груше уже зарделись готовые в любой момент распусться почки. А спустя несколько дней не только груша, но и все сады посёлка взорвались белым сияющим цветом весны.

* * *

Меня всегда поражало невероятное по силе цветение садов в этом посёлке. Назывался он Дубровский из-за находящейся неподалёку Дубровой балки. И был во всех смыслах цветущим. В годы перестройки было принято решение его снести как неперспективный, а людей переселить в многоэтажки. Своеобразный вариант того, что мы сейчас называем «оптимизацией».

Старики держались до последнего, даже когда отключили свет и воду. Доводы у сносивших посёлок были веские: якобы под ним находится железная руда, которую вскорости здесь будут добывать. Но...

Вскоре Советский Союз распался, а у Украины просто не нашлось силёнок для основания новых месторождений. А посёлок-то нет уже...

Все дома снесли, сады выкорчевали, землю распахали, как будто бы и не было здесь ничего и никогда. Лишь одно дерево устояло – это груша-дичка, которую посадил в 1932 году Федосей, отец Паши. Эта груша стала настоящим гигантом, вровень с теми легендарными дубами, в честь которых были названы и балка, и посёлок.

Её спилили последней, очевидно, подыскав нужную пилу или нужного исполнителя. Я видел распиленные её части, которые мне напоминали разрезанного на части богатыря. Сделалось горько. Почему-то подумалось, что груша была своеобразным оберегом всей этой земли. И с этой землёй теперь может случиться что-то очень страшное.

А спустя несколько лет начался Майдан 2013 года. И вскоре Украина погрузилась в 2014 год, когда её разрушение и развал на куски стал напоминать мне грушу-дичку, которой бы ещё цвести и цвести.

Хорошо, что Паша не дожила до этой горькой минуты.

Татьяна ХАЛАЕВА

Член Союза писателей России. Автор трёх поэтических сборников. Лауреат международных фестивалей: «Пристань менистрелей» (2003), «Чеховская осень» (Гран-при, 2013), «Алые паруса» (Гран-при, 2018). Обладатель литературной премии Л. Толстого (2019). «Серебряный» лауреат Национальной литературной премии «Золотое перо Руси» (2020).

Мой путь

МОЙ ПУТЬ

Я «севастопольскою Дашею»
По этим улочкам хожу.
Своею клеточкою каждою,
Как воду, русский дух ношу!

Там, где знамёна перекрашены,
Там, где ведётся с прошлым бой,
Как эстафету, вёдра Дашины
Незримо я ношу с собой.

Пусть коромысло книзу клонится,
Врезаясь намертво в плечо...
Мой путь Владимирская звонница
Благословляет горячо!

ЧУЖЕСТРАНКА

Когда я стала чужестранкой
В стране, ещё вчера родной,
Я сердце вынула, как Данко, –
Пусть хоть оно придёт домой!

Ни в чём, ни в тоннах и ни в герцах,
Измерить боль я не могу.
Лежит моё в России сердце –
Рябиной красной на снегу...

СПАС

День Возвращения
Снился нам не раз,
Но мы не знали
Ни числа, ни года...
Мы ждали,
Как Христа,
Его прихода.
И он пришёл к нам,
Долгожданный Спас!

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Салют, и колокольный звон,
И флаги в небеса взметнулись...
«В Россию мы, домой, вернулись!» –
Благая весть со всех сторон.

К нам возвратились имена
Из плена, будто бы солдаты.
Мы не забудем этой даты.
Спасибо, Русская Весна!

Восторг и радость – через край!
Глядят на это ликование:
И море, затаив дыханье,
И солнца крымский каравай!

ГОРОД-АДМИРАЛ

Город, мужеством воспетый,
Он давно легендой стал.
Купола, как эполеты,
Носит город-адмирал.

Город носит белый китель,
Флотский праздничный наряд.
И хотите – не хотите ль
Здесь по-русски говорят!

Здесь мечтою пахнет ветер,
Здесь бывшее свято чтут.
Обелиски здесь и дети
Вахту Памяти несут.

Мы с тобой стоим в обнимку,
Радость в сердце не тая:
В бухту входят на побывку
Корабли, как сыновья...

Крики чаек в море тают,
Тихо плещется волна...
И она, я точно знаю,
В этот город влюблена!

МЕДАЛЬ

Чтоб историю ложью не штопали,
Чтобы правда звенела, как сталь,
Пронесу по земле Севастополя
За его оборону медаль.
Славу города непобедимого
Сохранить мы навеки должны.
И защитники (все до единого!)
Перед этою славой равны.
Все равны перед этой наградой,

Все, кого поглотила война.
Не пройти им сегодня парадом,
Не назвать им свои имена...
Всем ненайденным,
Всем безымянным,
Не известным теперь никому,
Без портретов,
Без паспортных данных,
Место в первой шеренге займу.
Святость подвига вновь подтверждая,
Днём победным окрасилась даль.
Я в «Бессмертном полку» шагаю
И несу, как икону, медаль!

СЛУЖУ РОССИИ

Я о России снова помолюсь:
И Господу, и всем святым на свете...
«Служу России!» – мне душа ответит.
«Служу России!» – я ей отзовусь.

«Служу России!» – как у алтаря,
Призналась я самой себе однажды,
Что этой службой утоляю жажду,
А это значит, что живу не зря.

«Служу России!» – каждая строка,
Ровняя строй, твердит мне ежедневно:
Связь с Родиной сильна, и велика,
И, как нательный крестик мой, священна!

«Служу России!» – этот мой «пароль»
С рождения с молитвой примут внуки,
Когда возьму впервые их на руки...
Для них он тоже будет хлеб и соль.
Служу России!

Людмила ГУСЕЛЬНИКОВА

Член СП России, СП Москвы. Поэт, прозаик. Пишет для детей и взрослых. В сотрудничестве с композиторами созданы гимны Балаклавы, Черноморского флота РФ, Гагаринского района, Исторического бульвара, детских оздоровительных лагерей «Ласпи», «Горный», Московского госуниверситета. Л. Гусельниковой написаны тексты песен к спектаклям театра им. Б. Лавренёва: «Бранденбургские ворота» М. Светлова, «Океан» А. Штейна, «Семейная кадрили» В. Гуркина, «30-я легендарная» В. Илларионова. За период литературной деятельности Людмилой Гусельниковой изданы 25 сборников прозы и поэзии для детей и взрослых.

Чтобы жить нам в счастливом Отечестве,
Чтоб беда не брала нас в ручищи,
Человек, помоги Человечеству
Сделать мир и гуманней, и чище.

В ОБЪЯТЯХ ВРЕМЕНИ

В объятиях времени живём,
По-разному, как выйдет.
То по течению плывём,
То в сердце боль – навылет.

Воистину, как повезёт.
Тут не переусердствуй...
Какой размах, такой полёт,
Ни на кого не сетуй.

Шумит вокруг людской прибой –
Где радость, где ненастья...
Но всё, что сделано тобой,
Пусть будет частью счастья.

ДАЙ БОГ

Дай Бог не испытать ни боль, ни страх,
Предательством не щеголять в грядущем,
Не осквернить свой день в друзей глазах,
Не стать изгоем в этом мире лучшем.

Не опуститься к склочности словам,
Не обесценить некие заслуги.
Дай Бог к твоим причалить берегам
Добру людскому сквозь дожди и вьюги.

Дай Бог не оскудеть в беде душой,
Быть навсегда в отзывчивости первым.
Я так хочу, чтобы ты был собой.
Достойным был, любимым, добрым,
верным...

Когда стоишь пред главным алтарём
Великой самой ценности на свете,
Дай Бог однажды самым главным днём
Понять, что Человек за всё в ответе.

ЖИЗНЬ

Дни летят. Немало видов
Ежедневного витка.
Жизнь, она как вдох и выдох.
Быстротечна, коротка...

Всё хлопчешь. Обязательств
Целый рой, несметен счёт.
Обстоятельств, доказательств
И предательств уйма ждёт.

Как бы ни было, случаен
Или нет набор щедрот,
Всё ж, увы, не от желаний
Наших выведен отчёт.

Среди самых разных видов
Дел, забот наверняка
Вспомнишь – жизнь как вдох и выдох,
Быстротечна, коротка.

ВРЕМЕНА МЕНЯЮТСЯ, НРАВЫ ОСТАЮТСЯ

О времена, о нравы – соль эпох.
Как вы менять умеете устои.
Кто, как, когда, зачем усвоить смог
Разнообразий ваших перебои?

Я думала о разности времён,
На них свои модели примеряла.
Я поняла – моя вина не в том,
Что я о лучших временах мечтала.

Всё было – лихолетья, мир, война,
Любовь и труд, страсть, зависть – жизни
главы.

Вопрос не в том, какие времена,
А в том, какие нам присущи нравы.

КАК УТРО СВЕЖО

Как утро свежо! Восхитительно нежно
Луч робкий поднялся к небесным ветрам.
Легли облака, повинувшись неспешно
Мятежного света случайным штрихам.

День новый на старте. Заведомо ясно –
Июньскому дню не случится скучать.
Рассветное звёздное небо угасло,
Как будто бы звёзды отправились спать.

Всё так повторимо и неповторимо.
В согласии том потрясающий шарм.
А мы всё торопимся мимо и мимо
Прогнозов, советов, реалий и карм.

ВЕРДИКТ

Торгуя честью, не разбогатеешь –
Пора принять за истину слова.
И что ты против правды не затеешь,
Всё вскроется, оступишься едва.

Сурова жизнь, случайностью чревата,
Не проращён идиллией позор.
Пусть раньше или позже, но расплата
Всё ж вынесет достойный приговор.

О многом в жизни, может, пожалеешь,
Но оступившись раз, остановись.
Торгуя честью, ни разбогатеешь –
Такой вердикт принять поторопись.

На что ни сетуй, ни аплодисментов,
Ни оправданий нет, как ни молишь.
У чести нет достойных оппонентов.
Она всегда одна дана на жизнь.

ТАК ЖИВЁМ

Улетели журавли в лето.
Крик последний в вышине стих.
Может, лучше будет им где-то,
Может, счастье где-то ждёт их.

Полететь бы. Да куда от Родины?
Где ты нужен и кому ещё.
Здесь дороги, что отцами пройдены,
Только здесь ты Верой защищён.

Вырождается понятие – Родина.
Где-то жизнь богаче, хоть мутней.
Пахнет лето чёрною смородиной
Только здесь, на Родине моей.

Пахнут зори розовыми далями,
Грозы в клочья горизонты рвут,
Первые весенние проталины
Сердцу веру в счастье раздают.

Так живём, уверены заранее,
Родине без нас нельзя никак.
В осень журавлиное прощание
Словно в воду брошенный пятак.

И. А. БУНИН, КРЫМ И АННА

«У Бунина в самом языке его, в складе каждой его фразы чувствуется духовная гармония, будто само собою отражающая некий высший порядок и строй...

Бунин у нас, в нашей литературе, – последний бесспорный, несомненный представитель эпохи, которую мы не напрасно называем классической, как бы ни был растянут и зыбок смысл этого слова».

Г. Адамович. Одиночество и свобода. 1954 г.

Страдая с ранних лет книгоманией, я как-то вознамерился выделить для себя лучшие книги, романы, произведшие на меня очень сильное впечатление. Погружение в стихию их текста давало состояние, которое сопрягалось у меня с запахом, ароматом, и создавало некую силу, остающуюся надолго и всерьёз. И это было не то наслаждение сладкое, которое сродни вкусному торту или увлекательной книге, прочитанной стремительно. Эти книги

не всегда, даже почти никогда не читались стремительно, взхлёб, а как-то необходимо с оттяжкой, чтобы каждый раз, после очередной вкушённой порции, этот дурман, аромат или эта аура постижения постепенно, подробно осели во мне. Потом, несколько позднее, бывая в православных храмах, постигая их нешумное, но проникновенное и живое звучание, глядя в загадочные лики икон, я почувствовал поток силы, спокойствия и благодати, в котором

неожиданно для себя уловил не сходство, но какое-то созвучие с впечатлением, даваемым теми книгами.

В ряд этих книг я поставил и «Жизнь Арсеньева» Ивана Алексеевича Бунина.

Другие вещи Бунина мне тоже нравились. Особенно притягивало ощущение их тонкой тоски. Тоски о чём? Это ясно не говорилось в книгах. Но теперь я знаю точно – тоски о жизни. Не о той кричащей и шумливой производимой в злобе дня жизни быстро меняющихся картинок, нет, жизни, до конца не ощущаемой в крике, но присутствующей всегда. Бунин это присутствие очень ощущал.

Надо, наверное, сказать – вечной жизни.

Говорят, что книги Бунина, особенно его эмигрантского периода, о любви и о смерти. Нет, они о жизни.

Когда я впервые прочитал «Жизнь Арсеньева» лет двадцать назад, мне показалось, что эта книга написана не человеком. Так поразила меня ткань повествования, тонкое, безупречное, будто хрустальное кружево стиля и волшебная дымка, через которую подана фактическая сторона текста.

Но это я сейчас думаю о стиле, тогда было только впечатление и изумление перед тем, что вот так, оказывается, человеку доступно писать. Простые человеческие слова составлены так, что ощущение божественности почти буквально. Музыка фразы в тонком томлении, неспешности и прозрачности прихватывает необозримость неба, а своей конкретностью и обилием деталей явно признаётся в любви к земле, и божественное будто ностальгирует по земле, земля же обнаруживает доступность неба, его близость и осязаемость. Это в Буние дворянская усадебная культура, ностальгически побродив по русскому Золотому веку, дала такой выброс, выплеск, реализовавшись в, казалось, чуждом ей XX веку, на высокомерной к ней культурной территории, самым престижным литературным признанием – нобелевским лауреатством.

Сейчас, сквозь призму жёсткой рассудочности нынешних эстетических приоритетов, мне чудится налёт некой архаической сенти-

ментальности в бунинско-арсеньевском тексте, но эта капля сомнения никак не подмывает торжество бунинского построения, а делает его, быть может, более человеческим, но по-прежнему необычайным, я бы даже сказал, безумно-безупречным построением.

Происходит И. Бунин из древнего знатного дворянского рода, некогда богатого, а затем обедневшего. Вот что он сам написал о своём происхождении в 1934 году, когда уже жил в Париже:

«Я происхожу из старого дворянского рода, давшего России немало видных деятелей, как на поприще государственном, так и в области искусства, где особенно известны два поэта начала прошлого века: Анна Бунина и Василий Жуковский, один из корифеев русской литературы, сын Афанасия Бунина и пленной турчанки Сальмы.

Все предки мои всегда были связаны с народом и землей, были помещиками. Помещиками были и деды, и отцы мои, владевшие именьями в средней России, в том плодородном подстепье, где древние московские цари, в целях защиты государства от набегов южных татар, создавали заслоны из переселенцев различных русских областей, где, благодаря этому, образовался богатейший русский язык и откуда вышли чуть не все величайшие русские писатели во главе с Тургеневым и Толстым».

В 1933 году И. Бунину была присуждена Нобелевская премия по литературе. В официальном решении говорилось: «Решением Шведской академии от 9 ноября 1933 года Нобелевская премия по литературе за этот год присуждена Ивану Бунину за правдивый артистический талант, с которым он воссоздал в художественной прозе типичный русский характер».

Иван Алексеевич Бунин был последним классиком Золотого века русской литературы. И он вопреки всем обстоятельствам, перевернувшим русскую жизнь и выбросившим за пределы России часть русских людей, в том числе его самого, вопреки изменившимся писательским вкусам и литературным течениям исхитрился протянуть эту золотую русскую

нить до середины следующего века, перебросив её через головы классиков века Серебряного, и закрепить нобелевским лауреатством в среде чужой и совсем слабо понимающей ту, присущую И. Бунину, русскость, которой полон Золотой век русской литературы и которой так много в его книгах.

СЕВАСТОПОЛЬ

Имя И. А. Бунина не часто слышимо в связи с литературной историей Севастополя, Балаклавы. Разве что экскурсоводами приводятся его юношеские стихи о Байдарской долине, и с ними поминается автор. Мне, как балаклавцу, было интересно узнать, бывал ли Бунин в Севастополе, тем более что я помнил откуда-то, как он шёл пешком в Балаклаву из Севастополя по знойной каменистой дороге. Откуда память приводила этот пеший поход классика, я не знал, но почему-то уверился, что судьба Бунина с Балаклавой связана. Потом обнаружил, что память подсовывала эпизод из романа «Жизнь Арсеньева», прочитанного мной очень давно. Это не Бунин, а Алёша Арсеньев, направляясь из Севастополя в Байдарскую долину, шёл до Балаклавы пешком. Балаклава не описывалась в романе. Не нашёл я описания Балаклавы ни в записках и письмах писателя, ни в книге воспоминаний Веры Николаевны Муромцевой-Буниной.

Но Бунин бывал в городке и даже останавливался на некоторое время в конце сентября 1898 года. Тогда он приехал в Балаклаву с молодой женой, Анной Николаевной Цакни. Здесь жили родственники Анны Цакни, с Балаклавой связана и жизнь её отца.

Севастополь же в жизни И. А. Бунина начался с отца. Отец, большой, шумный, жизнерадостный, много рассказывал о Севастополе. Он воевал тут в кампанию 1854–55 годов, встречался с Толстым, играл в карты, был молод и впитывал впечатления о Севастополе так, как это свойственно молодости. Благодаря рассказам отца Севастополь с детства жил в воображении писателя. Он отразился в душе мальчика легендой, духом истории, символом живой причастности к прошлому.

Вячеслав БЕСПАЛОВ (БАКУЛИН)

Литературный критик, литературовед, член Союза писателей России.

Родился и вырос в городе Магнитогорске. Учился в городе Омске, где окончил Академию МВД в 1979 году. Работал в органах милиции МВД СССР. В уголовном розыске – до 1997 года. Затем юрисконсульт, адвокатом, преподавателем уголовного права в ТНУ им. Вернадского. С 1989 года живёт в Крыму. Первая литературная публикация – отзыв-предисловие к книге стихов Елены Евгеньевой «Восьмидолье» (2001) под псевдонимом Вячеслав Бакулин. После этого стал публиковаться в российских и крымских изданиях в жанрах эссе, художественной публицистики, критики. В 2008 году вышла книга «Цветок кактуса». Член редколлегии журнала «Вестник российской литературы».

Весной 1889 года Бунину 19 лет. Он приезжает в Харьков к брату Юлию, работавшему в земской управе. Иногда в этой же управе давали работу и младшему Бунину, что в его постоянном безденежье было очень кстати. Получив однажды от подработки какие-то деньги, он захотел в Крым, очень хотелось взглянуть на Севастополь, о котором столько слышал. С юга вдруг подул тёплый ветер, и это решило окончательно – он едет, ведь Севастополь, кажется, совсем недалеко от Харькова. Ему достали льготный бесплатный билет на имя какого-то рабочего, и он, блаженно растянувшись на второй полке, под стук вагонных колёс двинулся на юг.

Рано утром Бунин проснулся, было тихо, никакого тебе стука, поезд стоял. Солнце только

начинало вставать и было совсем слабым, ночь, зацепившись одним рукавом за наступающее утро, ещё оставляла свой след на действительности. Очевидность наступающего дня ещё не потеряла таинства ночи. Выглянув в окно, он увидел степь и на ней могильный курган. Так поразило его этот курган, что через двадцать с лишним лет он написал в «Жизни Арсеньева»: «...в двух шагах от нас, на бесконечной и гладкой, как ток, степи стоит и глядит на меня большой могильный курган... До сих пор не могу понять, чем он так поразило меня. Это было нечто ни на что не похожее ни по своим столь определенным и вместе с тем мягким очертаниям, ни по тому, главное, что таилось в них. Это было нечто совершенно необыкновенное при всей своей простоте, такое древнее, что казалось бесконечно чуждым всему живому, нынешнему, и в то же время было почему-то так знакомо, родственно». То, что двигало его в Севастополь, предстало вдруг единым с бесконечной древностью, взглянувшей на него скифским курганом, и уже поблекшие звёзды с этим курганом заявили о другой реальности, которая, он ясно почувствовал это, продолжает жить, и живёт всегда, потому что является вечностью: «...что им, этим вековым молчаливым курганам, до горя или радости каких-то существ, которые проживут мгновение и уступят место другим таким же – снова волноваться и радоваться и так же бесследно исчезнуть с лица земли?...». Это отрывок уже из рассказа «На край света» 1894 года, куда, дополнившись, перекачилось впечатление, оформившееся в мысль о кургане 1889 года.

Второе утро по дороге в Севастополь было совсем другим. Оно было выныриванием из древнего небытия в яркую настоящесть. И до того эта настоящесть была ясной, солнечной и благоуханной, что невольно пришло сравнение её с раем. «Опять внезапно очнулся я на какой-то станции – и увидел уже что-то райское: белое летнее утро – тут было уже совсем лето – и что-то очень тесное и сплошь цветущее, росистое и благовонное, какой-то маленький белый вокзал, весь увитый розами, какой-то лесистый обрыв, отвесно поднимающийся над

ним, и какие-то густые, тоже цветущие заросли в обрывах с другой стороны... И как-то совсем иначе, радостно и как будто испуганно, звонко крикнул паровоз, трогаясь в путь. Когда же снова он выбрался на простор, из-за диких лесистых холмов впереди вдруг глянуло на меня всей своей темной громадной пустыней, поднимавшейся в небосклон, что-то тяжело синее, почти черное, влажно-мгlistое, еще сумрачное, только что освобождающееся из влажных и темных недр ночных, – и вдруг с ужасом и радостью узнал его. Именно – вспомнил, узнал!»

В Севастополь он прибыл 13 апреля. Город не оправдал ожиданий юноши, об этом он пишет в письме к родным. Но по-прежнему неизменный восторг вызывает у него море. Осмотрев Графскую пристань, пройдя по городу, он нанимает лодку и отплывает осматривать Константиновский рavelин. Высадившись на берег, в городе не задерживается и отправляется в Байдарскую долину.

Севастополь не то чтобы не понравился Бунину – он не нашёл в нём того, что желал найти. А желал он окунуться и вдохнуть атмосферу отцовских будней почти полувековой давности, ощутить запах истории, а вместо этого увидел современный город, суetyщийся повседневной жизнью, будто не обнаруживающий на себе тяжесть веков и тяжесть прошедшей войны. Потом в «Жизни Арсеньева» Бунин уже по-другому вспоминает Севастополь. И эти ностальгически светлые воспоминания хочется привести, тем более что под пером Бунина, всегда очень точным и внимательным к деталям, будто попадаешь в атмосферу города того давнего, теперь далёкого: «Севастополь же мне показался чуть не тропическим. Какой роскошный вокзал, весь насквозь нагретый нежным воздухом!.. Небо, от зноя даже бледное, серое, но и в этом роскошь, счастье, юг. Полдень, везде пустота, огромный буфетный зал (мир богатых, свободных и знатных людей, приезжающих сюда с курьерскими!) чист и тих, блещет белизной столов, вазами и канделябрами на них...» А вот и указание на причину того юношеского разочарования: «Но где же было то, за чем как будто и ехал я? Не оказалось в Севастополе ни разбитых

пушками домов, ни тишины, ни запустения – ничего от дней отца и Николая Сергеевича с их денщиками, погребцами и казенными квартирами. Город уже давно-давно жил без них, вновь отстроенный, белый, нарядный и жаркий, с просторными извозчичьими колясками под белыми навесами, с караимской и греческой толпой на улицах, осененных, светлой зеленью южной акации, с великолепными табачными магазинами, с памятником сутулому Нахиму на площади возле лестницы, ведущей к Графской пристани, к зеленой морской воде со стоящими на ней броненосцами. Только там, за этой зеленой водой, было нечто отцовское – то, что называлось Северной стороной, Братской могилой; и только оттуда веяло на меня грустью и прелестью прошлого, давнего, теперь уже мирного, вечного и даже как будто моего собственного, тоже всеми давно забытого...»

Переночевав на окраине Севастополя, Бунин нанимает бричку и едет в Байдары. Дорога проходит через Балаклаву. В письме к родным пишет: «...дорога сначала, от Севастополя, неинтересная: голая, песчаная и каменистая. Однако, начиная от Балаклавы, идут уже горы и местность меняется; чем дальше – горы все неприступнее и выше, леса по ним гуще и живописнее, становится дико и глухо, изредка где-нибудь у подошвы горы белеет одинокая татарская хатка; самая большая деревенька – это Байдары, в Байдарской долине. Там уже настоящая красота. Долина вся кругом в горах, вся в садах; не знаю почему, только горы постоянно в какой-то голубой дымке, – словом, роскошь». Он не раз потом проходил и проезжал этой дорогой на столь поразивший его ещё с этого первого приезда и потом добавивший заболевания в другой, «чеховский» приезд, южный берег Крыма. В романе дорожный пейзаж на пути в долину представлен более скупыми и аскетичными видами. Он явно отличается от тех горных лесисто-сочных видов, описанных в письме. Такое впечатление, что дорога на Балаклаву ему больше запомнилась, и ностальгия её больше сохранила: «В полдень я был уже за Балаклавой. Как странен этот нагой горный мир! Белое шоссе без конца, голые, серые до-

лины впереди, голые серые ковриги близких и дальних вершин, одна за другой уходящие и куда-то томительно зовущие своими сиреневыми и пепельными горами, знойным и таинственным сном своим... Посреди каких-то огромных кремнистых долин я сидел, отдыхал».

Но не этот пейзаж вдохновил молодого девятнадцатилетнего поэта. Он любит буйством зелени, цветов. Впечатлённый красками, солнцем, запахами Байдарской долины, горами в синей дымке, он потом напишет стихи:

*Вся долина в зеленых садах,
Вся долина полна ароматом,
По горам, на цветущих холмах,
Кипарисы толпятся по скатам.*

Из долины на бричке он поднимается к Байдарским воротам, подъём постепенный, не крутой, и от этого ещё ошеломительней поразила внезапность высоты и бескрайняя бездна моря, буквально ворвавшаяся в него, когда он подошёл к воротам. Физически ощущалась жизнь и движение во всём этом огромном развернувшемся пространстве: «...едва я вышел из ворот, как отскочил назад и замер от невольного ужаса: море поразило меня опять. Под самыми воротами страшный обрыв (если спускаться по этому обрыву по извилистой дороге – до моря считается версты три), а под ним и впереди и направо и налево верст на пятьдесят вдаль – открытое море. Поглядишь вниз – холод по коже подирает; но все-таки красиво». На ночь он остался у Байдарских ворот, рядом располагалась почтовая станция, на ней и заночевал. Утром встал рано, дошёл до Байдар, в трактире позавтракал, запивая яйца крымским вином, и пешком направился в Севастополь.

*...Светает... Над морем, под пологом туч,
Лазурное утро светлеет;
Вершины байдарских причудливых круч
Неясно и мягко синеют.*

Утренняя свежесть быстро сменилась дневным зноем, идти становилось труднее, особенно

на подъёмах. Наконец показалась станция. Нашёл ямщика за тридцать копеек и доехал до Севастополя. Ямщик оказался бывшим солдатом, подвыпил, рассказывал о своём житье-бытье, и время прошло незаметно.

А. Н. ЦАКНИ

Анна Николаевна Цакни вышла замуж за Бунина, едва окончив гимназию. Именно её отец, Николай Цакни, имел усадьбу и 48 десятин земли под виноградниками в Балаклаве. Он даже предлагал писателю хозяйствовать на этой земле. Но жизнь молодых не задалась, и они скоро расстались. Тем не менее образ черноглазой Анны Цакни, впечатления от скорой, но оставившей в душе глубокий след связи с ней отразились во многих произведениях писателя. Да и судьба Анны Цакни навсегда в ней осталась, во многом, конечно, благодаря сыну – единственному ребёнку Бунина.

С Анной Цакни Бунин познакомился летом 1898 года. Ему шёл двадцать восьмой год, ей – девятнадцатый. Она – дочь владельца одесской газеты «Южное обозрение». Вот он, Николай Петрович, в описании Бунина: «Русский грек Николай Петрович Цакни, революционер, женатый на красавице еврейке (в девичестве Львовской), был сослан на крайний север и бежал оттуда на каком-то иностранном пароходе и жил нищим эмигрантом в Париже, занимаясь черным трудом, а его жена, родив ему дочь Аню, умерла от чахотки. Аня только двенадцати лет вернулась в Россию, в Одессу с отцом, женившимся на богатой гречанке Ираклиди, учившейся пению и недоучившейся оперному искусству у знаменитой Виардо...»

Родом Николай Петрович был из Балаклав. Предки его происходили из греческих пиратов, которые грабили турецкие суда, а потом, спасаясь от турецкого преследования, при Екатерине Второй переселились в Крым. Николай Петрович сохранил пылкий, воинственный облик предков. Это был высокий черноволосый красавец со жгучими глазами, «с тонкими, умными чертами лица. Посмотреть на него – так и думалось: вот вспыхнет. Но ничего в нем не

вспыхивало». Так описывает его современник. Несмотря на воинственный род и революционное прошлое, был Николай Петрович мягким и покладистым человеком.

Летом 1998 года он пригласил к себе на дачу молодых писателей, среди них был и Иван Бунин. Он увидел Анну в густом, разросшемся саду и обомлел. На него смотрела греческая богиня, юная и прекрасная, будто вышедшая из гомеровских поэм. Надо сказать, что у Бунина были давние отношения с гомеровскими героями, домашний учитель обучал его чтению по «Одиссее», и у Бунина в поэме были любимые, перечитываемые часто места. Анна только что окончила гимназию. Она пышет юностью, задором и поражает восточной красотой. Пышные чёрные волосы, свежие, чуть припухшие губы и глаза, от которых невозможно оторвать взгляд, – чёрные, горящие, притягивающие. «Она наверное сама видит, как они светятся в темноте», – наверняка подумалось словами любимого им Л. Толстого, написавшего о глазах Анны Карениной. К тому же она была представительницей того древнего народа, с которым так много уже связано в жизни Бунина. Он почти наизусть помнил «Одиссею» Гомера.

Но нет, Бунин не влюбился так сразу в Анну. Он уже искушён был несчастной любовью и теперь взвешенно и твёрдо знает, что прежде всего ему необходимо от жизни. Он прежде всего желает сделать свою жизнь успешной и обеспеченной, и он желает писать, чтобы стать большим писателем, писать, не оглядываясь и не отвлекаясь на досадное безденежье. Приятно смотреть Анне в глаза, приятно гулять с ней по саду, но не это решило скорость брака. Просто удачно всё складывается, он нужен отцу Анны для работы в газете, а семья Цакни нужна ему для обеспечения своего благосостояния. И очень приятно, что Анна красавица и, кажется, он ей нравится. Бунин рассчитывает стать совладельцем «Южного обозрения» и пишет брату, уповая на его помощь в привлечении средств, желая и его вовлечь в работу по изданию газеты, тем более о помощи, видимо, просит сам Николай Петрович. Отец Анны, кроме того, владеет участками земли в Балаклаве и

под Одессой. Бунин рассчитывает на неплохое приданое. Несмотря на некоторые опасения, всё же есть неплохой шанс обеспечить себе безбедную жизнь. А девушка всё-таки прелестна.

Вот что он пишет брату Юлию в то время:

«...Она красавица, но девушка изумительно чистая и простая, спокойная и добрая. Это говорят все, давно знающие ее. Ей 19-й год. Прострда тоже не могу сказать, но 100 тысяч у Цакни, вероятно, есть... Она, очевидно, любит меня, и когда я вчера спросил ее, улучив минуту, согласна ли она, – она вспыхнула и прошептала "да". Должно быть, дело решенное, но еще не знаю».

В записках Бунин написал: «...Внезапно сделал вчера предложение. Вид из окон из дачи (со второго этажа). Аня играла "В убежище сада...". Ночую у них, спал на балконе...»

Предложение было принято. Бунин нравился Ане, его очень ценил отец, и ей льстило, что у неё такой красивый, молодой, талантливый и в то же время совсем взрослый жених, не чета её сверстникам. Понравился Бунин и мачехе Элеоноре Павловне. В общем, свадьба была назначена быстро.

23 сентября 1898 года в церкви на Греческом базаре Бунин обвенчался с Анной Николаевной Цакни. К этому времени Бунин переболел толстовством и не был особо чуток к официальным церковным ритуалам, приметам и обычаям, с ними связанным. После венчания он заговорился с тестем, они вдвоём вышли из церкви и вдвоём же тихонько пошли домой. Он не заметил, что молодая жена осталась где-то сзади. Это было плохой приметой.

На свадьбе разразился скандал. Произошло это не без участия мачехи, имеющей влияние на молодую Анну Цакни. Масло в огонь добавило то, что перед свадьбой невесте было сказано, будто женится Бунин на ней из-за денег. Он выскочил из-за стола, заперся в гостиной, где и провёл всю свадебную ночь. «Мачеха до рассвета о чем-то шепталась с Аней, – написала в книге «Жизнь Бунина» В. Н. Муромцева-Бунина, и дальше: – Я спрашивала Ивана Алексеевича, как это он мог уйти после венчания без жены?

– Я не придавал никакого значения этому, к тому же мы о чем-то очень интересном разговаривали с Николаем Петровичем, я и забыл, что молодожены должны возвращаться вместе...»

На следующий день молодожены уехали в свадебное путешествие в Крым. Они находились в Крыму не больше недели, это видно из письма к брату, которое Бунин написал с дороги 1 октября 1898 года, возвращаясь в Одессу: «Видишь, я – в море и ужасно доволен этим. Возвращаемся с Анной Николаевной из Крыма, уехали в субботу на прошлой неделе, были в Ялте, Гурзуфе и т.д., потом в Севастополе и Балаклаве. Тут я перезнакомился с моими новыми родственниками. В Балаклаве – хорошо, земли тут у Цакни 48 десятин, и, как рассказывает его племянник, живущий в Балаклаве, все это стоит, а будет стоить еще более дорого... Он, то есть Николай Петрович, предлагал мне переселиться в Крым и заняться хозяйством». Но всё-таки сейчас на первом месте «Южное обозрение», и Бунин первым делом должен работать в газете.

В Одессе Бунин с женой живут в семье Цакни на ул. Херсонской, благо квартира была большая и просторная. Николай Петрович уговаривал его не забирать Аню из родного дома. Незадолго до этого они потеряли сына, и дочери ему явно будет не хватать. Собственно, жить в семье Цакни было и дешевле, чем снимать собственное жильё. Жизнь налаживалась, молодожены съездили под Одессу в Краснополье, где у Н. П. Цакни был большой старинный дом и 800 десятин земли, а в конце ноября отправились в Петербург и Москву. «Бунин познакомил жену со всеми своими друзьями и знакомыми; все восхищались ее красотой».

Новый, 1899 год молодые почему-то встречали раздельно, Бунин остался в Москве с братом Юлием, а Анна Николаевна по какой-то причине одна 23 декабря уехала в Одессу.

В январе 1899 года Бунин возвращается в Одессу к жене, в семью Цакни. Квартира просторная шумная, многопосещаемая. «Стол был обильный. С тех пор Иван Алексеевич полюбил морскую рыбу, особенно кефаль по-гречески.

Цакни много выезжали, бывали на итальянской опере, артисты которой постоянно толпились в их гостеприимном доме. Элеонора Павловна принадлежала к богатой греческой семье. Бывал у них хорошенький талантливый юноша Морфесси, тот самый, который потом, в эмиграции станет известным исполнителем романсов.

Единокровный брат Анны Николаевны, Бэба, целыми днями носился по квартире с собакой». Шла шумная светская жизнь, Анна Николаевна хорошо одевалась, на выход часто надевала шляпку с вуалью. Она знала, как Бунину нравится блеск её чёрных глаз сквозь тонкий мрак вуали.

Но такая жизнь совсем не давала Бунину возможности работать, его расчёты не оправдались, и он стал тосковать по уединению, писанию. В голове постоянно сидело, что он должен писать, и невыполнение этого данного себе обязательства постепенно накапливало в нём протест к той жизни, которой он жил. С ранних лет он поставил себе задачу стать большим писателем, ничем другим он не хотел заниматься, и ничто другое его не влекло, и вот самое главное, то, что должен делать, он и не делал. Собственно, в женитьбе он искал не столько благополучной, размеренной и обеспеченной семейной жизни, сколько возможности вплотную заняться основным своим делом, не растрачивая своё время и энергию на судорожные поиски заработка и рутинную, одуряющую работу в редакциях в чтении чужих сырых материалов и написании собственных, не интересных ему статей. Анна Николаевна же нисколько не интересовалась его устремлениями и намерениями, она его совсем не понимала и как будто не собиралась понять. Она не интересовалась литературой.

Тем временем Элеонора Павловна решила создать оперный спектакль. Она была больна оперой и своей нереализовавшейся мечтой об оперной сцене. В свои репетиции вовлекла и Аню, имея определённую власть над её душой. Это очень не нравилось Бунину. Он считал, что у Анны нет достаточного голоса и должного артистического таланта, хотя не отрицал, что на

сцене красота Ани выглядит ещё более эффектно. Бунин вообще очень сдержанно относился к театру. Болезненно чувствующий любую неестественность, фальшь, он считал, что из всех искусств театр особенно заражён этими недугами, и, видимо, не хотел считаться с необходимой условностью театрального искусства. В его неприятии занятий Анны Николаевны театром, видимо, сыграли роль и неприятные ассоциации, связанные с его юношеской несчастной любовью к Варваре Пашенко. Она тоже играла на любительской сцене. Да и почти всё, что совершалось в доме семьи Цакни, вызывало в нём раздражение и досаду. Анну же глубоко возмущало его невнимание к ней и непонимание, даже торпедирование её интересов.

Весной 1899 года он на неделю-полторы убегает в Ялту, к Чехову. Здесь, на набережной, знакомится с Горьким, знакомит их Чехов.

Летом вся семья Цакни поехала в Красноселье, расположенное под Одессой. Вместе со всеми поехала и чета Буниных. Там произошла первая крупная ссора Бунина с женой. В имение приехали гости, которые не понравились Бунину, и он не смог это скрыть. Негодованием разразилась Элеонора Павловна, заявив, что Бунин никого не любит из их семьи, разве что собачку. В результате молодожёны поссорились. Бунин не мог остаться в Краснополье, он уехал в деревню к отцу. В Одессу возвратился только осенью.

В этот период отношения Бунина с Анной налаживаются, и, может быть, именно это примирение описано им в рассказе «Поздней ночью» в 1899 году, хоть Бунин и отрицал автобиографичность этого рассказа, но он отрицал и автобиографичность «Жизни Арсеньева», которая очевидна, во всяком случае ситуация рассказа похожа на переживаемую им в жизни, а героиня, хотя бы своей молодостью, похожа на Анну:

«...И в кресле у крайнего окна сидела та, которую я любил, – вся в белом, похожая на девочку, бледная и прекрасная, усталая ото всего, что мы пережили, и что так часто делало нас злыми и беспощадными врагами.

Отчего она тоже не спала в эту ночь?

Избегая глядеть на нее, я сел на окно, рядом с ней...

– Отчего ты не спишь? – услышал я робкий голос.

И то, что она первая обратилась ко мне после долгого и упорного молчания, больно и сладко кольнуло мне в сердце. Я тихо ответил:

– Не знаю... А ты?

И опять мы долго молчали. Месяц заметно опустился к крышам и уже глубоко заглядывал в нашу комнату.

– Прости! – сказал я, подходя к ней.

Она не ответила и закрыла глаза руками.

Я взял ее руки и отвел их от глаз. По щекам ее катились слезы, а брови были подняты и дрожали, как у ребенка. И я опустился у ее ног на колени, прижался к ней лицом, не сдерживая ни своих, ни ее слез.

– Но разве ты виноват? – шептала она смущенно. – Разве не я во всем виновата?

И улыбалась сквозь слезы радостной и горькой улыбкой.

А я говорил ей, что мы оба виноваты, потому что оба нарушали заповедь радости, для которой мы должны жить на земле. Мы опять любили друг друга, как могут любить только те, которые вместе страдали, вместе заблуждались, но зато вместе встречали и редкие мгновения правды. И только бледный, грустный месяц видел наше счастье...»

Между тем возобновились репетиции оперы «Жизнь за царя». Опять квартира день ото дня была полна людей, хлопали двери – «на петлях не держатся» – Бунин раздражён, он не может работать, и отношения с женой снова испортились. В декабре 1899 – январе 1900 года Бунин пишет отчаянные письма брату Юлию, которые очень иллюстрируют его состояние:

«С конца июля я нахожусь, ты знаешь, в каком состоянии, и это продолжается до сей минуты. Я скверно, стыдно и пришибленно себя чувствую. ...И до такой степени не понимать этого, то есть моего состояния, и не относиться ко мне помягче, до такой степени внутренно не уважать моей натуры, не ставить меня ни в грош, как это делает Анна Николаевна, – это

одно непоправимо, а ведь мне жить с ней век. Сказать, что она круглая дура, нельзя, но ее натура детски тупа и самоуверенна – это плод моих долгих и самых беспристрастных наблюдений. ...Беда в том, что она меня ни в грош не ценит. Мне самому трогательно вспомнить, сколько раз и как чертовски хорошо я раскрывал ей душу, полную самой хорошей нежности, – ничего не чувствует – это осиновый кол какой-то. ...Ни одного моего слова, ни одного моего мнения ни о чем – она не ставит даже в тринку. Она глуповата и неразвита, как щенок, повторяю тебе. И нет поэтому никаких надежд, что я могу развить ее бедную голову хоть сколько-нибудь, никаких надежд на другие интересы... Недели полторы тому назад поздно ночью вернулась с репетиции. Я ушел в свою комнату, Николай Петрович, который думал, что я уже сплю, пошел отворять дверь. Там он сказал Ане: "Здравствуй, профессиональная актриса". Затем произошел скандал. Он со слезами кричал, что он выгонит всю эту ораву идиотов и пошляков, что Элеонора Павловна развращает его детей, что из Бэбы выйдет идиот, что Аня ведет настолько пустую и пошлую жизнь, что ему до слез больно, что она без голоса примазалась к этой идиотской жизни и т.д. К великому моему изумлению, это не произвело на Аню особенно-го впечатления... Но главное – она беременна, уже месяц».

Бунину кажется, что Аня не просто не понимает его, но и не любит совершенно, и как будто она сказала ему, что чувств не осталось, а без чувств нельзя жить. «Вечером я расплакался до безумия... Я связывал ее... Она насилывала себя, подделываясь под мою серьезность... Чувствую ясно, что не любит меня почти ни капельки и... не понимает моей натуры и вообще гораздо пустее ее натура, чем я думал. Так что история проста, обыкновенна донельзя и грустна чрезвычайно для моей судьбы».

И опять он думает о самоубийстве, как и в ситуации с Варварой Пашенко, и опять его спасает его «демон» творчества, толкающий его к писательству, который, чуть отстранясь, тихо смотрит на его муки из его же души, наблюдая, если не экспериментируя, и тихо понимая, что

всё это пополняет писательскую копилку и потом, в будущем, очень пригодится Бунину. В повести «Митина любовь», написанной Буниным в эмиграции, явно сказался этот опыт готовности к самоубийству из-за любви. Но Митя не был писателем, поэтому убил себя.

«Ты не поверишь, – пишет он опять брату, – если бы не слабая надежда на что-то, рука бы не дрогнула убить себя. И знаю почти наверняка, что этим не здесь, так в Москве кончится. Описывать свои страдания отказываюсь, да и ни к чему. Но я погиб – это факт свершившийся... Давеча я лежал часа три в степи и рыдал и кричал, ибо большей муки, большего отчаяния, оскорбления и внезапно потерянной любви, надежды, всего, может быть, не переживал ни один человек... Подумай обо мне и помни, что умираю, что я гибну – неотразимо... Как я люблю ее, тебе не представить... Дороже у меня нет никого».

В беременности Анна стала ещё обидчивее и подолгу не разговаривала с мужем. В такой обстановке нечего было и думать о писании, ничего не клеилось. Бунин понял, что это конец, жить так дальше было невозможно. В марте 1900 года, «боясь за ее здоровье, с совершенно разбитыми нервами... после длительного, упорного молчания с ее стороны» он уезжает в Москву. В записках в 1900 году записал: «В начале марта полный разрыв. Уехал в Москву». Юлий, увидев брата, перепугался, он считал, что необходимо срочное медицинское вмешательство. По настоянию брата Бунин обращается к известному доктору по нервным болезням. Профессор Рот с тревогой осмотрел Бунина и посоветовал ехать в деревню «вести правильный образ жизни, рано ложиться, рано вставать, заниматься физическим трудом и ничего не пить». Тем не менее Бунин продолжает жить в Москве. 12 апреля уезжает в Ялту, где поселяется в гостинице «Крым».

30 августа 1900 года Анна Николаевна благополучно разродилась. У Бунина родился сын. Назвали его Николаем в честь деда – Николая Петровича Цакни. Это был единственный ребёнок Бунина, больше за всю его долгую

жизнь детей у него не случилось. В октябре Бунин приехал в Одессу. Остановился у Куровских. Судя по всему, он видел сына и встречался с Анной. Какого рода встреча произошла между ними и говорили ли они о сохранении семьи, неясно, но Вера Николаевна пишет: «Отношения с женой не улучшились. Ему стало несказанно тяжело. Анна Николаевна была самолюбива и замкнута по характеру, она чувствовала себя оскорбленной и, по-видимому, не желала даже думать о примирении».

В марте Бунин приехал в Одессу, чтобы повидаться с сыном. Он теперь постоянно будет посещать этот город. Были некоторые препятствия со стороны семьи Цакни для этих свиданий, но они были преодолены, и Бунин мог видеться с сыном. Он видел, как мальчик рос, развивался, отмечал его способности. Отношения же с женой так и не наладились. По словам Веры Николаевны, Бунин ещё в течение двух лет после разрыва отношений «надеялся на примирение», «и некоторые думали, что, может быть, если бы Анна Николаевна не была так непримирима, то они бы сошлись и наладили свою жизнь». Как-то в деревне, в размышлениях о своей жизни, у него родились стихи о сыне:

*На глазки синие, прелестные
Нисходит сумеречный хмель:
Качайте, ангелы небесные,
Все тише, тише колыбель.*

*В заре сгорели тучки вешние
И поле мирное темно;
Светите, дальние, нездешние,
Огни в открытое окно.*

*Усни, усни, дитя любимое,
Цветок, свернувший лепестки,
Лампадка, бережно хранимая
Заботой Божеской руки.*

Уже в Грассе Бунин рассказывал Г. Н. Кузнецовой, что «раз пять в году» он виделся с сыном, «в это время весь дом затворялся у себя и дышал на меня злобой». Мальчик выбегал,

бросался к нему на шею и звонко кричал: "Папа, покатай меня на трамвае!" Это казалось ему верхом счастья».

Часто Иван Алексеевич посещает Крым, в основном Ялту. Как-то в разговоре А. П. Чехов очень бережно завел разговор о его взаимоотношениях с женой, добавив, «что сын будет очень страдать от разрыва родителей». Уже в старости, вспоминая этот разговор, Бунин сказал Вере Николаевне: «Это влияние Авиловой, как я теперь понимаю, – она говорила Чехову: "Ведь непременно должны быть жертвы... Прежде всего – дети. Надо думать о жертвах, а не о себе"».

Лидия Алексеевна Авилова – ученица А. П. Чехова, она оставила воспоминания, которые И. А. Бунин очень ценил. Он считал, что Чехов очень любил Авилову и это была единственная любовь в его жизни.

Николай, сын И. А. Бунина

В ноябре 1904 года он, видимо, в последний раз видел сына. Они встретились на берегу моря, мальчику шёл уже пятый год. Был он «очень милый, не по летам развитой, всякое свидание с ним раздирало сердце. С женой он не встречался».

В январе 1905 года Бунин получил сообщение о болезни сына. Письмо написала Инна Ираклиди:

«Через полтора месяца после скарлатины Коля заболел корью. Как и скарлатина, корь была довольно легкая, но затем осложнилась воспалением сердца (эндокардит). Теперь его состояние тяжелое, о чем я считаю долгом вас известить».

В письме от 18 января 1905 года Анна Николаевна сообщила Бунину о смерти сына Коли, скончавшегося 16 января.

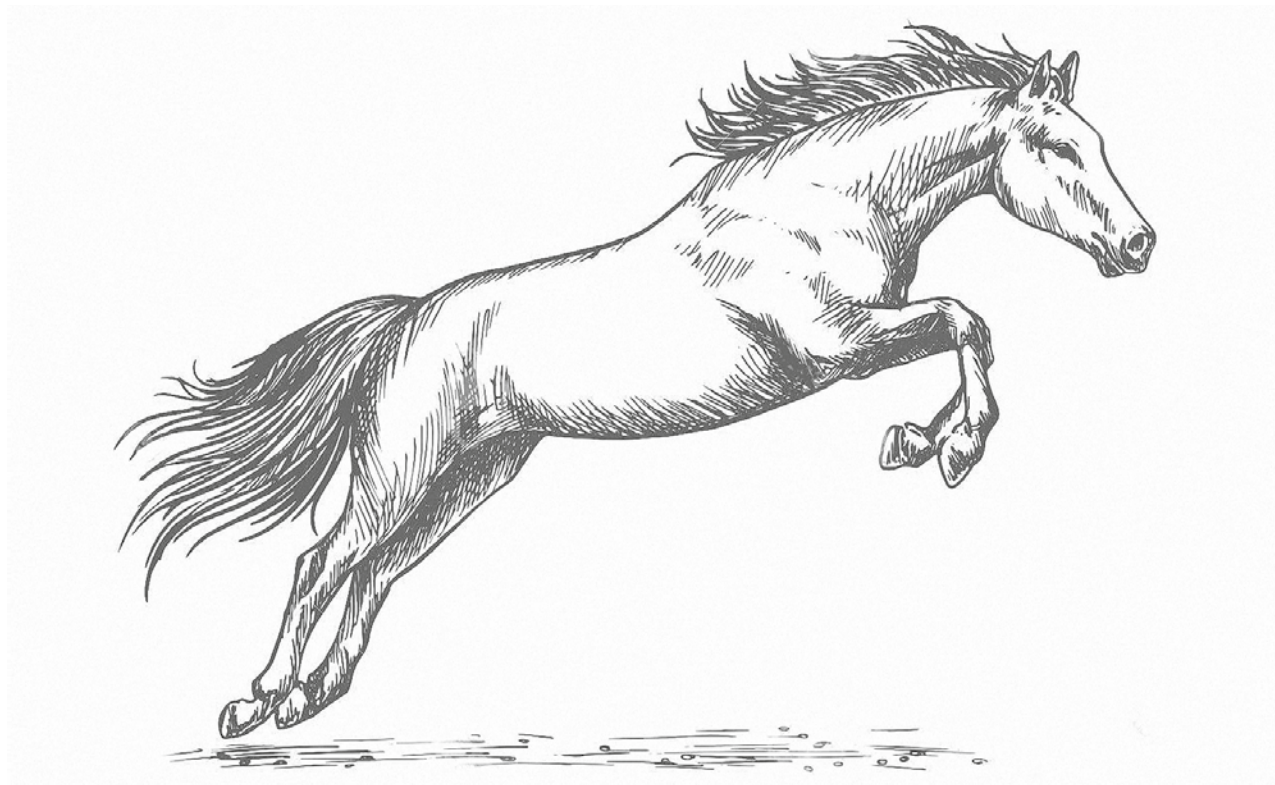
В своей книге певец Юрий Морфесси написал: «Очаровательным ребенком был сын Бунина, пяти лет, говоривший стихами. Увы, этот феноменальный мальчик угас на моих руках, безжалостно сраженный менингитом».

Смерть сына была ударом для Бунина. Он долго не мог работать, как отмечают современники, на него было страшно смотреть, горе его перевернуло, не находя себе места, он едет к отцу. Затем, по свидетельству В. Н. Муромцевой-Буниной, «он получил портреты Коли на столе и в гробу, окруженного цветами и игрушками – были среди них и его подарки. Эти фотографии разорвали ему сердце, но они с ним были до последних его дней».

В 1953 году в Париже перед смертью, когда И. А. Бунин уже не вставал с постели, на пледе у него всегда лежала последняя прижизненная фотография сына.

В записках И. А. Бунина есть фраза:

«Какой-то Одиссей, какая-то Итака... Почему, зачем вошло это в мою жизнь с детства, как и многое другое?.. И нужно же было случиться так, что моя жена была гречанка, род которой был с Итаки!»

ПОБЕДА

РАССКАЗ

Тот, кто дал этой рыжей чистокровке имя Победа, явно наворожил ей судьбу.

Эта длинноногая кобылка, когда не скакала галопом, двигалась точно балерина, как на цыпочках. Ну а когда скакала, это было тоже красиво, только о красоте никто не задумывался, потому что она всегда побеждала.

Вы скажете: а как же в тот раз, в её самую первую скачку?

Ну, это не в счёт, виноват был глупый мальчишка, чёрт-те с какой радости сверзившийся посреди дистанции.

Взбрыкнула, говорите? Ну и что – взбрыкнула... Не на ишаке ведь едешь, на чистокровной лошади!

К тому же в тот раз Победа всё равно пришла первой, хоть и без всадника, хоть и с седлом, сползшим на брюхо. А то, что в призы не попала... Так ведь победа – не всегда приз. В

этой жизни часто получают призы не те, кто приходит первыми.

Это я так, к слову... Рассказываю-то я не о победах вообще, а об одной, четвероногой. Рыжая выступала в гладких скачках. Затем – в барьерных и стипль-чезах. И всегда побеждала, хоть её тренер и не любил работать с кобылами. В семь лет её решили вернуть на конезавод, но два года спустя привезли обратно... Такая уж была лошадь – её Господь Бог создал не для того, чтобы жеребят рожать, а для того, чтобы призы выигрывать.

Победу передали в конкурную секцию, всё же девять лет для скаковой лошади – возраст пенсионный, а вот прыгала она хорошо.

И вот тут-то начались её подвиги. Вовсе не из тех, за какие лошадь хвалят.

Во-первых, не иначе как в заводе, научилась она задвижку на дверях открывать.

И повадилась выходить по ночам в конюшенный проход, жеребцов дразнить. Подойдёт, станет этак картинно, да ещё свой хвост откинёт. А жеребцы за решётками в своих денниках бьются, на пену исходят, и поутру какой там конкур – они даже на овёс не могут смотреть!

Во-вторых, прыгала-то Победа хорошо, только вот не дай бог ей помешать... Как и все лошади, пришедшие со скачек, на препятствие она неслась так, что у всадника со страху сердце в сапоги проваливалось. Но сидеть надо было смирно, ведь по-пробуешь сократить галоп хоть немножечко – и Победа резко останавливалась, давала вертикальную «свечу» – и валилась назад. И тут успел всадник вовремя спрыгнуть в сторону – хорошо, а нет – извини...

Что показательно, после такой подлой штуки Победа на конюшню не бежала, оставалась на поле и прыгала препятствия сама, какие ей нравились.

Как-то раз решил один показать ей, кто тут мастер по конному спорту, а кто – просто кобыла рыжая. Мартингал надел, голову ей прямо к груди пригнул, чтобы на дыбы не встала...

Полчаса они сражались, и, если по-честному, то никто не победил. Мастер ногу себе сломал, а Победа стойкой от препятствия глаз повредила. Да так повредила, что бельмо появилось и, как ни лечили, на весь глаз разрослось.

С тех пор с Победой уже никто не боролся, и привезла она не один первый разряд мальчишкам и девчонкам поотчаянней. Тут секрет был в том, чтобы вовремя с поля уехать, не позволить ей лишнее препятствие прыгнуть. То есть, не будь этой придури, мирового бы класса лошадь была. А так – на какие соревнования повезёшь кобылу, которая сама решает, где будет финиш?

Годы шли, Победе исполнилось двадцать, морда у неё поседела, она совсем перестала тело держать, сколько ни ела – худая ходила. И решил директор ипподрома отдать её вроде как на пенсию в пригородный совхоз.

Ещё на ипподроме запрягли её пару раз в бричку – Победа не возражала, просто вначале немного удивилась и всё оборачивалась посмотреть, что же такое за ней ходит и не отстаёт. Всё же чистокровные лошади не для того, чтобы телегу возить.

А через неделю пришла за Победой машина.

Мальчишка, который с Победой работал, ходил всю эту неделю насупленный и разговаривал только матом. Слышали, он вроде бы даже плакал в деннике, но точно ли плакал – об этом знала только рыжая кобыла...

Да, увезли Победу.

А через неделю вернули обратно.

История жизни Победы в совхозе разлетелась по всему ипподрому, и пересказывали её с особым смаком – мол, знай наших.

Людмила ПИВЕНЬ

Родилась в 1973 году. Журналист, прозаик. Член Союза писателей России. С десяти лет пишет и с четырнадцать публикуется. Автор пяти книг прозы, в том числе романа «Ферма кентавров», ставшего лауреатом международного конкурса в Гамбурге. Обладатель Гран-при Международного литературного фестиваля «Альгамбра-2001», лауреат премии им. Л. Н. Толстого. Её рассказы и повести не раз удостаивались различных литературных премий. Публиковалась в толстых журналах России, Украины, Крыма, Севастополя. Редактор литературно-исторического альманаха «Севастополь».

Оказалось, старая лошадь выглядела такой кроткой, что её в первый же день определили возить молоко с дальней фермы.

И выехали они в путь – Победа, запряжённая в телегу, телега с пятью большими бидонами молока, возчик дядя Ваня и тётя Маня, попросившаяся в телегу, чтобы пешком до села не идти. Рассказывали, что и в телеге двигалась Победа, как балерина, – но за это поручиться нельзя, может, и врут люди...

Так вот, шла себе Победа, телегу исправно тащила, одним ухом слушала, как жаворонок щебечет над полем, а другим – как дядя Ваня тёте Мане байки травит.

И ни дядя Ваня, ни тётя Маня, ни тем более жаворонок не обратили внимания, когда именно Победины рыжие уши, развёрнутые раковинами в разные стороны, вдруг приняли положение часовых стрелок, показывающих полдень.

А дорога круто поворачивала, и на поле вдали заблестела водой оросительная канава.

Что было Победе до той дороги? Она знала только дорожку ипподрома и конкурное поле.

Канава с водой – понятное дело, препятствие.

А Победа уже целую неделю не прыгала!

Думаю, что вот тут-то вначале она точно затанцевала в оглоблях – а просто ли взять старт очень пожилой лошади, запряжённой в телегу с тяжёлыми бидонами и увесистыми людьми?

Но Победа стартовала хорошо.

Этого первого рывка не выдержала тётя Маня, решив спрыгнуть – от греха подальше.

Дядя Ваня честно кричал: «Тпру!» – и натягивал вожжи.

Может, Победа и хотела тут встать на дыбы, да телега-то сзади накатывала. И ещё, наверное, не хотела кобыла портить себе удовольствие, ведь любой дурак знает, что открытое водное препятствие лучше всего преодолевать с широкого, настильного галопа.

Дядя Ваня спрыгнул с телеги за пять метров до канавы.

Бидоны покатались во время прыжка.

Дольше всего держалась телега.

Победа и телега прыгнули через одну канаву, потом через следующую, потом – через куст, потом повторили маршрут в обратном порядке – тут, правда, у телеги стало что-то отваливаться...

Окончательно телега и Победа расстались на ферме.

Победа легко прыгнула через забор, а телега – нет, телега на заборе повисла.

Рыжая кобыла ворвалась в коровник, грохоча оглоблями, волочившимися по земле, и дико кося по сторонам здоровым глазом.

Хоть ни тётя Маня, ни дядя Ваня не пострадали, к сумасшедшей лошади долго никто подойти не решался. А когда увидели, как она, сама избавившись от остатков хомута и оглобель, в полное своё удовольствие прыгает через изгороди – то позвонили на ипподром и слёзно попросили забрать это чудовище.

И Победа вернулась на родную конюшню, на радость тому самому мальчишке, имя которого сейчас уже не припомнить.

И прожила она ещё долго, дразня жеребцов и прыгая по маршрутам, хоть чем дальше, тем ниже становились препятствия.

И умерла Победа той смертью, которую желают себе многие люди. Мирно заснула на свежей соломе в деннике, да так и не проснулась.

Тот самый мальчишка, который давно уже вырос, пригнал откуда-то экскаватор и выкопал могилу у ипподромной ограды – так, чтобы лошадь туда поместилась стоя.

А потом, полгода спустя, установил на могиле памятник. И чтобы никто не забыл, написал золотыми буквами крупно: «ПОБЕДА». И внизу её нарисовал.

Скажу честно, та нарисованная лошадь не очень походила на Победу, ведь как мальчишка не стал спортсменом, так не стал он и художником, он на стройке работал. Но видно было, что лошадь чистокровная, длинноногая и стоит будто балерина – на носочках, готовая то ли скакать, то ли лететь...

Николай ЯРКО

Родился в 1947 году. Поэт, член Союза писателей России. Филолог. Много лет работал преподавателем русской словесности в севастопольской гимназии № 1 им. А. С. Пушкина. Печатался в «Антологии стихов о Крыме» (2000), «Крым в русской поэзии», в литературно-историческом альманахе «Севастополь», альманахе «Чайка», в коллективных сборниках разных лет. Премией им. Л. Н. Толстого награждён за книгу «Благослови труды мои и дни» (2009). Автор 10 сборников стихов.

* * *

Благодаренье Богу – дождь идёт.
Благодаренье Богу – солнце светит.
Благодаренье Богу – дует ветер.
Благодаренье Богу – хлеб растёт.

Благодаренье Богу – ты со мной.
Благодаренье Богу – я с тобою.
Благодаренье Богу – летний зной
Сменяется дождливою зимою.

Благодаренье Богу – глуше гул
Бегущих дней и звёзды над порогом,
А главное, за то, что я могу
Благодарить, – благодаренье Богу.

* * *

Спаси и помилуй и Томи, и Сашу,
И тополь, и дом, и звезду в небеси,
И город любимый, и Родину нашу,
Какую ни есть, сохрани и спаси.

Спаси и помилуй и ближних, и дальних,
Родных, и друзей, и дорогу, и дни.
Я всё понимаю: нельзя без страданий –
Но всё же помилуй, спаси, сохрани.

Спаси и великих, и злых, и недужных,
И тех, кого любят, не ждут и винят.
А мне, Боже мой, ничего и не нужно,
Спасибо за то, что Ты есть у меня.

* * *

Пройдёмся Большою Морскою,
Совсем не такую большой.
Осенней пройдемся порою,
Весенней пройдемся порой.

Пройдёмся от моря до храма,
От храма до моря дойдём,
Запьём газировкою драмы,
Оставим дела на потом.

Мой милый, не стоит о бренном.
Как жарко и ветрено днём!
Мы рады большим переменам,
И ладно, и хватит, пойдём.

Ей-богу, не стоит пугаться
Ни снов, ни пророков, ни слов.
Как радостен запах акаций,
И вечер какой, и любовь.

Как сладко и больно на свете!
И ветер, и ветер какой!
Созвездья, соцветья, столетья
Над нашей Большою Морскою.

И даже пред вечным покоем,
Когда мы заслужим покой,
Пройдёмся Большою Морскою,
Совсем не такую большой.

* * *

Синели небеса, я подходил к парому.
Опять ни ветерка, ни радости с утра.
Но кто-то мне сказал: «Всё будет по-другому,
Когда спадёт жара, когда спадёт жара».

Гудок взревел и сник. Я погрузился в дрему.
Мне снился душный день, и Лысая гора,
И шум седых маслин... Всё будет по-другому,
Когда спадёт жара, когда спадёт жара.

Мой друг потратил жизнь, бродя от дома
к дому.

Опомниться ему пора и не пора.
Но что такое жизнь? Всё будет по-другому,
Когда спадёт жара, когда спадёт жара.

Ни времени, ни сил, и всё давно знакомо:
И летних дней лафа, и завтра – как вчера.
Прощай, моя печаль! Всё будет по-другому,
Когда спадёт жара, когда спадёт жара.

АВГУСТ ДЕСЯТОГО ГОДА

Лёгкость. Прохлада. Свобода.
Лодка скользит по пруду.
Август десятого года,
Яблоки в мокром саду.

Лёгкость. Свобода. Прохлада.
Лодка. Дощатый причал.
Мама читает балладу,
Тени бегут по плечам.

Плачет твоя однолетка:
«Нянюшка, дождик, укрой!»
А из разбитой коленки
Каплет дворянская кровь.

Тучек лиловая стая
Словно недобрая весть.
«Вырастешь, Саша, узнаешь!»
Вырастет, только не здесь.

Кони. Погони. Рябины.
Ветер. И свечи впотьмах.

Жёсткое слово «чужбина»
Хрустнет песком на зубах.

И под любым небосводом,
Всюду: в раю и аду –
Август десятого года,
Яблоки в мокром саду.

* * *

Две весны, как простился с мамою,
Третья ветрена и горька.
А над кладбищем те же самые,
Те же самые облака.

Та же глина, сырая, рыжая,
Те же памятники, столбы.
И всё тот же носатый выжига
Заколачивает гробы.

Здесь никто не соврёт о вечности.
Быстро вянет венок живой.
Мама, мама... погасла свечечка
Между мною и темнотой.

И словами бряцать тут нечего.
Я молчу, в темноту гляжу.
Осторожно, как мама, свечечку
Для дочурок моих держу.

Я пришёл повидаться с мамою,
Я не видел её века.
А над кладбищем те же самые,
Те же самые облака.

* * *

Ю. Макееву

Я помню декабрь далёкий,
Дорога, теплынь, ветерок,
И друг, молодой, синеокий,
Колдует над заматью строк.

Вокзал допотопный, как мамонт,
И девушки машут вослед.
Нас ждут в Севастополе мамы,
Которых давно уже нет.

И друг уже на небе с ними,
И я не такой, как тогда,
Но день тот никто не отнимет,
Мы юные там навсегда.

И радость трепещет сквозная,
Беспечно и сладко в груди.
И всё мы шагаем, шагаем,
И целая жизнь впереди.

* * *

В янтаре сентября мы уже не состаримся.
Ни слова, ни листва там вовек не сгорят.
Всё на свете пройдёт, только мы и останемся
В янтаре сентября,
В янтаре сентября.

Возвращается всё на круги невозвратные.
Все придут и уйдут. Отгорят. Отцарят.
Но останутся дни – нет! – часы незакатные
В янтаре сентября,
В янтаре сентября.

Снова ночью занюют дожди безутешные.
Совершится – увы! – ежегодный обряд.
Всё на свете пройдёт, но останемся те же мы
В янтаре сентября,
В янтаре сентября.

Глухо вскрикнет беда, и пути затуманятся,
И растают надежды, и дверь затворят.
Но Господь нас спасёт. Мы навеки останемся
В янтаре сентября,
В янтаре сентября.

* * *

Мне сегодня приснилась дорога,
В белом платье, с зелёной косой.
Она снилась, спускаясь полого,
Исчезая за синей горой.

И по этой дороге пустынной
Шли, порою теряясь во мгле,
Старый друг с молодым моим сыном,
Мама, бабушка в платье старинном –
Те, кого уже нет на земле.

* * *

Какую жизнь мне Бог послал!
Любовь в ней да совет.
Та, о которой я мечтал,
Со мною тыщу лет.

Какую жизнь мне Бог послал!
И тихий-тихий свет,
И Слово, полное тепла,
Со мною тыщу лет.

Какую жизнь мне Бог послал!
Добро в ней и привет.
Друзья, которых не искал,
Со мною тыщу лет.

Прозрачно утро, вечер ал
Среди привычных дел.
Какую жизнь мне Бог послал!
Какую я хотел.

Крейсер «Михаил Кутузов», г. Новороссийск

ПРОТЕСТ ФЕЛЬДМАРШАЛА

Вот уже скоро семь лет, как со светлого дня возвращения Севастополя и Крыма домой – в Россию – не утихают споры о месте вечной стоянки крейсера «Михаил Кутузов». В качестве корабля-музея он до сих пор находится в Новороссийске, куда из Севастополя в период украинской администрации, в 2001 году, был переведён с целью сохранения для истории как корабль-памятник отечественного кораблестроения. Крейсер «Михаил Кутузов» – это мировое достижение в кораблестроении. Внесён в Реестр ЮНЕСКО. Даже с местом «прописки» в Севастополе.

По мнению широкой общественности, ветеранов флота, место крейсера-памятника с таким знаковым именем на борту исключительно в городе русской славы Севастополе. В морской крепости.

Однако уже принято окончательное решение оставить крейсер в Новороссийске.

Послушаем, что скажет по этому поводу сам фельдмаршал Кутузов, чьё имя значится на борту корабля и ко многому обязывает.

Вот, слушаем, вникаем, думаем.

Всю свою сознательную жизнь я посвятил служению Великой России. Исправно нёс службу везде, куда меня бросала судьба солдата. Я патриот России и верность ей доказал всей своей жизнью и службой. Ни разу не покривил душой. Даже на дипломатическом поприще я оставался верен своему военному и гражданскому долгу перед Родиной и немало преуспел. Вот за мои заслуги перед Россией и моё имя славится на борту боевого крейсера. Но первый восторг сейчас сменился головной болью.

Похоже, я оказался предметом *маломоральной шутки* или простого *недомыслия*. Хотя, оглядываясь на свой длительный жизненный путь, я не нахожу никакой оплошки, чтобы меня, боевого полководца, российские адмиралы направили в торговый порт. Не по-людски это. О русских адмиралах и офицерах впечатление у меня осталось другое. Сейчас моё имя на борту корабля мне стало не в радость. Больше в обиду. Я *опечален и возмущён!* К чему я там? С Новороссией меня ничто не связывает.

Я вместе с русскими полководцами и адмиралами отвоёвывал Крым, в результате чего и Севастополь как морская крепость ещё в 1783 году украсил карту Российской империи. Новороссийск же со дня своего основания в 1838 году развивался как торгово-промышленный центр Причерноморья, и такой боевой корабль, как крейсер, ни в каком статусе тут просто не уместен. В Новороссийске достаточно и своих судов и кораблей для создания музеев морской истории своего города.

Крейсер, даже без учёта фактора моего имени, это памятник истории кораблестроения России. Каждый памятник имеет своё исторически корректное место. Это и закон, и традиция. Как бы смотрелась Эйфелева башня, отжатая у французов, как и крейсер, в Новороссийске? Или «Аврора», отжатая у Санкт-Петербурга и оставленная после ремонта в Кронштадте?

В Севастополе я готов хоть прапорщиком, да хоть и кем угодно, служить матушке России. Тем более воспитывать курсантов Президентского училища на примерах из эпизодов тысячелетней истории России и её великих граждан. Принимать присягу на верность Родине и готовность к её защите на торжественном выпуске у молодых лейтенантов Севастопольского высшего военно-морского училища имени уважаемого мною Павла Степановича Нахимова. Тут даже классическая деревянная палуба погружает молодого офицера-лейтенанта в глубины истории и возбуждает гордость за русский флот и его героев, а также готовность к защите морских рубежей Родины. Тут будут набираться патриотизма не случайные туристы, как в Новороссийске, а юные моряки Детской морской флотилии и кораблей Главной базы Черноморского флота. В этом главная задача крейсера-ветерана.

Крейсер – это школа и пример морской выучки и становления моряка-защитника. Это необходимый символ морской крепости. Главной базы флота. Как флаг города или страны. Не упоминая уже о том, что крейсер от гибели и утилизации, как мне известно,

Фельдмаршал М. И. Кутузов: «Я опечален и возмущён!»

спасён исключительно благородной инициативой и усилиями севастопольцев. В силу их понимания значения этого корабля для Российского флота и для страны. Уже этого для морально ориентированного государства достаточно, чтобы вернуть крейсер в Севастополь. Но он оказался искусственно исключённым из сформировавшихся веками символов морской крепости и оставлен на вечную стоянку не в городе корабелов, не в городе морских традиций, не в морской крепости, а в обычном приморском городе Новороссийске.

Моя военная биография началась в Крыму. Тут я оставил свой след. Просвещённому взгляду это хорошо известно. И если своей службой я удостоился памятника в виде боевого корабля, то, при всём уважении к Новороссийску и его жителям, место этому памятнику только в морской крепости Севастополе, на Крымской земле.

Русские адмиралы – Ушаков, Корнилов, Нахимов – при всей своей занятости в морских баталиях и укреплении морской крепости не оставляли без доброго внимания и жителей города. Это благодаря их заботе и стараниям сооружён Владимирский собор, Усыпальница адмиралов, открыта Морская библиотека и много

чего другого, что до сих пор наполняет душу жителей города патриотизмом и гордостью за страну и за русский флот. Формирует их духовное и культурное содержание. До тридцати в голове ищу причину, почему командование Военно-морского флота пренебрегло совершенно корректными и безальтернативными доводами севастопольцев, когда оставило меня в незнакомом мне и некорректном во всех отношениях месте после возвращения Севастополя и Крыма в родную гавань. Может, просто забыли?

Меня насильно вырвали из круга моих товарищей-сподвижников, формировавших и отстаивавших, как и я, южные рубежи России, и вовлекли в совершенно несвойственную и непонятную мне сферу туризма и шоу-бизнеса. Под видом патриотического воспитания молодёжи Краснодарской губернии. Это лицемерие особенно нетерпимо. От ошибок и просчётов никто не застрахован. Но тут, похоже, если и не злой умысел, то факт явного недопонимания ответственности перед Историей и значения предметных символов в вопросах сохранения исторических объектов и памятных мест, в воспитании и формировании патриота.

Имя на борту обязывает. По моему разумению, отношение к кораблю должно соответствовать его имени. Это вопрос культуры и морали.

Севастополь – это не только памятное во всех отношениях место. Севастополь – это духовный стержень нации. Такая ситуация с крейсером не только ослабляет этот стержень, но и деформирует... Тут или простая оплошка, или какие-то недоступные для моего понимания подпалубные игры.

Простите. Не хотел никого обидеть. Не удержался. Вопрос выше обид. Я не хочу и не могу быть судьёй в этом щекотливом вопросе. Я лишь высказал свою гражданскую позицию и своё понимание

вопроса культуры и ответственности государственных людей.

Сейчас благодаря мудрости и государственной ответственности русского президента и выбору жителей полуострова Крым и Севастополь вернулись домой, в родную гавань. Но убережённый севастопольцами исторический крейсер в свою гавань так и не вернулся. Тут, на моё разумение, немаловажно и другое. Пока крейсер не будет возвращён в южный форпост России город Севастополь, Крымская кампания не завершена. Точка не поставлена. Город и крепость не восстановили своего исторического облика и предметного содержания. Крым возвратился домой, но не весь. Крейсер «Михаил Кутузов» – его неотъемлемая часть. Это я говорю как солдат, взявший не одно укрепление. Но тут получается сложнее. Даже я в растерянности.

Севастополь со дня своего основания – это город корабелов, город крейсеров. Единственный и последний классический артиллерийский крейсер – это символ эпохи корабельной артиллерии, историческое культурное наследие Главной базы Черноморского флота, где он прослужил полвека, это символ морской крепости. И это не всё. Это ещё и символ великой морской державы. Вот вам, мило-

Памятный знак А. С. Пушкину

стивые государи, и вопрос. Где его место? Где должен находиться этот **главный символ Военно-морского флота и великой морской державы?** Тут даже рядовой солдат-первогодок скажет: в исторической морской крепости! В Севастополе! Независимо ни от каких сложностей и проблем! Тем более что и спасли его, как мне известно, севастопольцы. И они оказались вульгарно обманутыми. Или моральный фактор уже отменён?

Крейсер же под надуманными предложениями, которые даже неудобно привести, удерживается в торговом порту. Ни одного весомого довода в оправдание оставления крейсера в Новороссийске я не вижу.

Не менее удивило меня и другое. Неужели среди российского **адмиралитета** не нашлось никого, кто бы отважился занять гражданскую позицию и отстоять свой правый взгляд на ситуацию с крейсером?

Не пропитался духом города и его героической истории и ни один из градоначальников Севастополя.

В морских вопросах я не очень сведущ, но даже одного глаза мне хватает, чтобы разглядеть бесцеремонное обращение с признанным всем миром кораблём боевой славы.

Кроме уже сказанного, ещё отвлеку вас, милостивые государи, и замечу, что **великая морская держава**, покорившая все океаны мира, проложившая Северный морской путь, страна морских героев, не имеет своего символа морской славы. Этим символом может служить только исторический крейсер, а тем более с моим именем на борту.

Не примите это за тщеславие. Если я этой чести не заслужил, замените имя на борту крейсера историческими именами великих адмиралов и героев морских сражений: Ушакова, Лазарева, Истомина, Нахимова, Казарского. Они это заслужили. Я не останусь в обиде. К большому сожалению, великая морская держава именных кораблей такого ранга, как крейсер «Михаил Кутузов», более чем за трёхсотлетнюю историю своего военно-морского флота не сохранила. Остался лишь спасённый севастопольскими ветеранами классический

Владимир СТЕФАНОВСКИЙ

Капитан 2-го ранга. Подводник. 80 000 миль под водой. Журналист, писатель. Организатор и руководитель Похода памяти по местам морских сражений русского флота в честь его 300-летия (1996). Организатор Похода памяти по местам русского рассеяния в связи с 90-летием русского исхода (2010).

Автор и создатель памятного знака А. С. Пушкину в районе Свято-Георгиевского монастыря, где в 1820 году останавливался поэт.

Председатель Морского собрания. Склонил флаг Морского собрания почти на всех русских погодах за рубежом.

Член-корреспондент Российской академии наук и искусств.

Автор ряда инициатив в области формирования национального самосознания и культурного возрождения.

Член Союза писателей России. Лауреат премии им. Л. Н. Толстого.

артиллерийский крейсер, который независимо ни от чего необходимо сохранить и в статусе символа великой морской державы установить в исторически корректном месте – городе русской славы Севастополе.

Уверен, что моё мнение будет принято во внимание государевыми людьми и боевой исторический крейсер займёт своё корректное место вечной стоянки в морской крепости.

Крейсер «Михаил Кутузов» – это кроме символа великой морской державы ещё и морской флагман её истории, как и сам город Севастополь. Вне города русской славы флагман русского флота так и останется на задворках истории. Не по-людски это. Я за

многолетнюю службу претерпел много невзгод. Но с этим я смириться не могу. Обращусь к общественности, даже к самому государю, ну, по-вашему, президенту, но свою дальнейшую службу вне морской крепости, вне города русской славы представить не могу.

Севастополь уже украшен памятником его основательнице Екатерине Великой; в Доме офицеров открыт даже Екатерининский зал. И мне в её компании в Севастополе будет уютнее. Мы вместе служили России. Установленный на вечную стоянку в морской крепости крейсер «Михаил Кутузов» будет ещё и фактом благодарной памяти и признательности моряков-черноморцев и всех россиян основателю русского флота императору Петру Великому.

Я до сих пор на службе. Служу пособием по воспитанию патриотизма и ответственности. Примером служения Родине. Только, чтобы надо мной никто не потешался, необходимо поменять место службы. Не хочу умирать в торговом порту. Прошу перевести меня в Севастополь.

Это поднимет дух и моряков-черноморцев, воспитанных на культуре и ответственности своих героев и жителей города. Подтвердит его статус морской крепости.

А тут, в Новороссийске, вместо воспитателя патриотизма на традициях города русской славы Севастополя я, обветшалый и потрепанный жизнью, ублажаю прохожих и туристов. Отвечаю на удивлённый вопрос, откуда я тут взялся. Чтобы не ставить в неловкое положение высоких чиновников, которые меня тут оставили, говорю, что сам захотел. Хотя это не так. Меня тут удерживают прочными швартовными концами и головой малоответственных государевых людей. Я не дознаватель, истинных причин, почему меня тут оставили, не знаю, могу лишь догадываться. Да это и неважно – по недопониманию или из других побуждений. Важно лишь то, что тут я чужой. По моему призванию и статусу место для меня лишь в исторической морской крепости. В Крыму, который я вместе с русскими генералами и адмиралами отвоёвывал для России. Сейчас я,

не знаю за что, вроде как в очередной опале. Но я это перетерплю, только вот головной боли мне как патриоту придаёт лишь то, что моё тут нахождение не красит государство. Разрушает культурный облик страны, выхолащивает дух города русской славы и морской крепости, деморализует и разлагает общество. Это несовместимо ни с моим призванием, ни со статусом. Для торгово-промышленного рядового приморского города боевой крейсер с моим именем на борту в торговом порту – это медаль с чужой груди, чужая награда. Новоросийцы этим гордятся. Я уже стал тут даже визитной карточкой, символом города. Новоросийцы, правда, тут ни при чём. Это монетизированное и коммерциализированное сознание чиновников. Это заведомый ущерб государству. Его имиджу и истории.

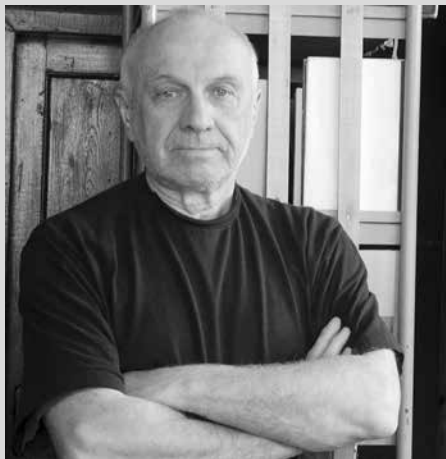
А сейчас, милостивые государи, вам вопрос: можно ли этим гордиться? Можно ли на этом примере воспитывать патриота?

Можно не отвечать. Но у вас уже настолько коммерциализируется сознание, что в повседневном обороте уже угнездились такие слова, что и выговорить трудно: «мошенники», «взятки», «отжим», «монетизация». И, похоже, крейсер с моим именем на борту оказался в этом малонравственном обороте. Его, с молчаливого согласия, а может, и при участии государевых служивых людей, если говорить по-вашему, просто отжали у города русской славы Севастополя и оставили в торговом порту, вовлекая в подпалубные игры и сферу шоу-бизнеса. Простите, может, я и погорячился, но думаю, что в этом государевы люди разберутся и я продолжу свою службу в привычной мне исторической крепости в Севастополе.

С неременным уважением ко всем россиянам и пожеланием успехов в нашем общем деле служения великой России,

ваш Михайло Кутузов

Выслушал фельдмаршала
и сам рассказывал
член Союза журналистов России
В. В. Стефановский,
Морское собрание г. Севастополя

Виктор ЛАНОВЕНКО

Виктор Александрович Лановенко родился в Севастополе в 1945 году. Прозаик, автор восьми книг прозы. Драматург, автор более чем 10 пьес. Одна из пьес шесть лет была в репертуаре городского театра в Петропавловске-Камчатском. Пьеса «Клубок» вошла в сборник лучших пьес Европы в Вене. Печатался в литературных журналах России («Дальний Восток», «Нева» и др.), Крыма, Севастополя. Член Союза писателей России. Лауреат литературной премии им. Л. Н. Толстого.

СОУЧАСТИЕ

РАССКАЗ

Мой дед, Яков Селивёрстович, был родом из полтавских разночинцев. В 1915 году он попал на Балтийский флот, где вскоре научился вязать выбленочный узел и сделался старшиной шкиперской команды. Революционный шторм застал деда на палубе эскадренного миноносца «Меркурий». Центробежная сила отрывала людей с насиженных мест и уносила в небытие. Нужно было делать выбор: с кем ты? С революцией, которую не понимаешь и боишься? Или с господами офицерами, перед которыми заискиваешь и которых тайно ненавидишь? Практическая сметка подсказала, где искать собственную выгоду. Дед шагнул в революцию, как бросился за борт.

Пока Яков осваивает морские узлы, в Орловской губернии подрастает моя бабушка Катя. Она читает повести Боборыкина и рассказы Чехова, находя последнего душкой. Её папаша управляет мещерековским имением, а матушка, немка Эльза Карловна, даёт уроки музыки хозяйским дочерям.

Юная Катенька ещё не ведает, что через несколько лет отправится в южный город Севастополь, где встретит усатого матросика с цепким взглядом. Да, это будет мой дед. Его

перебросят с Балтики в Севастополь для прививки революционного зуда личному составу Черноморского флота. Там они и сойдутся, Яков и Екатерина, на углу Большой Морской и Соборного спуска, как раз напротив Покровского собора.

Я лихо проношусь на тридцать пять лет вперёд, изымая из прошлого половину человеческой жизни. На улице 1952 год. Мне уже семь лет. Я участник истории. И что же я вижу?

Моя бабушка Катя была запойной пьяницей. Стоило ей опрокинуть рюмочку на Пасху, как тут же открывался запретный клапан, и всепоглощающая страсть к вину превращала бабушку в кабацкую теребень. Спустя несколько дней чарующая полнота улетучивалась, кожа становилась дряблой, а лицо наливалось коричневым отёком. Голубые бабушкины глаза закисло мутью, а невидящий взгляд не мог обмануть никого – перед вами хроник. Дед запырал калитку и начинал лупцевать бабушку. Синяки на коричневом лице были почти незаметны.

Наступал день, когда бабушка исчезала из дома. Она забиралась по стволу уксусного дерева на черепичную крышу сарая, карабка-

лась по отвесной стене, цепляясь за косички чабреца, и оказывалась на ярусе верхней улицы. Бывало, дед запирали ворота, забивал гвоздями оконные рамы, обматывал деревья колючей проволокой. Но бабушка всё равно исчезала. Наверное, она вылетала в трубу летней кухни.

В наш дом неслись горячие сводки. Бабушку видели в шашлычной за Бунькиной рощей – моряки с крейсера «Молотов» угощали её пивом с водкой. Дед бросался в запеленгованное место, но оказывалось, что моряков забрал флотский патруль, а бабушка испарилась. Несколько человек видели её на «хитром» базаре, где она помогала пиндосу Мишке продавать кефаль. Другие уверяли, что в 14:00 бабушка просила милостыню на перроне железнодорожного вокзала.

В конце концов мы находили её на Корабельной стороне, в бурьяне, за южной проходной Морзавода. Она дышала, но жизни в ней практически не было. Дед привозил бабушку домой и купал в цинковой лоханке. Пока бабушка отмокала, дед сжигал зловонные тряпки. Потом надевал на бабушку ночную сорочку, хрустящую от крахмала, и укладывал измождённое тельце на перину.

Дед отпаивал бабушку куриными бульонами. Но стоило ей один раз самостоятельно выйти в уборную, как он тотчас приковывал бабушку цепью к кровати. И начинал поколачивать. Сначала осторожно, но по мере того, как бабушка набирала вес, дед бил её всё жёстче и обстоятельней. Он приходил в её спальню, садился на венский стульчик и искал раскаяние в бабушкиных глазах. Потом снимал со стены кнут и задирали ночную рубашку. Кричать ей запрещалось, и бабушка научилась душить свои вопли в подушке. После экзекуции дед смазывал рубцы йодом и укрывал бабушку зелёной попонкой.

Моя насквозь христианская бабушка записала в свою тетрадь для кулинарных рецептов сунну пророка Мухаммеда: «Не станет Аллах возлагать на душу ничего, кроме посильного для неё. Ей – то, что она приобретёт, и против неё то, что она приобретёт».

Иногда в период кнутотерапии бабушке удавалось отворить цепной замок. Тогда вместе

с ней исчезали комплекты постельного белья, посуда и чугунные статуэтки собак – гордость дедовской коллекции.

После вторичных побегов бабушки дед садился в плетёное кресло и проводил в нём целые дни, сжимая пальцами колени.

Возможно, он думал о том времени, про которое я хотел умолчать, не будучи непосредственным его наблюдателем. Но теперь вижу, придётся очертить его лёгким контуром.

После демобилизации деда назначили на работу в советский банк. Он был чем-то вроде комиссара при коммерческом директоре. Большевистская убеждённость, скроенная на скорую руку, расползётся по швам, едва забрезжит возможность пожировать у государственного корыта. Попробовал – получилось. И понеслось! Дружеские попойки, надушенные конторские дамы, цветы, шампанское, весёлые шлюхи в ресторане «Приморский», казённая «эмка», «большая» любовь на стороне. Вот оно, небо в алмазах – ночь, шуршание накрахмаленных простыней, дорогая сигара.

Деда разбудили в чужой кровати и под белы руки отконвоировали в ОГПУ. Ему повезло. Случись это двумя годами позже, стоять ему у стенки за растрату в особо крупных размерах. Но время большого террора ещё не пришло.

Дед легко откупился от тюрьмы. Впрочем, особенно удивляться не приходится, потому что взятку из рук в руки принимал его вчерашний собутыльник. Когда деда выгнали из банка на железную дорогу, он обозлился на всех и отвернулся от мира. А зло вымещал на бабушке.

В начале 50-х годов в нашем доме постоянно слонялись люди – друзья, знакомые, коллеги отца. Они курили, смеялись и спаивали бабушку. Я мог часами толкаться среди них, слушая истории, которые выбалтывались под пьяную лавочку.

Отец не рассказывал про войну, он не любил оборачиваться назад. Но я знал, что он герой. Я как будто собственными глазами вижу: вот он в шлеме, в очках в кабине своего истребителя Ла-5. Как чёрт, выскакивает из низкой облачности, ловит в перекрестье прицела «мессер» и жмёт на гашетку. Вот они в

офицерской столовой отмечают победу – второй сбитый отцом самолёт. А вот проигранный бой. «Ведомый» отсечён и завязал сражение на низких высотах. Отец уходит в поворот, но вдруг обшивку обтекателя разлетается в ломотья, разрушает фонарь кабины, и пламя охватывает самолёт. Земля поднимается стеной, летит навстречу. Горящий истребитель удаётся выровнять элеронами и горизонтальными рулями высоты. Но загоревшийся комбинезон успевает оплавить грудь и шею. К счастью, болевой шок выключит сознание позже, когда отец перевернется через край кабины и рванёт кольцо парашюта. Заснеженное поле выстудит обожжённую грудь, и палочка Коха поразит отца так глубоко, что вскоре чахотка примет открытую форму.

Из госпиталя отец вернётся в Севастополь сорок четвёртого года, ещё не остывший после освобождения. И вскоре получит неожиданное назначение – он станет вторым человеком в системе строительства города. Престижнее работы в тот период не существовало. Ресурсы и деньги лились рекой. Отец стал чем-то вроде партийно-административного распорядителя. При этом он даже не подозревал о существовании такой науки, как сопромат. Но партийный билет, полученный в лётной школе, и два ордена Красной Звезды явились достаточным основанием для назначения на должность.

Отец возвращался поздно. Он приезжал на «виллисе». Худой, высоченный, с седыми волнистыми волосами. Небрежно хлопал дверью. Щёлкал зажигалкой. Американское пальто из жёлтой кожи, канадские ботинки на каучуковой подошве, трофейная рубашка с «хитрого» рынка и галстук – он был неотразим!

Однажды весной к нам постучали. Я прошёл через двор и открыл калитку. Передо мной стояла Дженни! Да, та самая Дженни из кинофильма «Тарзан».

– Мальчик, вы сдаёте комнату? – спросила она на чисто русском языке, и я быстро затряс головой: сдаём, сдаём!

Дженни звали Надей Максимовой. Её муж работал военным атташе в городе Лондоне. Зимой их отозвали в Москву, и вскоре произо-

шло ужасное недоразумение: подполковника Максимова арестовали по ложному обвинению. И он, бедный, умер во время следствия, не успев доказать свою невиновность. Она страдала. Теперь это в прошлом. Ей двадцать четыре года, она самостоятельная женщина. Надо жить, строить светлое социалистическое общество. Если хозяева не очень напуганы фактами её биографии, она хотела бы снять недорогую комнату с отдельным входом. Она имеет направление для работы в железнодорожной школе, будет преподавать иностранный язык.

– Мы согласны, – сказал я. Дед взял меня за бретельку майки и вышвырнул за порог.

С этого дня Надя Максимова поселилась у нас.

С её появлением в дом зачастили те, кто раньше обходил его стороной. Напористее других был Василий Михеев. Он копировал пение щеглов. От его свиста настоящие птицы умолкали, смущённые собственным вокальным несовершенством. Михеев каждый вечер являлся в наш дом и играл с дедом в карты. Они сидели во дворе за столом. Василий то и дело поглядывал на окна Надиной комнаты, надеясь за белыми занавесками поймать её силуэт. Иногда Надя выходила с английской книжкой в руке. И тогда Михеев заливался щегольим пением. Ему хотелось понравиться. Однако Надя не понимала, для чего нужно свистеть, перебивая настоящих птиц. Она не разделяла моих восторгов по поводу михеевского таланта. Это меня огорчало, потому что Надю я полюбил всем сердцем.

Представьте: июль, Крым, полдень. Неподвижный воздух как расплавленное стекло. Знакомые силуэты, слегка деформированные, чуть вздрагивают и, кажется, вот-вот оторвутся от матери Земли и уползут вверх, в бесконечную синеву неба. В час вертикального солнца всё живое прячется в домах, под кронами акаций, в складках виноградных листьев. Тихо, тихо. Вдруг застрекочет кузнечик в сухих колосках, и вам покажется, что его стрекот расколется половину неба. Трещина побежит до самой бухты через здание панорамы на Историческом бульваре и через городской холодильник, на фаса-

де которого висит портрет Сталина размером 15 x 20 метров.

Мы с Надей, разомлевшие от жары, валяемся на кровати в тени виноградной палатки. В руках у Нади английская книга, она переводит мне историю покорения Северного полюса.

– Я хочу оказаться на их месте, – говорит Надя и откидывается на железную спинку кровати. Книга соскальзывает с её коленей. Надя поднимает руку, ловит пальцами никелированный шарик, украшающий спинку, томно потягивается. За краем блузки я вижу её небольшую грудь и розовый сосок. Мне становится ещё жарче, я тру глаза кулаком, не забывая подглядывать в разрез блузки. Мне требуется срочная прогулка. Я иду мимо деревянной бочки под водосточной трубой. Бочка до краёв наполнена вчерашним дождём. По зеркалу зелёной воды снуют водомёры, как будто чертят ломаные прямые. Я иду, полузакрыв глаза. От скалы в глубине двора, где вырублен погреб, пахнет мокрицами. Листья уксусных деревьев струят ядовитую горечь. Из сарая тянет угольной пылью. Летняя кухня наполнена ароматом жареной камбалы и кипящего белья, которое булькает в пузатой выварке. Запахи моего детства.

– Ты холодненький, – говорит Надя. – Положи мне голову на плечо.

Я касаюсь щекой её плеча, вкусного, как дыня. Бесовский запах её пота ударяет мне в голову.

– Я умру от этой жары, – шепчет Надя.

– Кто вам позволит? – На пороге стоит отец в белой рубашке, с папиросой во рту. Он подхватывает гитару, садится к нам на кровать.

А в дом до тётки Розы залетело горе...

Отец поёт дурашливым, но приятным голосом:

*Её дочурку Надю, пока она спала,
Вчера как раз похитил и уволок на море
Один вооружённый, ох, фраер из чека.*

Он поворачивается к Наде, смотрит на неё в упор своими голубыми пронзительными глазами.

*Ах, Надя, Надя, Надя, уже проходит лето.
Тебе сейчас неполных четырнадцать годков,
Но ты меня полюбишь под дулом пистолета,
И мы сыграем свадьбу до первых холодов.*

В отце помещалось множество никчёмных талантов, похожих на сор. Но эти соринки выпархивали из него, как прекрасный ёлочный серпантин.

– Поехали! – говорит отец, и мы послушно садимся в его «виллис» и мчимся через балки и холмы. Полуденной жары и вялой истомы как не бывало. Горячий воздух хлещет меня по лицу. Столбы электрической линии летят навстречу. Мы давим колёсами нежный ковыль и степные ракушки. За «виллисом» клубится пыль. Машина ныряет в Делегардову балку, и сердце моё обрывается, когда она прыгает со скалы на скалу и колёса едва находят опору. Надя вцепилась в отцовское плечо, я – в Надю. Мы визжим и обмираем. Отец сидит прямой как тополь. В его зубах – папиросо.

На казённой начальственной даче квакают лягушки. Мы с Надей плещемся в бассейне, куда ива роняет свои листья.

– Александр Яковлевич! – кричит Надя и машет отцу рукой. – Идите к нам.

Отец делает жест: обойдётесь. Надя обижается. Я хочу объяснить ей, что отцу сделали поддувание лёгких и ему нельзя в прохладную воду, но говорю, что он боится лягушек. Надя смеётся, отец прощён.

Однажды я вошёл в комнату Нади без стука, хотя она постоянно учила меня хорошим манерам. Возле окна стоял Василий Михеев и держал Надю за руку.

– Ты пойми, он прогнил насквозь. Ему жить осталось – во! – Михеев отмерил одну фалангу на мизинце. – Он ещё и тебя заразит. А я здоров как бык. Соглашайся! Заживём, детей нарожаем. У меня добра – полный дом.

– Отпустите, больно, – поморщилась Надя.

– Дура, – прошипел Михеев, – ты для него пустое место!

– Пошёл вон. Жаб!

– Что? – удивился Михеев. – Ну подожди, я тебе такое устрою, фифа!

Он бросился из комнаты и даже не заметил меня, потому что от гнева его глаза застлали два бельма.

День Военно-морского флота – самый значительный праздник в Севастополе. Люди идут на Приморский бульвар. И пока не началось представление на воде, все танцуют. Флейта флотского оркестра выводит такое чудесное верхнее «фа», что Надя не в силах устоять на месте. Она отталкивается от земли и кружится, кружится! Платье «солнце-клёш» летит по воздуху невидимое, как пропеллер. Я бегаю и размахиваю руками, мне безумно весело. Толпы людей растекаются волнами и смешиваются в пучину. Вальс закончился, последняя нота растаяла в воздухе. Надины руки обнимают плечи отца.

Неожиданно в толпе мелькают другие глаза, и жёсткий взгляд колет в самое сердце – Михеев! С этой минуты я становлюсь подобен рыбе, которая заглотила крючок, но ещё не чувствует натянутой лески.

Он пришёл возбуждённый. Лицо гадко отражало всё, что он станет сейчас говорить. Удивляюсь, как у деда хватило выдержки спросить:

– Перекинемся в картишки, Вася?

– Вчера мои хлопцы работали во вторую смену, – начал Михеев, – а когда вышли за проходную холодильника, увидели Сашку, сына твоего. Он уже был «под мухой», но в полном разумении. И вот подходит Сашка к портрету товарища Сталина и давай мочиться на него. А нижняя кромка портрета, ты знаешь, расположена в аккурат у самой земли, так Сашка норовил вождю на грудь попасть, на самую звезду Героя.

– Врёшь, – дед ещё сопротивлялся, – орден высоко, никак не достать.

– Высоко, – согласился Михеев, – но он туда целился.

Они долго и тяжело помолчали. Потом Михеев вытащил листок:

– Вот заявление и пять разборчивых подписей. Свидетели – мои сослуживцы.

– Чего ты хочешь, Вася? – устало спросил дед.

Ничего особенного он не хотел. Пусть дядя Яша сдаст Надьку. Паскуда она. Жена врага и

сама английская шпионка. Напрасно дядя Яша её приютил, ох, напрасно.

– Сам-то чего не сдашь? – поинтересовался дед.

– Мараться неохота. А ты, дядя Яша, пиши на её докладную. Или сыночка не пожалеешь за эту тварь? – Михеев истончил губы и запел щеглом. Затем добавил: – Не-а, ты пожалеешь. Ты же не Тарас Бульба.

Дед кладёт передо мной лист бумаги, исписанный его каллиграфическим почерком.

«Товарищ прокурор. Я пишу докладную записку от беспокойства за сына. Он у меня коммунист и большой начальник по строительству города. Дело в том, что с апреля месяца в моём доме квартирует гражданка Надежда Максимова. Её муж был арестован как враг народа. Он умер в Москве, во время следствия. Я утратил бдительность и пустил гражданку Максимову, а теперь прозрел. Мне кажется, что она неспроста сунулась к нам. Пытается войти в доверие к сыну, использует свою красоту как приманку. Мой внук, моя жена и я можем подтвердить, что она подробно расспрашивает сына про его работу, интересуется, где и какие объекты строятся в нашем городе. Мы были свидетелями, как она с интересом рассматривала карту шестнадцатого квартала застройки города. У неё в комнате хранится фотоаппарат и книжки на зарубежном английском языке. Прошу проверить наш сигнал. Если мы ошибаемся, то будем только рады за хорошего человека».

Боже мой! Я знал про такие случаи. Не зря в бакалейном магазине висит плакат «Не болтай! Враг подслушивает». Недавно в военной части отравили колодец. Все бойцы попали в лазарет. Хотят ослабить нашу военную мощь. Им нужно, чтобы советский солдат не стоял на часах с ружьём, а дрисстал в дизентерийной палате. А ещё был случай: в детском саду вместо сахара положили в манную кашу мышьяк. У них сердце наполнено ядом. А как маскируются! Добрые, красивые, книжки английские переводят.

– Это правда? – Я схватил деда за палец. – Скажи мне, это правда?!

Дед вздохнул:

– Да ты не психуй. Там разберутся. Проверят.

– А когда проверят?

– Скоро. Подписывай и никому ни слова.

Потом мы зашли к бабушке, которая в это время лежала прикованная цепью к кровати. Дед протянул ей бумагу. Бабушка надела очки и стала читать.

– Подписывай, – сказал дед, не глядя на неё.

– Не буду.

– Выйди, – приказал мне дед и снял кнут со стены.

Надю забрали в начале сентября, прямо с урока английского языка. В её комнате произвели обыск, забрали английские книги и фотографии, но вещи оставили.

Отец вошёл в Надину комнату и долго стоял неподвижно, как будто хотел услышать её дыхание. Потом открыл шифоньер. Среди прочих вещей там висело крепдешиновое платье «солнце-клёш». Отец бережно обнял платье ладонями и припал к нему лицом.

Спустя две недели отец продал «студебеккер» дюймовых труб за бутылку водки. Зачем он выкинул этот фортель? Воровал ли он раньше или был кристально чист, по-партийному принципиален? Не знаю. Судя по тому, с какой теплотой о нём отзывались люди, – воровал. У нас принципиальных и честных не жалуют. Они живут с неприятностями и умирают в забвении. Отец имел столько друзей и знакомых, что мог прожить две жизни, не истратив копейки. Севастополь отстраивался из руин. Всем нужны были доски, гвозди, черепица, оконное стекло. Минувя отца, к гвоздям не доберёшься. И все его любили, все искали его дружбы и расположения. Вряд ли было что-то тайное, укрытое от посторонних глаз, в его отношениях с просителями. Всё, что он делал, он делал на виду у всего города. Мне кажется, произошло следующее.

Есть такое понятие «предел текучести». За его чертой материал перестаёт сопротивляться внешним обстоятельствам. Вот и отец потёк. Он перестал подчиняться правилам игры и

сделался опасен. Спустя много лет, разбирая бумаги, я наткнулся на пожелтевшую газету «Слава Севастополя». Вот заголовок фельетона: «Почём похмелье у гусара?» Из текста следует, что мой отец, сгорая в огне вчерашней пьянки, не нашёл ничего лучшего, как «толкнуть» машину дефицитных труб с вверенной ему стройки социализма. И всего-то за пол-литра «белой головки» ценою 25 рублей 20 копеек. Коммунист липовый, сокрушается автор.

В то время, о котором идёт речь в фельетоне, отец пил исключительно самтрестовский коньяк «КВБК» и закусывал шоколадными конфетами. Я как сейчас вижу бесчисленные коробки шоколадных конфет, ловлю ноздрями их горьковатый аромат. Эти коробки, иногда без одной, двух конфет, были разбросаны по всему дому. Даже в сортире, на полке для газет, валялись «Ассорти» московской фабрики «Рот Фронт». Но вся штука в том, что в этом фельетоне на подтасованных фактах и лживых словах бесцеремонно разлеглась большая некрасивая правда.

Похмелье потянуло на пять лет заключения в исправительно-трудовой колонии. Но в итоге отцу дали три года условно и запретили занимать руководящие посты. Это был подарок судьбы. Правда, стоил он семь «кусков». И здесь я вынужден с благодарностью помянуть наше мздоимство и неистребимое взяточничество, которое пропитало общественные слои любимой Родины.

Опустел наш дом. Исчезли многочисленные друзья-товарищи отца. Мебель, ковры – всё было распродано по дешёвке, чтобы собрать деньги на взятку. Шаги в комнатах отзывались эхом.

Как-то в начале зимы отец опустил на скамеечку возле поддувала и закурил. Не успел сделать вторую затяжку, как обширный инфаркт разорвал его сердце.

В ту зиму я ходил хмурый. Мне нравилась роль скорбящего сына. Я ещё не знал, что тоска и огромное незаполненное место, которое занимал когда-то отец, поместятся во мне надолго и будут болеть, как незаживающая рана.

Дед, а затем отец, повторяя дедовскую судьбу, оказались вознесёнными на вершины,

которые им и не снились. Затем, получив пинка, они благополучно ухнули вниз, на самое дно, откуда их путь начинался. Возвратившись вниз, они оказались изгоями – выскочек не любят, успеха не прощают. Низ, по сути дела, и являлся их малой родиной. Здесь они могли состояться при другом раскладе и провести скромную, по-своему счастливую жизнь.

Когда началось моё восхождение, я уже знал о предстоящем падении. Рано или поздно я тоже шмякнусь костями о самое дно. Я знал это, но продолжал карабкаться вверх. Мне предложили войти в партийную номенклатуру. Я поспешно согласился. Стало ясно: пятно отцовской судимости с меня снято.

Возможно, из-за таких «выдающихся» партийных руководителей, каким оказался я, Советский Союз провалился, как крыша над гнилыми стропилами.

Мне не удалось скопировать судьбу деда и отца, не удалось свалиться персонально. Я грохнулся вместе со страной.

Приезжаю в Севастополь, в город, где давно не был.

На кладбище буйно разрослись кусты сирени. В их зелёной глубине утопают могилы. Я останавливаюсь на перекрёстке, смотрю в боковые переулки старого кладбища. Пусто. Безлюдно. По могильным плитам скачут воробьи. На ветке туи раскачивается ворона. Кладбище – коммунальная квартира бывших жильцов родного города, примирившихся здесь перед выходом в вечность. Вместо одиночества я чувствую тесноту, но не раздражающую, а умиротворённую, будто здешние мудрецы сообщают мне новость: жизнь не кончается после жизни.

Я с трудом нахожу отцовскую могилу. Но что это? Она прибрана. Железная пирамида памятника отливает свежим серебром, а тоненький шпиль над ней полыхает аквамарином. В пластмассовой вазе свежие чернобривы. Кто ухаживает за могилой? Времена тимуровцев

давно миновали, а монашеского патронажа – ещё не наступили. Я сажусь на бетонный окаём. Открываю бутылку коньяка и выкладываю коробку «Ассорти» фабрики «Рот Фронт». Глоток напитка обжигает гортань, но следом происходит открытие шлюзов, спокойная радость разливается широко, заполняя новые пределы.

В это время дрогнули кусты сирени, из них вышел человек с истрёпанным лицом и в кителе без погон. В нём легко угадывался кладбищенский бедолага, что кормится куском поминального пирога и рюмкой водки, оставленной покойнику.

– Здравия желаю. Поминаете? – Человек стянул с головы парусиновую кепку, и копна волос, утративших цвет, упала ему на лицо. Он опустил на горячий цоколь, бережно принял полную рюмку, взглянул на памятник.

– Не скучай, Александр Яковлевич, скоро увидимся. – Он подмигнул отцовскому портрету и выпил. – Не вижу вашей матушки. Как её здоровье?

О чём он спрашивает?

– Ты меня с кем-то путаешь, старина.

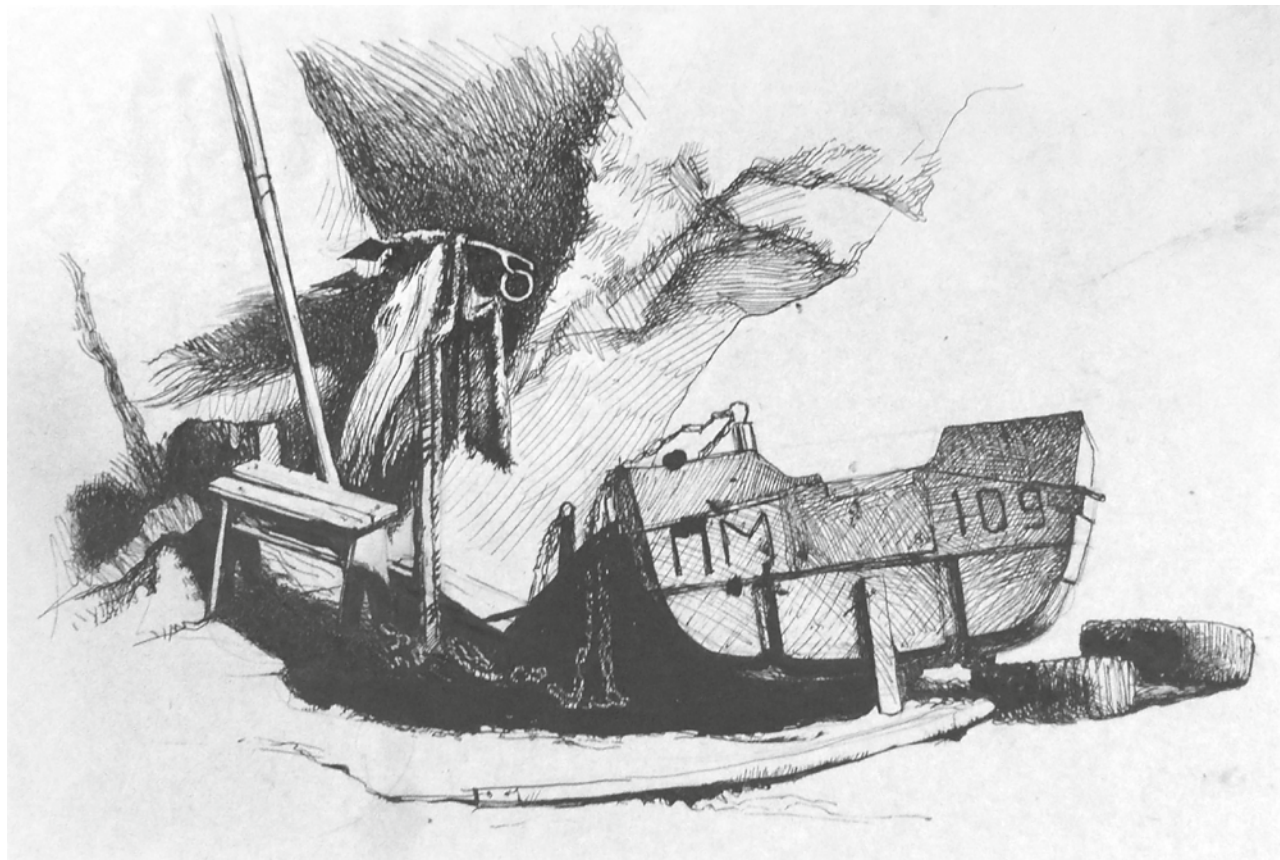
Он захлопал маленькими глазками:

– Виноват! Перепутал с вашим братиком. Вы похожи как две капли воды. Сразу видать – с одного конвейера сошли. Мы недавно с Николаем, с брательником вашим, и с вашей матушкой Надеждой Андреевной поминали тут Александра Яковлевича. А сейчас гляжу и удивляюсь: месяц прошёл, а Николаша вроде старше стал. Годочков на пять-шесть.

– На восемь, – поправил я и почувствовал, что земля уплывает из-под ног.

Вот это неожиданность: у меня, оказывается, есть младший брат. Сын моего отца. Жива и здорова сводная мать, женщина, с которой мы изнывали от жары в старом дворе, на железной кровати с никелированными шариками. И я млел от любви к ней. Да, это была моя Джейн – Надя Максимова. Первая женщина, которую я предал в этой жизни.

ПО СЛЕДАМ ЛИСТРИГОНОВ

Мне хочется обратиться ко всем, прежде всего к морякам, с требовательной просьбой – не давайте умирать поэзии кораблей. И сговоримся между собой навеки о том, чтобы не давать умирать поэзии вообще. Все люди, кто хоть раз вдохнул на рассвете родниковый воздух земли и моря, должны бороться за то, чтобы не давать умирать поэзии нашей жизни и нашей земли.

Константин Паустовский

Ветер дул не переставая всю ночь. Он завывал в снастях, а море, ночное, тёмное, молчало. Казалось, оно готовило силы для рывка, слегка вздыхая редкими пологими волнами. Но эти волны не шли ни в какое сравнение с ветром. Временами порывы чуть не сбивали нас с ног. Тент сорвало ещё в час ночи. Палатку рвало из стороны в сторону, но она упорно держалась.

Мы давно не спали. Оба стояли у кромки моря и молчали. Сыну тогда было восемь лет, мальчуган уже имел три года морского стажа. Он стоял босыми ногами в воде и изредка

оглядывался. Его глаза, всё существо, словно кричали: «Ну? Когда же? Когда?»

Я молчал. Ветер был чистый норд. Он срывался сверху, с высокой скальной гряды. И давил с такой силой, что порой яхта слегка погружалась в воду. И тут же вновь поднималась над рябью моря. Судно стояло между скалой и берегом. Утёс возвышался над водой довольно высоко. И всё лето хорошо служил нам: он защищал яхту от ветра и от волн. Но теперь всё было иначе. Ветер дул с севера. И мощная капроновая верёвка натянулась, как струна. Она

работала как страховка к якорю. Когда порывы ветра ослабевали, она провисала и погружалась в воду. Но тут же вновь натягивалась. И ветер сдувал с неё белые брызги, превращая их в солёную водную пыль.

Я подошёл к канату. Сын пошёл было за мной, но тут же остановился: он увидел мой жест и всё понял. Мы давно уже говорили на языке жестов. В море, когда дорога секунда, не до слов. Я потрогал канат рукой.

– Выдержит? – спросил сын, медленно подходя ко мне, несмотря на запрет.

– Я же сказал, не подходи, – был ответ. – Может и не выдержать, – добавил я тихо. – Как только рассветёт, надо уходить. Если канат лопнет, «Гикий» кинет на скалу.

Мы отошли чуть в сторону.

– Но волны же нет, – с надеждой сказал сын. – Если оторвёт, успеем доплыть. Заведём мотор – и в Севастополь. Ветер почти попутный.

– Так я тебя и взял. – Я посмотрел назад, на скальную гряду, в надежде, что мама с десятью литрами горючки появится раньше обычного. – На кого я тебя здесь оставляю?

В это время я не знал, что наша мама действительно всё почувствовала и шла уже по тропе и ступеням Георгиевского. Но порыв ветра сбил её с ног, она упала со ступеней на шершавый скальный откос и травмировала колено. Но тогда мы этого ещё не знали...

– Я с тобой, – чуть слышно произнёс сын. – Не в первый раз.

– Не в такую погоду, – был ответ. – К утру раздует.

– Ещё как раздует, – так же тихо сказал мальчик. – Я тут не останусь. Да и как ты один?

– И не думай. – Мы отошли от каната ещё дальше. – Замёрз?

– Есть маненько, – ответил он тихо. – Всё равно лучше вместе. Вон уже и светает. А палатку потом заберём.

Очередной порыв ветра чуть не сбил нас с ног. Крупные песчинки больно кольнули кожу. Канат натянулся и запел новым низким звуком контрабаса. И вновь затих и опустился в воду.

– Эол шутит, – я попытался улыбнуться.

Сергей КРУПНЯКОВ

Сергей Аркадьевич Крупняков, прозаик, драматург. Яхтсмен, писатель, подвижник и воспитатель. Силуэт его самодельной яхты с алыми парусами на фоне мыса Фиолент и Балаклавы сегодня стал олицетворением романтизма в наше прагматичное время. Родился в Бугульме (Татарстан). Отец Сергея, писатель Аркадий Крупняков, хорошо знаком читателям по многочисленным историческим романам, в том числе и по известному роману «У моря Русского».

В 1996 году вышел его первый роман «Амазонки», затем новый роман, продолжающий эту тему, – «Амазонки Таврийские», затем исторический роман «Амага» и другие произведения. Особую страницу творчества Сергея Крупнякова занимают детские морские рассказы. Член Союза писателей России. Пишет для взрослых и детей. Автор трёх романов в соавторстве с отцом, Аркадием Крупняковым. Детские произведения опубликованы в коллективных сборниках, журнале для детей и юношества «Алые паруса» (Симферополь), вышли в радиоэфире севастопольского радио. Повесть «По следам листригонов» опубликована на сайте «Графская пристань». Сказка С. Крупнякова «Золотое перо» вошла в сборник «Удивительные встречи» серии «Севастопольские писатели – детям». Сергей Аркадьевич Крупняков – неистребимый романтик паруса и морской старины. Свои книги он тоже пишет в открытом море, под шум волны и свист ветра в снастях.

Но сыну было не до улыбок – крупные песчинки больно кольнули лицо, всё тело.

Рассвет пришёл незаметно. Чем яснее проступали скала и судно, тем больше нарастали волны. Не маленькие «волнушки», а большие, океанские, пришедшие издалека. Они накатывались на берег, грозя своей медленной, неоценимой силой.

– Вот и раздуло, – тихо, про себя, сказал я, глядя на горизонт.

Канат вновь натянулся, как струна. Мы сжались, точно это могло помочь «Гикий». И в следующий момент конец с треском лопнул. И счастье, что по линии натяжения никто из нас не стоял: кормовая утка, за которую был закреплён канат, вырвалась из доски вместе с болтами. И, как маленький снаряд, ударилась в воду у самой кромки прибоя.

– Ждѣшь в палатке, – крикнул я сыну и кинулся в прибой. Думать было некогда. Судно, оставшееся на одном конце, медленно пошло к скале.

Я плыл, и пульсаром звучало в мозгу: «Сходни, сходни, лишь бы сходни...» Я не помнил, оставил ли я вчера сходни – лестницу – с той, не видимой с берега, стороны яхты. А это в данную минуту решало всё: успею ли, смогу ли вскарабкаться на довольно высокий борт яхты, если сходней нет?

...Сходней не было. Ну да! Я ждал «гостей» и убрал их. До скалы осталось метров десять. И волна, покатаая, тяжѣлая, высоко поднимала и опускала судно, грозя разбить его безжалостно и неизбежно.

Там, сбоку, у самой ватерлинии, был небольшой резиновый отросток, выхлопная труба. Эта ступенька помогала мне взобраться на высокий борт. Но это было в спокойном море. А сейчас назревал шторм, да и сил после рывка не было. И всё же я разогнался, вышел на полкорпуса из воды и ухватился-таки за борт! Нога сама опёрлась о выхлопную трубу. И я, ещё не веря в удачу, перевалился на палубу.

До скалы уже было рукой подать. Быстро отбросил люк дизеля и, сделав всё необходимое, крутанул тяжѣлый маховик. Стартѣра не было, и заводил я его каждый раз вручную. И,

видимо, рука сама поняла, что второй попытки не будет: удар о скалу винтом или рулѣм будет катастрофичен...

Мотор завѣлся с первой попытки. «Спасибо, Sabb, дорогой», – шепчу мысленно благодарности норвежским мастерам. Двигатель ровно задышал, осталось отвязаться от скалы. Но на это уже не было времени. Боковым зрением вижу нож. К счастью, он на месте. Взгляд на громаду скалы. Она уже затмила всё вокруг, поднимаясь и опускаясь совсем рядом, обдавая ветром и брызгами, грозя прошарпать ноздреватой, шершавой своей боковиной уязвимый бронзовый винт «Гикий».

Отпорник, нож, канат, винт, руль – всё надо было делать одновременно. Явно не прокачать! И отчаяние осушило губы, горло, грозя неминуемым срывом. Я дал малый ход, протянул руку к ножу, готовый мгновенным рывком кинуться на нос, чтобы обрезать в нужный момент канат. При этом нельзя бросить руль. А придѣтся.

Маленькая рука, невесть откуда взявшаяся, опередила меня. Она выхватила нож, и тут наши взгляды встретились.

– Резать? – В этом звонком детском отчаянном крике было всё: и страх перед громадой скалы, и страх перед гневом отца, и отчаянная попытка победить то, что, казалось, невозможно было победить.

– Режь, – более глазами, чем голосом, сказал я. И, схватив отпорник, оттолкнулся от скалы. Это спасло нас. Корма, готовая уже всем махом хрястнуть о риф, отошла. И я скорее почувствовал, чем увидел, как мы стали отходить от утѣса. И его влажное дыхание растаяло, и становилось всё тише и тише.

Лавируя между подводными камнями, я дал средний ход. И судно, как живое, по пологой дуге стало выкарабкиваться между громадой скалы и ревущим, грохочущим, орущим мириадами обкатанных камней прибоем.

Крутые, высокие, пенные волны грозили ещё одной бедой: всюду по пути таились подводные камни. И если в штиль они были не опасны и видны, то теперь всё изменилось. Огромный валун мог запросто провалить дно вместе с килем, если только неудачно окажешься над ним.

Новый порыв ветра накренил яхту. «А что было бы с парусами?» – мелькнула мысль. И всё же ветер сделал своё: «Гикия» явно не вписывалась в спасительную дугу. И рёв прибора стал ощущаться уже не взглядом, а всем моим существом. Пришлось ещё круче навалиться на штурвал. Судно послушно повернуло. Когда я понял, что нагрузка на перо руля слишком велика, было уже поздно: трос лопнул, и штурвал завертелся в руках бесполезной вертушкой.

– Папа! – крикнул сын. – Трос!

Это была катастрофа. И мальчик увидел это в моих глазах. Судно, набравшее ход, потерявшее управление, пошло прямо на подводные скалы. А волны поднимали и опускали его, и времени ни на что не было.

– Шток! – В отчаянии руки сами искали шток аварийного управления. Но его нигде не было. А яхта шла на камни. – Где... где... – только и успел вымолвить я.

И тут вновь тонкий детский голос:

– Топор!

Сын метнулся под сидушку. И в следующий момент топор уже летел мне в руки. Ещё момент – и я уже вбил топорище в патрубок аварийного управления. И, не глядя, куда идёт судно (это было уже некогда), всей силой навалился на сравнительно короткий рычаг топорища.

Яхта медленно развернулась и, вздымаясь и опускаясь между подводными скалами, пошла в море. Казалось, Посейдон в благодарность за борьбу наслал нам этот спасительный ритм волн. Над скалой волна поднялась и пронесла нас невредимыми.

– В море... в море... в море... – тонкий детский голосок повторял эти слова, как молитву. И судно пошло вокруг утёса. И вырвалось наконец на спасительную глубину.

– Хвала богам! – промолвил я, ещё не веря в спасение. И тут же попытался улыбнуться, заметив на щеках сына то ли слёзы, то ли брызги волн. Но сын не улыбнулся в ответ. Он подсел рядом на сидушку и устремил вопросительный взгляд мне прямо в глаза.

– В Севастополь?

Я долго молчал. Ветер менялся, и мне непонятно было, что же делать.

– Ветер меняется, – сказал я, глядя вверх, на топ мачты, где прямой нитью вытянулся гуйс с запада на восток. Посейдон пощадил нас, но Эол явно решил проверить нас на прочность. – Да когда ты уже надуешься! – крикнул я прямо в небеса, пытаюсь высмотреть там смешливый лик Эола.

Но в ответ я услышал ещё более жуткий свист в снастях. И самое страшное было то, что ветер всё сильнее задувал с запада. А это означало, что ни о каких парусах не могло идти и речи. Мало того, он был настолько силен, что судно едва выгребало против ветра и волны. Трудно было даже говорить. И мы молчали. Да и не до слов было: короткий рычаг отнимал всю силу.

Я вдруг сообразил, что негоже говорить с Эолом в таком тоне.

– Пощади нас, Эол... – это сын обратился к ветру.

Но Эол не унимался. И тут я вспомнил, как в один из таких дней мы уронили в воду чугунную чушку, и шторм сразу ослаб.

– Жертву требует, – сказал я тихо. – Поищи что-нибудь...

– Это сойдёт? – сын вытащил из камбуза ложку из нержавейки.

– Давай хоть это. – Я бросил ложку, и она мгновенно исчезла в зеленовато-кипящем море. – Надень жилет, – добавил я, глядя на всё увеличивающиеся волны.

– Да я же плаваю хорошо, – ответил сын, но, наткнувшись на мой красноречивый взгляд, пошёл было в рубку. И именно в этот момент новый шквал чуть не сбил его с ног. Этот же шквал сорвал с кормы надувную спасательную лодку. Она вздыбилась поперёк ветра, один крепёж не выдержал, лопнул, и лодку стало колотить из стороны в сторону. Сын не задумываясь кинулся на корму...

– Стой! – только и успел крикнуть я.

В следующий момент он подбежал к лодке, и она, как боксёрская груша, ударила его всем махом. И Саня вылетел за борт, не успев даже понять, что произошло.

Когда он открыл под водой глаза, то увидел подводную часть яхты, руль, вращающийся

винт и услышал звук медленно удаляющегося судна.

Лодка улетела в море... Руки сами бросили за борт круг, но это было бесполезно: ветер ещё в воздухе унёс его на сотню метров к югу, в сторону. «Боже...» Первый порыв был кинуться за борт. Спасти, выплыть... Я не отрываясь смотрел в море: светлая головушка мелькала меж пенных волн. Какое счастье, что какая-то сила остановила меня от прыжка... И я услышал голос с небес: «Яхта... только яхта спасёт вас...» Я кинулся к рулю и, не отрывая взгляда от мелькающей среди пенных гребней руки сына, налёг на обломок топорища, срывая в кровь руки и моля всех богов, чтобы выдержало древко. Понятно, в нём была вся наша жизнь.

«Гикия» медленно, нехотя, с трудом пошла на разворот. Преодолевая порывы ветра, гребни волн, проваливаясь и выскребая на хребтины, пошла туда, где я видел, к великому счастью, светлую голову и ручку. И в этой машущей над водой ручке было наше спасение.

Всё яснее и яснее видел я эту руку среди волн, пены и несущихся пенных гребней. И наконец я был рядом. Но это было ещё не спасение: кипящие волны, порывы ветра, течение, ненадёжный руль – всё это кидало судно из стороны в сторону. А выйти надо было точно. Кроме того, оба круга были уже далеко среди волн. О боги! Как я обрадовался связке реек, что лежала на корме! Ещё на подходе быстро обвязал связку верёвкой, убедился в надёжности обвязки и лишь тогда направил судно так, чтобы сын оказался по правую руку. Постепенно сбросил скорость и, когда пришло время, оставил руль, подбежал к борту и швырнул связку с верёвкой прямо в протянутые ручки. Сын, вовремя подплывший в нужное место, не упустил свой шанс. Он цепко ухватился за рейки и пробкой вылетел из клокочущих бурунов.

Мы стояли обнявшись, а «Гикия», в который раз доказав, что она живая, стала медленно разворачиваться в сторону Балаклавы.

Мы долго молчали. И нельзя было выразить ни словами, ни слезами всего, что могло выплеснуться из груди. Мы оба всё это понимали, да и были не в силах что-либо говорить.

– В Балаклаву, – тихо сказал я.

– В Балаклаву, – кивнул в ответ сын.

«Гикия», получив ветер в корму, весело понеслась на восток. Туда, где виднелись Генуэзские башни. Туда, где дышал белыми бурунами невидимый со стороны вход в бухту. Туда, где до нас вот так же спасались отцы и сыновья. Спасались сотни и тысячи лет назад. И так же для них слово «жизнь» неотделимо было от слова «Балаклава».

...Мы сидели на набережной, прямо у воды бухты. Зверино-перестроечная, безвкусная кафуха, конечно же, была для нас гриновской таверной. И пили мы, конечно же, не тормозную жидкость под названием «Пепси», а старый добрый эль. И молчали. Молчали и смотрели на море, что мирно искрилось рядом. Смотрели на людей. Они гуляли, смеялись, пели и пили. И никто из них не догадывался, да и не мог догадаться, что было с этим мальчиком и с этим дядькой полчасика назад.

...Полчасика назад. ...Неделя назад. ...Месяц назад. А что же привело нас сюда? И можно ли понять, что происходит? И можно ли сопротивляться этому накату тьмы, что так явственно выплеснулась, казалось бы, из небытия?

Из средневекового мрака и из спрессованной лжи веков. А как всё это начиналось? Ну да, это было в марте, когда мы продавали хлеба...

ТИХВИНСКАЯ ИКОНА БОЖИЕЙ МАТЕРИ

По преданию, Тихвинская икона Божией Матери была написана святым евангелистом Лукой и передана им Феофилу в Антиохию. Затем икона пребывала в Иерусалиме, откуда

в V веке её взяла с собой в Константинополь путешествовавшая по святым местам императрица Евдокия, супруга Феодосия Младшего.

В рукописных «Сказаниях о Тихвинской иконе Богоматери», наиболее ранние из которых датируются рубежом XV–XVI веков, её появление в новгородских пределах относится к 1383 году – при Московском великом князе Димитрии Донском икона, необъяснимо, чудесным образом исчезнувшая в Царьграде, явилась над водами Ладожского озера, сияя лучезарным светом. Явление её видели рыбаки. На месте её появления поставили часовню. «Светозарно шествуя по воздуху» из одного селения в другое, «ангелами невидимо носима», икона ещё несколько раз появлялась перед очевидцами. Вскоре образ обнаружили у деревни Имоченицы, у реки Тихвины, затем он явился «на Кожеле на Куковой горе». Здесь отслужили молебен и начали рубить на горе храм. Но наутро икона исчезла и обнаружена была в 90 саженьях от того места вместе с основанием под храм. На том месте, где икона окончательно остановилась – на левом берегу реки Тихвины, – был устроен деревянный храм во имя Успения Богоматери, который неоднократно при пожаре превращался в пепел, но находившаяся в нём явленная чудотворная Тихвинская икона Божией Матери всегда оставалась невредима. Наконец усердием великого князя Василия Иоанновича вместо деревянного храма для Тихвинской иконы Божией Матери в 1510 году был создан каменный, а спустя 50 лет иждивением и усердием царя Иоанна Грозного был основан Тихвинский Богородичный Успенский мужской монастырь.

Много чудес явила Пресвятая Богородица через свою икону, но наиболее замечательным было спасение Тихвинской обители от нашествия шведов в 1613 году. Всё население укрылось за монастырскими стенами; осаждённые горожане и иноки в горячих молитвах перед чудотворным образом просили заступничества Божией Матери. Во время осады одной благочестивой женщине, Марии, за два года перед тем пришедшей в монастырь слепой и получившей по вере своей зрение, ночью в тонком сне явилась Пречистая Дева и сказала: «Объяви всем, находящимся в обители, да возьмут икону Мою и обойдут по стенам вокруг, и

узрят милость Божию». Радостью и упованием исполнились сердца осаждённых, чудотворный образ с молебным пением обнесён был по стенам монастырской ограды, и внезапно врагов объял страх. Никем не гонимые, они бежали от обители.

Спустя некоторое время враги снова с большими силами окружили монастырь. Православные опять прибегли к чудотворному образу Богородицы и умоляли Её умиلسердиться над страждущими. В монастыре находился послушник соловецкого монастыря Мартиниан, человек чистый сердцем и богобоязненный. В ночном видении ему явилась Богоматерь и объявила: «Близ гибели есть место сие многих ради нечистот греховных, имиже оскверняется сие святое место Мое». В ужасе от видения Мартиниан со слезами рассказал о нём начальствовавшим в обители. Сквернодетельные лица были изгнаны из монастыря, в усердных слёзных молениях братия просили Бога и Богородицу, да не предадут людей Своих в руки врагов. 13 (26) сентября, после нового явления Божией Матери в ночном видении Мартиниану и повеления отогнать врагов от дома Её, православные защитники обители и Отечества удостоились дивной небесной помощи. Шведы увидели, что со стороны Москвы к обители идут многочисленные полки вооружённых воинов, и испугались. Одна надежда на подземные подковы удержала врагов от бегства.

Осаждённые, услышав о новом явлении и повелении Богородицы, укреплённые упованием на небесную помощь, устремились на врагов. Тех объял страх, и они со стыдом побежали, поражая друг друга. Пленные из врагов рассказали, что они в прошедшую ночь видели многочисленное воинство, выходившее из монастыря для нападения на них. Эта славная победа чудесно дарована Богоматерью в ночь на праздник Воздвижения Животворящего Креста в 1614 году.

Не прошло и года, как командующий шведской армией Делагарди в страшной злобе на Тихвинскую обитель, при осаде которой столько было потрачено напрасных усилий и понесено потерь, послал многочисленное войско с при-

казанием разорить монастырь до основания, чудотворную икону Богоматери изрубить на части, а церковь, в которой она находится, разметать по полю. Когда эта угроза врага достигла слуха защитников монастыря, они устремились и даже хотели удалиться с чудотворным образом в Москву. Но икона пребывала неподвижна, её никак не могли сдвинуть с места. И слабая горсть защитников, возложив свою надежду на всеильную помощь Богородицы, затворилась в обители и ожидала врага. Скорая Помощница правоверным и Хранительница обители не допустила до неё неприятелей. Они поражены были новым чудом: им показалось, что на них устремилось многочисленное вооружённое воинство. Не надеясь противостоять такой силе, враги в беспорядке бросились бежать от монастыря и с этой поры не дерзали уже подступать к обители для её разорения. Победа над врагами единодушно и воинами, и вождями была приписана невидимой помощи Тихвинской Богоматери.

Спустя около года после чудесной победы прибыли в стены Тихвинского монастыря царские послы для заключения мира со шведами. Сняв список с чудотворной Тихвинской иконы, они отправились за пятьдесят пять вёрст, к реке Сяси, в деревню Столбово, недалеко от Ладоги, куда прибыли и шведские послы, и там 17 февраля 1617 года заключили Столбовский мир перед иконой Божией Матери как главной

поруки мира со стороны русских. Оттуда послы отправились с той же иконой для принятия из рук врагов Новгорода, бывшего в их власти семь лет, где с благодарственными слезами встречена была Царица Небесная, дивно избавившая от врагов.

В память чудесного явления Тихвинской иконы и одоления врагов предстательством Богородицы 9 июля (26 июня) Церковью по всей России был установлен праздник в честь Тихвинской иконы Богоматери. Тихвинская икона стала почитаться национальной святыней, список с неё был поставлен в Успенском соборе Московского Кремля. На поклонение святой иконе издревле притекали и приносили свои посильные вклады в её честь лица всех сословий, и знатные, и простые. По самым скромным подсчётам, все украшения на золотой ризе, не считая её самой, стоили около 60 000 рублей серебром. Перед иконой висела золотая лампада ценою около 12 000 рублей серебром – приношение графа Шереметева в 1803 году.

После закрытия обители большевиками в 1920-х годах чудотворный образ попал в местный музей. В годы Великой Отечественной войны городом ненадолго овладели нацисты, и с их уходом исчезла чудотворная икона. В 1944 году Тихвинскую святыню видели в одном из антикварных магазинов оккупированной немцами Риги.

В результате долгих странствий в 1950 году чудотворный образ был перевезён в Свято-Троицкий собор в Чикаго, где настоятелем и хранителем иконы сначала был архиепископ Рижский Иоанн (Гарклавс), а затем его приёмный сын протоиерей Сергей Гарклавс, всю свою жизнь посвятивший сохранению иконы.

Православный публицист Сергей Фомин в статье «Война, Церковь, Сталин и митрополит Илия» сообщает историю, согласно которой в 1941 году чудотворный список Тихвинской иконы из московского храма Тихвинской иконы Божией Матери в Алексеевском спас Москву от немцев: «Изрядно смутившийся Сталин [...] призвал к себе в Кремль духовенство для молебна о даровании победы; тогда же чудотворная Тихвинская икона Богородицы из Тихвинской церкви в Алексеевском была на самолёте обнесена кругом Москвы и Москву от врага спасла. А 9 декабря после первого успешного контр наступления, предшествовавшего московскому, был освобождён г. Тихвин».

Эту же историю писатель и священник о. Николай Блохин включил в свой роман «Рубеж» (2015), а в интервью подтвердил, что она основана на реальных событиях. «Ранней осенью в Московской области шли жуткие дожди, – рассказывал писатель, – никогда раньше таких дождей не было. Вода превратила землю в месиво, и 2,5 тысячи танков Гудериана и Гепнера завязли в непроходимой грязи. А поздней осенью вдруг ударили невероятно сильные морозы. Мой отец, участник обороны Москвы, своими глазами видел 19 ноября на ртутном термометре минус 52 градуса! А скажите мне, что станет с двигателем, если он простоит на таком морозе всю ночь? Утром его невозможно будет завести. В результате у Гудериана под Тулой на ходу оказалось всего пять десятков танков, а у Гепнера под Москвой – ещё меньше. Если бы не это, 4-я танковая группа Гепнера, переброшенная под Москву из-под Сталинграда, наверняка вошла бы в нашу столицу. Но чудо есть чудо: наши танки все завелись! И об этом, конечно, было доложено Сталину. Может, двигатели наших боевых машин всю ночь работали на холостом ходу? Не работали! Горючки

не было. И Сталин понял, Кто защищает Москву. Недаром в семинарии учился. Вот почему он вдруг изменил отношение к Церкви. И народ получил самое надёжное оружие – веру. Одним из первых был открыт храм Варлаама Хутынского, именно в день памяти этого святого ударил небывалый мороз.

А вот историю о том, как по приказу Сталина 8 декабря 1941 года на американском "Дугласе" был совершён облёт Москвы с иконой Богородицы Девы Марии "Тихвинская", я услышал от главного участника события, маршала авиации Александра Евгеньевича Голованова. Было это летом 1952 года. Мой отец работал мастером-наездником Московского ипподрома. В один из дней на конюшне собрались шесть любителей бегах: мои родители, маршал Голованов, генерал-полковник Михаил Громов, Василий Сталин и я. Сын вождя командовал военно-воздушными силами Московского военного округа, был генерал-лейтенантом. Но на конюшне все его звали Васькой. Он подтвердил рассказ главного маршала авиации. Александр Евгеньевич рассказывал, что, мягко говоря, удивился, когда услышал приказ Верховного. Была жуткая метель – в нескольких метрах ничего не видно. Возник резонный вопрос: нельзя ли перенести полёт? Но Сталин сказал, что погода очень хорошая, а станет ещё лучше. И произнёс необычную загадочную фразу: "Варлаам Хутынский как уже устраивал, так ещё устроит". Что ж, приказ есть приказ. Штурмана на облёт Москвы Голованов решил не брать: чего там "штурманить", когда всё равно ни зги не видно! Но ему дали очень интересных пассажиров: священника с иконой и трёх женщин. Голованов говорит батюшке: "Вообще-то так: полёт наш непредсказуем – вы понимаете? Я знаю, что вы добровольцы, но..." – "Милок, – отвечает священник, – какая непредсказуемость? С нами Царица Небесная!" Представляете реакцию летчика? Но батюшка говорит ещё круче: "Слушай, сынок, нельзя ли в полёте, это самое, чтобы двигатели твои работали потише и не мешали пению?" Голованов не выдержал и рассмеялся. Взлетели. И вдруг Голованов заметил, что в самолёте необычайно тихо. Посмотрел: моторы

Согласно завещанию архиепископа Иоанна (Гарклавса), возвращение подлинника иконы в Россию должно было состояться лишь тогда, когда возродится Тихвинская обитель. В 1995 году Тихвинский Богородицкий монастырь был возобновлён. 23 июня – 9 июля 2004 года состоялись торжества по случаю перенесения Тихвинской иконы Божией Матери из Чикаго в Москву, Санкт-Петербург, а затем в Тихвин, где она была поставлена в Успенском храме обители. Протоиерей Сергей Гарклавс вспоминал: «В Ригу мы прибыли 21 июня 2004 года и пробыли там 2,5 дня. Встреча была неопишуема! Когда въехали в город, начался колокольный звон, а улицы с обеих сторон были заполнены людьми. 250 тысяч человек встречали Святыню. Потом икона приехала в Москву (где на поклонение к ней пришло около полумиллиона человек), затем – в Петербург. А утром 8 июля мы выехали с Ладожского вокзала в специальном поезде в Тихвин. Там от Соборной площади к монастырю икону несли по дороге, усыпанной живыми цветами».

работают. А шума нет! Ясно слышны голоса священника и певчих: "Царица моя преблагая, надежда моя, Богородице..." А по радиосвязи голос из Кремля: "Саша, сделай погромче..." Сталин любил церковное пение, об этом рассказывали сведущие люди после его смерти.

Полёт продолжался. Голованов рассказывал: "Смотрю, а у меня в фонаре (переднее стекло кабины) вид, как на полотнах Куинджи: кругом метель, а впереди все видно до самого горизонта". Самолёт летел светлым тоннелем, вокруг которого бушевала непогода».

Это удивительное событие отражено в одной из мозаик, посвящённых обороне Москвы 1941 года, в главном храме Вооружённых сил России в парке «Патриот».

И вновь великая святыня земли русской простирает свой покров над нашим народом...

Татьяна НИКИТИНА

МАМЕНЬКИН СЫНОК НА ЦЕЛИНУ НЕ ЕЗДОК

К огромному сожалению, судьба свела меня с человеком, открывшим для меня покорителей целины, Льва Толстого и, что самое необычное, Индию в русском свете, под конец его земной жизни. В юбилейный 2019 год мало какое издательство захотело поднимать тему освоения целины. А меня взяло за живое. Стало по-человечески обидно: кому-то понадобилось вычеркнуть из публичной истории поразительное: подвиг тех десятков тысяч, кто добровольно отправился из европейской части страны за тридевять земель в Казахстан, Алтай и Сибирь. Они доверились призыву правящей тогда партии и главному шефу освоения целины – комсомолу: он комплектовал эшелоны энтузиастов.

Надо было снабдить послевоенную страну хлебом. Надо было для этого создать 424 (!) совхоза, вспахать и засеять 42 000 000 (!) гектаров. Начиналось с палаток в первую зиму, в изнурительные морозы, с бездорожья и всяких иных неминуемых для первопроходцев невзгод.

Истинно герои! Они хотели быть полезными народу. О некоторых из них прочитайте в далее следующих очерках.

Что в итоге? Страна в 1954–1960 годах получила почти 600 000 000 тонн зерна.

Можно продолжать и дальше...

Я, как главный редактор журнала «Александръ», охваченный идеей раскрыть данный героический период жизни нашей большой

страны, обратился за помощью к хорошему другу, заместителю главного редактора «Литературной газеты» Леониду Колпакову, с просьбой помочь найти человека, способного раскрыть эту тему, очевидца события.

Ответ получил практически сразу: Валентин Осипов, кавалер медали «За освоение целинных и залежных земель», писатель, лауреат Большой литературной премии России и прочее, прочее...

Получив предупреждение о том, чтобы не раскрывал источник получения телефона, я связался с Валентином Осиповичем Осиповым, который, услышав тему разговора, насторожился, но после недолгого разговора согласился на встречу, попросив принести несколько журналов.

Настороженность Валентина Осиповича мне была понятна – важный и небезучастный свидетель того необычного даже для мировой цивилизации деяния – поднятия целины – Валентин Осипович Осипов сам попросился в Казахстан, будучи москвичём, с целью создать газету «Молодой целинник». И это тоже происходило вполне по-целинному: только из числа добровольцев и с помощью командированных коллег из «Комсомольской правды» и «Московского комсомольца».

Всего насмотрелся... Даже стиля верховной партвласти: призвать к героизму, не успев, к примеру, обеспечить дорогами для вывоза зерна: сколько же гибло его под дождями! Поспешая, не разработали агрономию с учётом климатических условий: начались губительные засухи.

Первый вопрос был – зачем?

Получив ответ, успокоился и, посмотрев с интересом, стал рассказывать о Льве Толстом, Шолохове, стали вспоминать общих знакомых, обсуждать литературу.

В конце разговора, получив в подарок две подписанные книги и ксерокопию рукописи Михаила Шолохова, условился с Осиповым о том, что в связи с короткими сроками информации по теме освоения целины он пришлёт в течение месяца. На том и расстались.

А через месяц материалы не подошли. Прождав две недели, я, набравшись храбрости, позвонил и, извинившись, уточнил, как продвигаются дела по сбору материалов. Услышал в ответ, что материал давно собран и за два дня до указанной даты отправлен на мою электронную почту. Выяснилось, что была небольшая ошибка.

Поразили обязательность и равнодушие этого волевого человека. Вышедшему номеру он очень обрадовался и высоко его оценил.

Как настоящий Дон Кихот, Валентин Осипович, будучи даже тяжелобольным, по-прежнему что-то замышлял и спорил так, что возникали конфликты с коллегами.

Валентин Осипов, будучи настоящим леоптищем Шолохова, знал на вкус каждую его строчку, без преувеличения. И знал назубок аргументы шолоховских ненавистников – тех, кто ввёл в оборот термин «автор "Тихого Дона" без указания фамилии, потому что «пока неизвестно, кто автор».

Так сложилось, что последний разговор с Валентином Осиповым состоялся в июле 2020 года. Он жизнерадостно, по-доброму рассмеялся, получив привет из Вёшенской, обрадовался и пообещал прислать воспоминания о Михаиле Шолохове. Что, как всегда, исполнил точно в срок. Так вышло, что мы получили одно из последних произведений этого замечательного писателя и талантливого журналиста.

ОТКРОВЕНИЯ В ВЁШКАХ

Из воспоминаний издателя

3 и 4 июля 1983 года. Чтобы узнать судьбу двух ещё месяц тому назад заказанных Шолохову статей, звоню в Вёшенскую и спрашиваю на приезд.

Уже при первом погляде на Шолохова уловило, как ему непомерно тяжело от мучительной болезни – рак (!). Тело стало немощным, истерзанным. Преклонный возраст – 79-й год пошёл с мая – тоже, понятное дело, сказывается. Но могучий ум не сдавался.

Два дня мы провели в Вёшках с тогдашним редактором «Роман-газеты» Валерием Ганичевым. Не забуду, что, когда вошли, так сразу – и не мимоходом – спросил нас: «Ну, что нового в Москве?» Он, оказывается, начинал догадываться, что быть в столице политическим переменам. Я давно улавливал, что и он уставал терпеть засилье тщеславных державных старцев в Кремле. Колко, с сарказмом отзывался, как далее прочитаем, даже о Брежневе.

Чаепитие с тортом от Марии Петровны и с рюмочкой коньяка от хозяина не помешало приступить к тому, ради чего он и пригласил.

Вручил мне две свои статьи – исполнил заказ и моего издательства, и моего болгарского коллеги из издательства «Народная культура».

«Читателям библиотеки "Родные нивы"» – это его вступительная статья к готовящемуся шеститомнику лучших повестей, рассказов и поэзии дореволюционных и советских творцов о крестьянстве. Последняя строка всё не уходит из памяти: «Поклон вам низкий, люди земли, люди сельского труда!» Выходит, вслух попрощался.

«Обращение к болгарским читателям» – статья для своего же собрания сочинений на болгарском. И здесь напутствие, что стало, как убеждён, истинно духовным завещанием.

Он писал его так, что я почувствовал: это Слово прежде всего адресовано своим согражданам. Начал так: «Есть ещё охотники разрушить связь времён, забыть о светлых традициях в жизни народа...»

Продолжил: «Давайте порассуждаем вместе – прошлое, настоящее и будущее совсем не взаимоисключающие друг друга или обособленные измерения жизни человека и человечества. Только их тесная взаимосвязь ради служения Родине, ради осуществления истинных народных чаяний, то есть и ради будущего, делает талантливое литературное произведение актуальным независимо от того, когда оно создано – пятьдесят, сто или, скажем, двести и более лет назад...»

Был щедр на общение. Когда получили статьи, то подумали с Ганичевым: пора и честь знать. Но не отпустил. Больше того, сказал, чтобы и на завтра не уезжали: командировка стала гостеванием.

Не знаю, уместно ли в рассказе о беседах с Шолоховым выражение «разговор о будничном». Но и такой в те дни то и дело возникал непринуждённо. О всяком, если припоминать «тиходонские» выражения, гуторили. Например, помянули одного писателя, который напечатал книгу с обозначением «роман-эссе». В ответ услышали: «Ну-ну» – такую, с ехидными зазубринами стрелку он метнул в нелепое поименование жанра. Или: будет – не будет урожай. О мосте через Дон у станицы, который построили благодаря хлопотам депутата Шолохова, давно напрашивалось сменить неудобные разводные понтоны.

О недавней рыбалке: он стеснялся рассказывать о ней. Это, как я понял, потому, что из-за болезни его возили всего-то на пруд: «Ну какая там рыбалка, на пруду. Так себе... мелочь... я её обратно...» Об охоте: и он, и Мария Петровна говорили о ней азартно, увлечённо. Она: «Я заядлая охотница. Могу дуплетом по гусям...» Он: «Я больше по перу...» Пожалуй, что скаламбурил: дуплетно. Я рассказал о доброжелательных проводниках в поезде «Тихий Дон», которые рискнули взять меня без билета, – вскочил в вагон по спешке, оставив билет у приятеля. Он: «Казачки же!» Вместе с Марией Петровной поделился, что в ближайшую субботу собираются праздновать свадьбу внука: «Вот, готовимся...» Ганичев передал Шолохову подарок – портрет по металлу словацкого художника-скульптора Яна Кулиха с надписью «Великому писателю».

И в первый день, и во второй он сидел за столом в медицинском кресле на колёсах. Вдруг выложил, что подкладывает под себя плоскую подушечку с просом – послушался-де совета одного станичника. Это чтобы не случилось по тогдашней жаре пропотелостей и пролежней. Пошутил на этот счёт, но с перчиком: вот, мол, стал на старости лет «жопорушкой», явно от слова «просорушка». Хохоту-то было.

Без Сталина не обошлось. Шолохов говорил о нём, о его отношении к себе и о своём отношении к нему спокойно. Не раздавалось ни преувеличенных восторгов, даже в рассказах о хорошем во взаимоотношениях, ни огульного, так скажу, отрицания, когда вспоминал о мрачном, о трагическом.

Шолохов упомянул о едва ли не аскетизме Сталина в быту. Вспомнил, как однажды был приглашён отобедать на подмосковной даче. Около вседержавного хозяина, как запомнилось писателю, стояла бутылка грузинского вина и не было никаких разносолов – из яств лишь тарелка по-грузински приготовленного холодного мяса. Ещё Шолохов отметил скромную обстановку.

Я спросил его:

– Когда в 1938-м готовили ваш арест, в чём обвиняли?

Ответствовал немногословно:

– Во всём. Даже в том, что я высказывался о бесхозяйственности – что колхозные комбайны зимуют под открытым небом. – Добавил с горькой усмешкой: – До сих пор ведь в половине колхозов, думаю, так стоят.

Ганичев ему, к слову, сообщил:

– В печати идёт спор, хорош ли новый Ростовский комбайн.

Услышали в ответ вновь с горечью:

– Спорят... А комбайн от этого лучше не становится.

Внезапно о секретаре крайкома довоенной поры:

– Он до революции экспроприатором был. Деньги отбивал... Анархист! Человек, скажу, храбрый. Четыре ордена... Жил у меня дома четыре дня. Спросил у него, когда начал чувствовать на себе внимание органов: «Почему из всех членов бюро райкома одного не посадили – меня?» Он ответил: «Когда к дубу хотят добраться, по дороге к нему молодняк валят». Он в разговорах отрицал, что в тюрьмах пытки. Я его потом в Москве, когда секретаря райкома спасал, в НКВД увидел – глаз выбит, кровоточит... Сам попал в то, что копал.

О многом говорилось в те два дня. Звучали имена Долоресс Ибаррури, Молотова, Ильи Эренбурга, скульптора Конёнкова, Леонида Леонова...

Кое-кого вспоминал с горечью, обидой. Об Александре Солженицыне высказался с неприязнью, ничего о причинах того, однако, не прояснив. (О том, что этот писатель, увы, возглавил несправедливую антишолоховщину, теперь хорошо известно.)

С уважением говорил о Василии Шукшине. Рассказал, что познакомился, когда снимался на донской земле фильм «Они сражались за Родину». Растроганно припоминал скромность Шукшина.

Через некоторое время болгарский журналист Спас Попов передал мне своё интервью с Шукшиным, которое случилось вскоре после поездки этого артиста и одновременно писателя в Вёшки. В интервью прочитал: «Как я вижу Шолохова теперь? Намного ясней... До этого я имел представление о нём по устным рассказам, услышанным в московских клубах,

компаниях, ресторанах от актёров и писателей. А это упростило или, точнее сказать, создало у меня искажённое представление о нём. Каким я вижу его после личного общения? Глубоким, мудрым, простым. Для меня Шолохов – олицетворение летописца. Шолохов вывернул меня наизнанку. Шолохов мне внушил – не словами, а самым своим присутствием в Вёшенской и в литературе, – что нельзя торопиться, гоняться за рекордами в искусстве, что нужно искать тишину и спокойствие, где можно осмыслить народную судьбу...»

Война, конечно же, вошла в разговоры. Началось с того, что Шолохов высказал свои оценки – высокие – маршала Жукова. И даже поделился предположениями, почему Сталин и Хрущёв проявили грубое недоброжелательство к всенародному любимцу. Сказал: «То была не только ревность к славе, но политическая боязнь». Ганичев припомнил, как вручал незаслуженно отставленному от дел маршалу подарочное издание «Тихого Дона» и тот выразил свою любовь к роману. Шолохов проговорил:

– Жаль, что ни разу с ним не встретился.

Я тем временем углядел на его столе – по правую руку – том воспоминаний маршала Рокоссовского. И спросил:

– Читаете?

– Перечитываю! – И в голосе усмешливая, как я почувствовал, укоризна: дескать, разве он мог позволить себе не прочитать эту книгу раньше. Добавлю: в последующее свидание, уже в больнице, тоже углядел то, что он читал, – «Воспоминания и размышления» Г. К. Жукова.

Война... Он вместе с Марией Петровной вспомнил о своей матери, о её гибели, когда немцы бомбили Вёшенскую.

Мария Петровна отметила такую черту её характера, как упрямство.

Ганичев тут же Шолохову:

– Вас ведь тоже трудно переубеждать. Вы тоже упрямый...

Ответил:

– Нет... – И усмехнулся: – Если кто меня переубеждает, я сдаюсь, подчиняюсь.

Решили с Ганичевым – воссоединёнными силами – прояснить судьбу военного рома-

на. Уж сколько десятилетий он всё издается с грустной для читателей пометой «Главы из романа». Когда же завершит? Но интересовались мы не просто из любопытства.

Превеликий искус узнать судьбу романа был невероятно обострён откровениями – почти шёпотом – секретаря Шолохова, что-де, по свидетельству младшего сына, роман в полном его виде, рукописном, писатель сжёг.

Страшно было слушать. Ошеломило. В лобовую, понятно, не полюбопытствуешь – так ли, не так ли. Воспользовался каким-то удобным предлогом и спросил Шолохова:

– Будете ли продолжать и заканчивать?

Кажется, что вопрос застал врасплох. Молчит. Я понял, что он раздумывал – довериться ли гостям всем тем, что всё-таки через мину-ту-другую доверил:

– Послал я Брежневу рукопись романа... Там несколько страниц о Сталине. Подумал, что посоветоваться не помешает. Жду неделю. Жду месяц. Жду третий... – Как бы мимоходом обронил: – Сталин «Поднятую целину» за две ночи одолел. – И продолжил: – Живу в Москве. И как-то посыльный из ЦК: передаёт мне папку с романом. Я скорее раскрывать. А там что? Письма мне никакого в ответ нет, а по рукописи на полях три восклицательных знака. И всё! Совсем без каких-либо пояснений или разъяснений... Один вопрос стоял там, где у меня шло о Сталине. Критически шло... Второй вопрос – где у меня герой проходил по союзникам, что тянули с открытием второго фронта. Третий – там, где снова шло о Сталине...

Что же мне делать? Вот, думаю, посоветовался. Ну, посчитал, проясню у Кириленко. Он был тогда – помните? – вторым секретарём ЦК. Звоню – тут же соединили. Рассказываю, а он в ответ: «Это, дорогой Михаил Александрович, недоразумение. Это, дорогой Михаил Александрович, ошибка чья-то, а не Леонида Ильича. Я сегодня же, – говорит, – всё проясню у Леонида Ильича. Вы через два-три дня позвоните. А сейчас пошлю за вашей рукописью – вы верните её». Приехали за рукописью очень быстро. Я, конечно, отдал. Звоню через три дня. Звоню всю неделю. Ещё месяца два-три звоню. Нет Кириленко. Так

ни разу не соединили. Наконец нарочный доставляет пакет с рукописью. Я папку раскрыл – всё в прежнем виде: ни письма, ни на полях ничего нового... – Закончил, помолчал, буркнул: – Говорят, Брежнев охотник хороший.

Выслушали мы, а не унять желания узнать судьбу романа: жив – не жив? Но как узнать?

Первым Ганичев не утерпел. Проявил замысловатую дипломатичность, спросил эдак невинно:

– Михаил Александрович, а где вы храните эту рукопись романа?..

У меня мелькнуло: «Ну, вот петелька для ответа». Жду: вдруг не подтвердит, что бросил рукопись в огонь. Жду, что скажет: «Да, где же ей быть, как не в столе...»

Он, однако, собрался и отвёл от себя хитрованный захват, дал резкую отваду нашим соблазнам:

– Нет её здесь! – сказал неподступно, как ударил закомлястой палицей. Мы уже знали цену такой жёсткой интонации. Она не позволяла рисковать продолжить тему. Новые – не угодные ему – вопросы могли перебить, а то и прекратить встречу.

Так и осталась тайной эта страница шолоховской жизни – драматическая!

Шолохов после паузы – видно, наше любопытство про рукопись сильно зацепило, – снова принялся за Брежнева. Стал рассказывать, как отказал в гостеприимстве: не пожелал принять в Вёшенской. Нашёл для этого благовидный, по своему мнению, предлог. Изложил происшествие так:

– Звонок междугородний – Москва! Мне говорят: «Сейчас с вами будет говорить генеральный секретарь цэка капээсэс товарищ Леонид Ильич Брежнев!» После такого вступления стало во мне что-то закипать... через секунду-другую слышу в трубке: «Михаил Александрович, здравствуйте! Я решил заехать к вам, в Вёшенскую. Побывать у вас в гостях. Вы не будете возражать?» А мне как можно возражать?.. Я и говорю очень вежливо: «Дорогой Леонид Ильич, как же вы к нам приедете, если у нас в этом году с урожаем на Дону не вышло. Нет у нас урожая». Слышу –

молчит. Потом говорит: «До свиданья, Михаил Александрович».

Шолохов при этих словах заговорщически ухмыльнулся: явно приглашал нас разделить-уразуметь, как ловко-де нашёл наипочтительную возможность дать – непочтительно – отваду обидчику, притязавшему на сближение. Хитрован: знал необузданную тягу-любовь Брежнева к торжествам-парадам.

Выделю и замечу: Шолохов тогда далеко не всю историю своего романа – горестно-драматическую – изложил.

В 1991-м старшая дочь писателя, Светлана Михайловна, мне кое-что поведала, внеся наисущественное дополнение:

– Как-то главный редактор «Правды», – так начинался рассказ дочери, – попросил у отца отрывок из новых глав этого романа. К 7 ноября, в праздничный номер. Сначала отец отказал ему, но после настойчивых просьб послал отрывок, где речь идёт о Сталине и о репрессиях. Редактор не решился напечатать это без «визы сверху». Уговаривал отца сделать поправки: «смягчить» или вообще выбросить некоторые «острые места». Отец, хотя и вышел очень резкий разговор, отказался.

О Брежнев, – продолжился рассказ дочери. – Отец либо вам неточно передал, сколько было у того восклицаний на полях, либо вы что-то не так записали. Так называемых «замечаний» было много. Искорёжили роман...

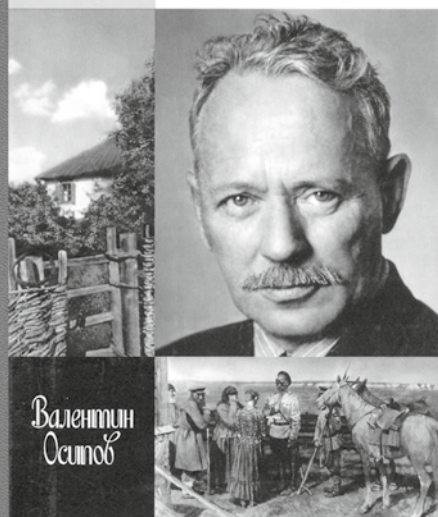
И в самом деле партцензура скрыла от читателей истинное отношение великого творца к Сталину. Горжусь: к 90-летию Шолохова мы воссоединились со Светланой Михайловной и совместно с издательством «Либерея» выпустили роман полностью отреставрированным. И ещё увеличили тираж восстановленных политкупу – я обнаружил их сотысячным тиражом в своём «Альманахе исторических сенсаций» в качестве заметок дочери писателя.

И ещё от дочери. Она передала мне письмо отца Брежневу. Перепечатаваю его полностью – какой же многогранный документ времени!

«Дорогой Леонид Ильич! Как ты сегодня сказал, вступая в доклад: "по традиции регла-

ШОЛОХОВ

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

«Шолохов ... взял на себя политическую смелость отдать свой авторитет, чтобы защитить от политической заклейменности тех, кто был честен в исполнении воинского долга и мужской чести...»

мент пленума не меняется", так и у меня по неписаной традиции не меняются отношения с "Правдой": "Тихий Дон", "Поднятая целина" и "Они сражались за Родину" почти полностью прошли через "Правду".

Не изменяя этой традиции, я передал туда новый отрывок из романа, который вот уже более трёх недель находится у тебя. С вопросом его использования нельзя дальше тянуть, и я очень прошу решить его поскорее по следующим причинам:

1. Я пока не работаю, ожидая твоего решения. Не то настроение, чтобы писать.

2. О существовании этого отрывка и о том, что он находится в "Правде", широко известно в Москве, и мне вовсе не улыбается, если где-нибудь в "Нью-Йорк Таймс" или в какой-либо другой влиятельной газете появится сообщение о том, что "вот, мол, уже и Шолохова не печатают", а потом нагородят вокруг этого ещё с три короба...

Обещанный тобой разговор 7 октября не состоялся не по моей вине, и я ещё раз прошу решить вопрос с отрывком поскорее. Если у тебя не найдётся для меня на этот раз времени для разговора (хотя бы самого короткого), поручи, кому сочтёшь нужным, поговорить со

мною, чтобы и дело не стояло, и чтобы оградить меня от весьма возможных домыслов со стороны буржуазной прессы, чего и побаиваюсь, и, естественно, не хочу.

Найди 2 минуты, чтобы ответить мне любым удобным для тебя способом по существу вопроса.

Я – на пленуме. Улетаю в субботу, 2.XI. Срок достаточный для того, чтобы ответить мне даже не из чувства товарищества, а из элементарной вежливости. Обнимаю!

М. Шолохов. 30 октября 1968 г. Москва.

Письмо, необычное едва ли не каждой своей строкой. Меня к тому же тон удивил: требовательный, взыскующий.

...На память о своей поездке в Вёшенскую увозили несколько фотографий, одну из них выделю. Шолохов за столом: ворот рубахи вольно расстёгнут; в одной руке листы статьи, в другой – сигарета, рядом стакан чаю... И как же красивы выразительные линии, вычерчивающие гордо сидящую на высокой шее голову, огромный лоб и горбатинку носа.

Валентин Осипов, август 2020 г. Москва

Анатолий ТРУБА

Апрель 2021 г. Севастополь

«АЛЕКСАНДРЪ» НА «ЗОЛОТОМ ВИТЯЗЕ»

23 мая в городе Севастополе Социальный центр «Александръ» организовал проведение в парке им. А. Ахматовой торжественной церемонии высадки деревьев на аллее «Золотой Витязь», проходившей в рамках XXX Международного кинофорума «Золотой Витязь».

Сама аллея «Золотой Витязь» в Парке Анны Ахматовой была заложена в 2019 году по инициативе главного редактора журнала «Александръ» Анатолия Трубы. Тогда было высажено свыше ста деревьев грецкого ореха и миндаля. Свои именные деревья посадили Николай Бурляев, Василий Ливанов, Аристарх Ливанов, Михаил Боярский, Милена Радулович, Михаил Голубович, Сергей Шакуров, Владимир Гостюхин, Талгат Теменов, Андрей Мерзликин, Ольга Кабо, Александр Михайлов, Сергей Маховиков, Инга Шатова, Алексей Колесник, Антон Пампушный, Ивана Жигон и другие кинематографисты из разных стран мира.

В этом же году на аллее звёзд «Золотого Витязя» было высажено дополнительно 31 дерево – груша сорта «Золотой витязь» и 30 саженцев «деревя Победы Севастополя» – миндаля.

«Посадка деревьев в Севастополе для нас – это символически важно. Два года назад мы заложили здесь аллею звёзд "Золотого Витязя", и большинство деревьев прижились, поскольку были высажены добрыми и любящими руками», – сообщил основатель кинофорума народный артист России Николай Бурляев.

Он отметил, что участники кинофорума высадят ещё около 30 грушевых деревьев сорта

«Золотой витязь», который выводился учёными Федерального научного центра садоводства и питомниководства под руководством академика РАН Ивана Михаловича Куликова в течение тридцати лет.

«Ученые назвали этот сорт груши "Золотой витязь" и подарили это новое дерево кинофоруму. И эти деревья – больше чем памятник. Это необыкновенное событие», – подчеркнул Н. Бурляев.

Свои именные деревья в парке им. Анны Ахматовой в Севастополе высадили известные актёры, кинематографисты, деятели культуры России, Сербии, Украины, писатели Союза писателей России.

А 28 мая перед Академическим театром имени Луначарского города Севастополя были высажены два дерева – груша «Золотой витязь» и краснолистная слива, которая являлась своеобразным символом театра и была утрачена в силу возраста семь лет назад. Главный редактор журнала «Александръ» Анатолий Труба подарил театру саженцы деревьев и вручил президенту МКФ «Золотой Витязь» народному артисту России Николаю Бурляеву и директору Академического театра имени Луначарского Ирине Константиновой памятные сертификаты на вновь созданный сорт груши «Золотой витязь».

По итогам кинофорума «Золотой Витязь» учёные-селекционеры ФНЦ садоводства и питомниководства и Анатолий Труба были награждены дипломами «Золотого Витязя».

Александр СЕРГЕЕВ

«АЛЕКСАНДРЪ»

 alexlib.ru